
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 9, No.1 (2023)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 9, №1 (2023)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2023

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CrossRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: philnauki@inno.mgimo.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies, Volume 9, No. 1, (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2023. – 118 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polygot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

- отрасль науки: 10.00.00 – филологические науки;
- группы специальностей: 10.01.00 Литературоведение; 10.02.00 Языкознание.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search; Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО: Журнал. Том 9. №1. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2023. – 118 с.

Научное издание

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО № Том 9. №1.

Выпускающий редактор: Ф.Р. Гафарова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 20.03.2023 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 14,63. Тираж 500 экз. Заказ № 394.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России: 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Head of the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Director of Language Training Department, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

ISSUING EDITOR

Farida R. Gafarova, PhD, Leading expert of the Directorate of Language Training, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Alexey N. Akeksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at English Department №4, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdnyakova, Doctor of Philology, Professor, professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, начальник Управления языковой подготовки, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Гафарова Фарид Рифгатовна – PhD, ведущий эксперт Управления языковой подготовки МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед.н., профессор, заведующий кафедрой педагогики и психологии, проф. кафедры английского языка № 2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Нижнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д.филол. н., доцент, проф. кафедры английского языка №4 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Linguistic means of speech manipulation in the discourse of modern German-language media 8
Irina S. Kashenkova
- On some peculiarities of parenthesis functioning in contemporary popular texts 22
(based on the English version of National Geographic)
Anastasia V. Mikhailcheva
- Making indirect speech in German journalistic comments: conjunctive vs indicative. 32
Elena A. Shesterina

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

- Creation of an English for special purposes textbook for university students – future public 42
relations practitioners
Alexey A. Tychinsky

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

- Concepts of LABOUR and CONDUCT in proverbs: a comparative study 53
Yuriy I. Dzyadyk, Ildiko Csajbok-Twerefou
- Intralingual classification of nonverbal units: curtsies 70
Elena B. Morozova
- Paralinguistic means of manipulative influence on the voter as exemplified 83
by Dmitry Medvedev’s Telegram channel
Olga A. Pogoretskaya
- Anglo-semantism КОЛЛАБОРАЦИЯ as a conflictogenic element in modern Russian. 94
Tatiana M. Shkapenko, Ekaterina V. Zubritskaya, Polina F. Makarova

CONFERENCE REVIEWS

- Mexico in the spotlight of polyglot studies 107
Grigory Kazakov

REVIEWS

- Review on the monograph “The Galician language: its history and modern status” by E.A. Grinina 113
and A.A. Evdokimova (edited by Dr N.V. Ivanov). M.:MGIMO-University, 2022. 234 p.
Valery Iovenko

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

- Языковые средства речевого манипулирования в дискурсе современных немецкоязычных медиа 8
Кашенкова И.С.
- О некоторых особенностях функционирования парантетических конструкций 22
в современных научно-популярных текстах (на примере англоязычного издания *National Geographic*)
Михалчева А.В.
- Оформление косвенной речи в немецких публицистических комментариях: конъюнктив vs индикатив 32
Шестерина Е.А.

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

- Создание учебника по английскому языку для специальных целей 42
для студентов университета – будущих специалистов по связям с общественностью
Тычинский А.А.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Функционирование концептов ТРУД и ПОВЕДЕНИЕ в пословицах: сопоставительный подход 53
Дзядык Ю.И., Чайбок-Тверёфу И.
- Внутриязыковая классификация невербальных единиц: реверансы 70
Морозова Е.Б.
- Паралингвистические средства манипулятивного воздействия на избирателя на примере 83
Telegram-канала Дмитрия Медведева
Погорецкая О.А.
- Англосемантизм КОЛЛАБОРАЦИЯ как конфликтогенный элемент в современном русском языке 94
Шкапенко Т.М., Зубрицкая Е.В., Макарова П.Ф.

ОБЗОР КОНФЕРЕНЦИЙ

- Мексика в центре внимания исследований полиглотии. 107
Казаков Г.А.

РЕЦЕНЗИИ

- Рецензия на монографию Е.А. Грининой и А.А. Евдокимовой «Галисийский язык: 113
история и современное состояние» (под редакцией доктора филологических наук,
профессора Н.В. Иванова). М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2022. 234 с.
Иовенко В.А.

LINGUISTIC MEANS OF SPEECH MANIPULATION IN THE DISCOURSE OF MODERN GERMAN-LANGUAGE MEDIA

I. S. Kashenkova

MGIMO-University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article touches upon the problem of identifying and analyzing speech manipulation in the texts of German-speaking media. Media determine linguistic and cultural pictures of the world, so the analysis of media language will help to establish trends of influence on the cognitive consciousness of society. In today's geopolitical environment, the basic functions of the media transform as they use specific techniques of speech manipulation to achieve informational and emotive effectiveness, allowing for the distortion of the cognitive perception of information by the audience. The material for this study was German-language media texts, selected by means of a total sampling and semantic-syntactic analysis. The relevance of the study is in its linguistic and extralinguistic factors. The author states that in the conditions of information pollution all the participants of communication should be able to distinguish the speech manipulation in the text, to qualify information in terms of its significance or reliability, and to calculate the risks of facing manipulative actions. Taking into account the peculiarities of speech manipulation methods used in the modern German-language media texts, the recipient must have sufficient interpretational competence to allow him to overcome the barriers that prevent the identification and mental comprehension of the means of speech manipulation in the texts of foreign-language publications.

The main purpose of the study is to remove some difficulties in the perception of information in the German-language media text by presenting signs of indirect pressure and speech manipulation in them. To this end, the article classifies the basic techniques of speech manipulation in terms of linguistic analysis, and also justifies the expediency of the formations of interpretative competence in the sphere of epistemic vigilance. The effectiveness of this competence in relation to leveling the negative impact of the discourse of German-language media on the cognitive consciousness of the audience is argued.

Keywords: infodemic, involution, cognitive practices, German-language media, translation, discourse, linguistic means, speech manipulation, epistemological vigilance

For citation: Kashenkova, I. S. (2023). Linguistic means of speech manipulation in the discourse of modern German-language media. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 8–21. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-8-21>

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕЧЕВОГО МАНИПУЛИРОВАНИЯ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИА

И.С. Кашенкова

Московский государственный институт международных отношений МИД
России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы выявления и критического анализа средств речевого манипулирования в текстах немецкоязычных средств массовой информации (СМИ). Медиа способствуют созданию языковой и культурной картины мира, поэтому анализ языка СМИ, текстов современной медиакommunikации поможет установить существующие тенденции воздействия на когнитивное сознание общества. В современных геополитических условиях основные функции СМИ претерпевают существенную трансформацию, поскольку для достижения информационной и эмотивной результативности они намеренно используют особые приёмы речевого манипулирования, допускающие искажение когнитивного восприятия информации аудиторией. Материалом настоящего исследования послужили тексты немецкоязычных медиа, отобранные методом сплошной выборки и семантико-синтаксического анализа. Актуальность данного исследования обусловлена различными лингвистическими и экстралингвистическими факторами. Автором аргументируется тезис о том, что в условиях медиапропаганды и информационного загрязнения все участники полиязычной коммуникации должны уметь различать попытки речевого манипулирования в тексте, квалифицировать информацию в свете её значимости или незначимости, достоверности или недостоверности, просчитывать психологические и ментальные риски столкновения с такими манипулятивными действиями. Принимая во внимание своеобразие используемых в современных немецкоязычных медиатекстах приёмов речевого манипулирования и косвенного давления на уровне лексики, грамматики и проч., реципиент должен обладать достаточными интерпретационными компетенциями, позволяющими ему преодолевать барьеры, препятствующие выявлению и ментальному осмыслению средств речевого манипулирования в текстах иноязычных публикаций. Основная цель исследования заключается в снятии некоторых трудностей при восприятии информации в немецкоязычном медиатексте, обусловленных наличием в них признаков косвенного давления и речевого манипулирования. С этой целью в статье классифицируются основные приёмы речевого манипулирования с точки зрения лингвистического анализа, а также обосновывается целесообразность формирования интерпретационной компетенции в сфере эпистемической бдительности. Аргументируется эффективность данной компетенции в отношении нивелирования негативного воздействия дискурса немецкоязычных медиа на когнитивное сознание аудитории.

Ключевые слова: инфодемия, информационное загрязнение, когнитивные практики, немецкоязычные СМИ, дискурс, языковые средства, речевое манипулирование, эпистемическая бдительность

Для цитирования: Кашенкова И.С. (2023). Языковые средства речевого манипулирования в дискурсе современных немецкоязычных медиа. *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 8–21. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-8-21>

Введение

Интеракциональный характер мышления и коммуникации обуславливает возникновение ряда специфических побочных явлений, среди которых можно выделить производство недостоверной и/или искажённой информации, а именно распространение фейков и дезинформации, насаждение теорий заговора и деструктивных императивов, становление эпохи пранкинга и политики постправды, а также прочих приёмов информационного загрязнения. Деориентация в такого рода коммуникациях и отсутствие у потребителя информации навыков её критической интерпретации и прогнозирования психологических и ментальных последствий такой интерпретации привели на сегодняшний день к появлению и популяризации понятия «инфодемия». Данное явление обозначает факт «стремительного и неконтролируемого распространения в новых медиа необоснованной и ложной информации о кризисных событиях, усиливающего общественное беспокойство» [3, с. 54]. Этот термин в широкое употребление несколько лет назад ввёл генеральный директор ВОЗ Тедрос Гебреисус, заявив о небывалом распространении ложной информации о пандемии COVID-19 и призвав бороться с ней: «*Wir kämpfen nicht nur gegen eine Epidemie, sondern auch gegen eine Infodemie. <...> Fake News verbreiten sich schneller und einfacher*» (www.science.orf, 18. 02. 2020) – «Мы боремся не только с эпидемией, но и с инфодемией. <...> Фальшивые новости распространяются быстрее и легче» (перевод здесь и далее мой – И.С.). Сегодня огромный поток информационного продукта такого рода ввиду определённых событий последних десятилетий, связанных, в том числе, с открытым противостоянием России и Запада, достиг критического уровня распространения. Вследствие чего проблематизация данного феномена представляется **актуальной**.

Изменение концептуального значения таких понятий, как «правда», «истина», а также проявление в данных концептах характерных свойств категории «относительность» создали предпосылки для возникновения в общественно-политическом и медийном пространстве нового типа коммуникации, а именно предоставления информации через механизм постправды (*Post-Wahrheit*), определяемой современными исследователями как «новый механизм формирования общественного мнения» [5, с. 185]. Проанализировав методом сплошной выборки и семантико-синтаксического анализа более двухсот немецкоязычных текстов средств массовой информации, мы можем говорить о функционировании в языке немецких СМИ особых приёмов организации текста, допускающих искажение когнитивного восприятия информации реципиентом. Ранее отличительной чертой немецкоязычных медиа являлся реальный и беспристрастный анализ политических и экономических событий внутренней и международной повестки. Сегодня же в попытках быстрой, сенсационной подачи «выгодной» информации, а также в угоду крупному капиталу, контролирующему медиахолдинги, СМИ, в том числе и немецкоязычные, часто намеренно конструируют обстоятельства с целью манипулирования общественным сознанием и мнением аудитории.

Основной **целью исследования** является анализ приёмов речевого манипулирования с последующим обоснованием необходимости определённых когнитивных практик, позволяющих снять некоторые трудности при восприятии информации в немецкоязычном медиатексте. **Теоретическая и практическая значимость** данного исследования состоит в его потенциале в условиях инфодемии и политики постправды новых немецкоязычных медиа выявлять механизмы речевого манипулирования, повышать осознанность когнитивного поведения реципиентов и уменьшать негативное воздействие недостоверной и/или искажённой информации на когнитивное сознание и формирование общественного мнения.

Методология и методика исследования

В качестве материала исследования были использованы публикации немецкоязычных медиа за период 2014-2022 гг. в изданиях *Der Spiegel*, *Die Welt*, *Tageszeitung*, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, *Focus*, *Süddeutsche Zeitung*, а также интернет-ресурсов *www.pi-news.net*, *www.br.de*, *www.zdf.de*,

www.spiegel.de, www.faz.net, www.welt.de, www.bild.de, www.ostsee-zeitung.de, www.rnd.de и других. Данные издания были выбраны для исследования прежде всего потому, что являются общенациональными, крупнейшими и/или наиболее популярными в Германии новостными источниками. Именно поэтому в силу своего влияния на массовое сознание они и стали объектом нашего особого интереса.

Основываясь на методологии **комплексного анализа текста**, подразумевающего семантико-синтаксический анализ структурных единиц речевых фрагментов, было рассмотрено более двухсот немецкоязычных публикаций. Методом сплошной выборки на начальном этапе исследования определялись публикации, в которых информация подавалась неверно, неточно, неполностью. Далее во всех публикациях выявлялись основные приёмы речевой организации текста, используемые авторами на разных уровнях (лексическом, грамматическом и проч.) с целью манипулирования общественным сознанием и мнением, и с точки зрения семантико-когнитивного подхода проводился лингвистический анализ механизмов речевого манипулирования в новых медиа. В дополнение была предпринята попытка осмыслить причины существующих барьеров, препятствующих выявлению и критическому анализу средств речевого манипулирования в текстах иноязычных публикаций. Также был сформулирован и обоснован тезис о необходимости формирования у реципиента достаточных интерпретационных компетенций, благодаря которым им может быть проведено оценивание информации на предмет её достоверности или недостоверности и прогнозирование психологических и ментальных рисков столкновения с недобросовестной подачей и качеством информации. На заключительном этапе исследования были предложены определённые когнитивные практики, способствующие дифференциации речевых манипуляций в немецкоязычных СМИ.

Результаты и анализ исследования

Необходимо отметить, что немецкоязычные авторы публикаций ранее неизменно опирались на принципы журналистской этики и профессионализма, они не давали личную оценку, не спекулировали по поводу возможного исхода описываемых событий, а лишь информировали аудиторию о текущих явлениях действительности. В Германии со второй половины XX века действует журналистский Этический кодекс, предписывающий авторам публикаций уважение к истине, объективность, предоставление достоверной информации общественности и внимательное отношение к темам, которые могут вызвать у потребителя информации нездоровый ажиотаж и/или панику [21].

Однако современная глобальная геополитическая реальность, когнитивной парадигмой концептуализации которой является в некоторой степени информационная политика постправды, привела к трансформации медийного дискурса: в силу оперативности и лёгкости подачи материала у авторов публикаций меньше времени и/или желания на проверку достоверности информации, а в силу экономии пространства и времени, отводимого на чтение публикации, у них больше возможностей для эмоционально-экспрессивной подачи информации с ярко выраженной личностной позицией автора, субъективностью изложения и намеренным искажением слов и смыслов.

Функциональный характер информационного общения предполагает существование неизбежных рисков столкновения с недостоверным и/или искажённым информационным продуктом, формальными признаками которого являются нарушение качества и полноты информации. Сознательное ухудшение подачи информации может быть связано с целенаправленным вербальным манипулированием сознанием и убеждениями потребителя информации. В.З. Демьянков говорит о «заразительности идей, иногда не совсем (а очень часто и совсем не) правильно понятых в чужих текстах. Когда речь идёт о пропаганде <...> с помощью манипуляции пытаются достичь политических или бытовых целей» [6, с. 49]. Вместе с тем, по мнению Г.А. Копниной, «знание механизмов и приёмов речевого манипулирования поможет более обдуманно воспринимать информацию» и способствует формированию более активной и ответственной личности [12, с. 6].

Лингвисты достаточно давно предпринимают попытки отразить диалектику взаимосвязи языка и мышления, воздействие высказывания на сознание людей через язык [2], [13], [17], [18]. Объектами лингвистического исследования становились такие семантические категории, как языковая (речевая) демагогия, языковая (речевая) агрессия, языковое (речевое) насилие, языковое (речевое) манипулирование [4], [7], [9]. Исследователи часто рассматривают данные явления как схожие, признавая их родственными формами языкового воздействия. Также расценивая все эти понятия в качестве различных вариантов речевого воздействия, в настоящей работе мы исследуем **речевое манипулирование** как особую форму речевого поведения. Принимая во внимание оправданность существования альтернативной терминологии, мы отдаём предпочтение данному понятию, поскольку так же, как и некоторые исследователи, полагаем, что именно оно наиболее точно определяет феномен скрытого языкового воздействия, так как «очевидно, что манипулируют языковыми средствами в речи, манипуляция – это явление речи, и следует говорить о речевых манипуляциях как приёмах, осуществляемых говорящими в речи» [15, с. 8]. В нашем исследовании мы придерживаемся формулировки Г. А. Копниной, определяющей речевое манипулирование как форму «манипулятивного воздействия, осуществляемого путём искусного использования определённых ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата/слушателя/читателя» [12, с. 24]. В дискурсе массмедиа речевые манипулятивные действия часто не агрессивны по форме, ведь сам факт воздействия не должен быть замечен получателем информации (!), и связаны с использованием особых приёмов речевой организации текста. В соответствии с определением Г.А. Копниной в качестве приёмов мы рассматриваем «способы отбора, расположения информации или особенности её подачи» [12, с. 64].

Данные приёмы представлены на разных уровнях (лексическом, грамматическом и проч.), но особое внимание обращают на себя лексические средства, способствующие осуществлению речевого манипулирования. К таким приёмам относят «навешивание ярлыков», использование дискредитирующих пресуппозиций, ключевых слов, политических аффективов или «слов-лозунгов»: [10, с. 8]: «*Kremlchef Wladimir Putin hat dem Diktator Alexander Lukaschenko das Raketenystem Iskander-M zugesagt*» (www.spiegel.de, 26.06.2022). – «Президент России Владимир Путин пообещал передать диктатору Лукашенко ракетные комплексы «Искандер-М». «*Putins makabre Mathematik des Todes*» (www.rnd.de, 08.06.2022). – «Путинская зловещая математика смерти». «*Schoßhunde von Putin*» – *Kretschman greift die AfD an*» (www.zeit.de, 20.07.2022). – «Путинские прихвостни» – Винфрид Кречманн **нападает** на представителей «АдГ».

Ещё одним широко распространённым приёмом применения механизма речевого манипулирования являются эвфемизмы – слова или словосочетания, вуалирующие и/или скрывающие суть дела. Так, например, в поисках аргументов для планируемого значительного увеличения войск НАТО в Восточной Европе еженедельник Spiegel пишет: «*Wir müssen die Verteidigung des Baltikums vorbereiten*» (www.spiegel.de, 02.07.2022). – «Мы должны **озаботиться обороной** стран Балтии». Или, выражая презрение в адрес своих граждан, готовых пожертвовать принципами демократии ради таких «буржуазных благ», как горячая вода, немецкоязычные новостные сайты называют их «слабовольными людьми»: «*Warmduscher, zieht euch warm an!*» (https://www.pi-news.net/, 11.01.2022). – «**Слабовольные любители горячего душа**, одевайтесь тепло!». В качестве эвфемизмов также нередко могут использоваться квазиантонимы, сглаживающие «некрасивую» противоположность. Например, подчёркивая скрытность и отсутствие темперамента нового федерального канцлера Германии, немецкоязычные СМИ пишут: «*Künftiger Kanzler Olaf Scholz: Der Unauffällige*» (www.taz.de, 04.12.2021). – «Будущий канцлер Олаф Шольц: **незаметный**». Или, отмечая всё ещё низкий уровень экономического развития восточных земель ФРГ спустя 30 лет после объединения Германии, новые медиа смягчают реальное положение дел в стране: «*Wirtschaft im Osten ist gut, aber nicht genug gut*» (www.spiegel.de, 16.09.2020). – «Экономика на Востоке хороша, но **недостаточно хороша**».

К числу известных приёмов речевого манипулирования на уровне лексики также относятся имперсонализация и универсальные обобщения. В этом случае высказывание оформляется без определённого субъекта (используются местоимения «они», «некто»), но носит множественный

или универсальный характер. Например, регулярно в последнее время в немецкоязычных СМИ можно наблюдать общие русофобские высказывания о гражданах России: «*Sie sehen sich als Opfer: die Teilnahmslosigkeit der Russen*» (www.faz.de, 10.07.2022). – «Они считают себя жертвами: безучастность **русских**». Или: «*Schriftsteller bitten: Russen sprechen Sie die Wahrheit aus!*» (www.br.de, 09.03.2022). – «Писатели просят: **русские**, говорите правду!». По мнению О.Н. Быковой, такая «неопределённость выполняет лингводемагогические функции и 'создаёт' фантомных членов социума» [4, с. 19].

С точки зрения грамматики в качестве манипулятивного приёма часто выступает номинализация – перевод глаголов в абстрактные существительные. С одной стороны, данный приём помогает в определённых ситуациях придать дополнительный вес «нужной» информации, с другой стороны, обезличивает её, устранив субъект, от лица которого подаётся информация: «*Helfershelfer eines Kriegsverbrechers*» – *Kritik an Putin-Nähe der AfD*» (www.welt.de, 02.05.2022). – «Пособничество военному преступнику – Критика близости партии «АдГ» к Путину». «*Nord Stream 1: Kein Grund zur Erleichterung*» (www.tagesschau.de, 21.07.2022). – «Северный поток-1: нет поводов для расслабления» (о запуске газопровода «Северный поток-1» – примечания – И.С.).

Ещё один типичный пример речевого манипулирования на уровне грамматики представляют собой риторические вопросы, являющиеся образцом несоответствия цели высказывания её внешней реализации. Так, подогревая недовольство общества отсутствием обещанных несколько лет назад правительством Германии изменений в законодательстве о защите климата, авторы публикаций пишут: «*Halten die G7 ihre Klimazusagen?*» (www.tagesschau.de, 27.07.2022). – «Исполнит ли «Большая семёрка» свои обещания по климату?» «*Droht eine Grüne Armee Fraktion?*» (www.faz.net, 27.07.2022). – «Существует ли угроза создания фракции «Зелёная армия?». А, расхваливая решение бундестага о введении на всей территории Германии субсидированного проездного билета за 9 евро (который привёл к хаосу, задержкам и переполненным поездам – примечания И.С.), а также подогревая интерес к нему аудитории, немецкие СМИ пишут: «*9-Euro-Ticket: Ab wann erhältlich? Wo kann ich es kaufen?*» (www.rnd.de, 23.05.2022). – «Проездной за 9 евро: когда он будет доступен? Где я могу его купить?». «*9-Euro-Ticket: Warum der Rabatt für öffentlichen Nahverkehr dem Klima doch nützt?*» (www.spiegel.de, 19.07.2022). – «Проездной за 9 евро: почему скидка на общественный пригородный транспорт всё-таки идёт на пользу климату?».

Речевое манипулирование может осуществляться и с помощью стилистических приёмов, среди которых выделяется использование метафор, антитезы, обыгрывания имени собственного. Оказывая тонкое скрытое психологическое давление, данные стилистические приёмы выстраивают определённую картину мира в сознании реципиента, завуалированно предлагая ему «особый» взгляд на реальное положение вещей. По мнению А.П. Чудинова, «метафора является мощным средством преобразования существующей в сознании адресата политической картины мира, побуждения его к определённым действиям и формирования у него необходимого адресанту эмоционального состояния» [18, с. 64]. Так, поддерживая в обществе положительное отношение к политике нового канцлера, рейтинг одобрения работы которого в последнее время значительно снизился, авторы публикаций подчёркивают его решительность, стойкость и надёжность: «*Deutliche Kritik an Steinmeier-Ausladung: Scholz geht in die Offensive – und will erstmal nicht nach Kiew*» (www.tagesspiegel.de, 03.05.2022). – «Явная критика отказа в визите Штайнмайеру: Шольц **переходит в наступление** – и пока не намерен ехать в Киев». «*Scholz und seine Panzer-Zurückhaltung*» (www.spiegel.de, 23.09.2022). – «**Железная выдержка** Олафа Шольца» (о нежелании канцлера Германии поставлять танки на Украину – примечания – И.С.). А ранее, описывая очередной тур теледебатов среди кандидатов на пост федерального канцлера ФРГ, немецкие СМИ уже создавали в сознании аудитории образ сильного и уверенного в себе Олафа Шольца и противопоставляли его «слабому подобию Ангелы Меркель» – Армину Лашету и словоохотливой частой гостье телевизионных шоу – Аннелене Бербок: «*Der Scholzomat siegte über das Merkel-Simulacrum und die Talkshow-Löwin*» (www.de.rt.com, 13.09.2021). – «Шольцомат торжествует над копией Меркель и львицей ток-шоу».

В качестве антитезы в медийном дискурсе часто используется приём идеологического противопоставления категории «мы – они», когда для создания положительного имиджа так называемых «своих» используется лексика с позитивной коннотацией, а для формирования негативного образа «врага» служат отрицательные денотаты. Таким примером являются растиражированные в СМИ слова бывшего генерального секретаря НАТО Андерса Фога Расмуссена, требующего от мирового сообщества большей поддержки Украине: «*Ihr Kampf ist unser Kampf: Ex-NATO-Generalsekretär will Härte gegen Putin*» (www.n-tv.de, 10.06.2022). – «Их борьба – это наша борьба: бывший генсек НАТО намерен добиться жёсткой реакции на действия России».

Исследователями также выделяются наиболее частотные *способы речевого манипулирования* информацией в СМИ. В частности, Ю.В. Щербатых, с точки зрения лингвистического анализа, относит к ним *умолчание*, или сокрытие информации от реципиента (*Verschweigen*), *селекцию*, или представление только выигрышной манипулятору информации (*Selektion*), *искажение*, или подмену понятий (*Entstellung*), *инсинуацию*, или злонамеренный вымысел (*Insinuation*), а также *конструирование*, или придумывание несуществующей информации (*Konstruieren*) [19, с. 113-114]. Зачастую авторы публикаций следуют принципу, согласно которому ложь, чтобы стать правдой, должна просто выглядеть убедительной. Люди всё равно всё быстро забывают, поэтому одним из важных способов контроля когнитивного восприятия информации аудиторией и формирования её мнения является предоставление как можно меньшего количества или полное отсутствие справочной информации, чтобы реципиенту было трудно ориентироваться в сложном вопросе. Так, критически расценивая подписанное Москвой и Киевом соглашение об экспорте зерна из Украины и призывая не доверять приверженности Москвы любым подписанным соглашениям, немецкоязычные СМИ комментируют его якобы нарушение российской стороной. Читаем: «*Hafen von Odessa mit Raketen beschossen*» (www.dw.de, 23.07.2022). – «Порт Одессы обстрелян ракетами». «*Putin führt die Weltgemeinschaft vor*» (www.sueddeutsche.de, 24.07.2022). – «Путин **издевается** над мировым сообществом». «*Russland räumt Angriff auf den Hafen von Odessa ein*» (www.zeit.de, 24.07.2022). – «Россия **признала факт нападения** на порт Одессы». «*20 Stunden nach Getreide-Deal – Putin -Raketenattacke auf den Hafen von Odessa*» (www.bild.de, 24.07.2022). – «Спустя 20 часов после зерновой сделки – российский **ракетный удар** по порту Одессы». – При этом, ни один ключевой источник не пишет об истинных целях ударов – объектах военной инфраструктуры – и о непротиворечии данных атак взятым Россией на себя обязательствам по обеспечению вывоза украинского зерна.

Нужно отметить, что существование различных вариаций речевого манипулирования и их всевозможные комбинации в свою очередь могут затруднять их идентификацию и анализ. Примером такого рода комбинаций могут служить статьи в немецкоязычных новых медиа, посвящённые подготовке аудитории к энергетической конфронтации с Россией и дефициту газа в стране. Появилось множество публикаций, встраивающих в сознание аудитории заведомо ложную мысль об ответственности России за энергетический кризис в Германии и о необходимости уменьшить энергозависимость страны от российских энергопоставок: «*Energiesparen gegen Putin*» (www.zeit.de, 13.03.2022). – «**Экономия энергии как борьба с Путиным**». «*Kälter duschen gegen Putin: Wie Haushalte durch die Energiekrise kommen*» (www.berliner-zeitung.de, 24.06.2022). – «**Холодный душ как борьба с Путиным: как домохозяйства преодолеют энергетический кризис**». «*Wer Putin schaden will, spart Energie*» (www.tagesschau.de, 05.03.2022). – «Тот, кто хочет **навредить Путину, экономит энергию**». В попытках дискредитировать газовые поставки из России некоторые авторы публикаций доходят до абсурда: «*Sprecher von Nord Stream 2 war bei der Stasi*» (www.ostsee-zeitung.de, 18.06.2022). – «**Представитель компании «Северный поток-2» был сотрудником Штази**». «*Erdgas: Warum Nord Stream-2 das Klima schädigt*» (www.sueddeutsche.de, 01.06.2021). – «**Природный газ: почему «Северный поток-2» вредит климату**». Не менее нелепыми и абсолютно лицемерными кажутся советы немецкоязычных медиа по преодолению данного энергетического кризиса: «*Klospülung und Co.: So sparen Sie unkompliziert Wasser im Haushalt*» (www.rnd.de, 01.05.2022). – «**Смысл унитаза и другие способы экономии: так вы легко сэкономите воду дома**». «*Weniger duschen, Energiekosten senken, es genügt, DIESE vier Körperstellen zu waschen*».

Warum die Haut sich selbst reinigt, wenn man sie lässt» (www.bild.de, 16.04.2022). – «**Принимайте душ реже**, сократите расходы на электроэнергию, достаточно **мыть ЭТИ** четыре части тела. Почему **кожа очищается сама**, если ей это позволить». «*Griechenland lädt ein: So schön kann die Winterflucht sein*» (www.spiegel.de, 14.07.2022). – «Греция приглашает: **побег от зимы** может быть прекрасен». Налицо искажение фактов и инсинуация – зная действительное положение дел, авторы публикаций умышленно создают у получателя информации ложное представление о ситуации.

Другим примером несложной комбинации различных способов речевого манипулирования, в частности селекцией и конструированием информации, является попытка представить многолетнюю изоляцию России на международной арене. Примечательно также использование обработанных фото- и видеоматериалов и их лицемерная интерпретация, как показывают примеры встречи Группы двадцати (G20) в Брисбене в 2014 году, в Гамбурге в 2017 году или на Бали в 2022 году. Так, освещая встречу «Большой двадцатки» в Брисбене, многочисленные немецкоязычные таблоиды выложили фотографию, на которой президент России сидит на торжественном приёме за столом один, и прокомментировали её следующим образом: «*Beim Barbecue am Mittag, wie symbolisch: Putin einsam und verlassen*» (www.tagesschau.de, 17.11.2014). – «На барбекю в полдень, как символично: **Путин одинок и брошен**». «*Zu beobachten des Mittags beim gemeinsamen Barbecue: der einsame Putin*» (www.tagesthemen, 16.11.2014). – «В полдень на совместном барбекю: **одинокий Путин**». «*Ein Bild, das Bände spricht: Putin allein zu Tisch!*» (www.wdr.de, 16.11.2014). – «Фотография, которая говорит о многом: **Путин один за столом!**». Но правда заключалась в том, что президент России был не один за столом, как следовало из фотографии и её интерпретации, – рядом с ним сидели бывший президент Бразилии Дилма Руссефф и главы других государств. Однако фотография была отредактирована таким образом, чтобы их было не видно и чтобы можно было говорить об «изолированном» Путине. Саммит в 2017 году и снова отлаженные методы манипулирования общественным сознанием: «*Putin und der große Bluff*» (www.zeit.de, 06.06.2017). – «Путин и большой **блеф**». «*Russland: Etwas läuft hier schief*» (www.zeit.de, 28.01.2018). – «Россия: **что-то** здесь **не так**». «*Das sei 2014 in Australien mit Wladimir Putin schon einmal schief gegangen: Der musste dann auch seine Grillwurst allein am Tisch essen*» (www.tagesschau.de, 01.07.2017). – «В 2014 году в Австралии у Владимира Путина уже **что-то пошло не так**: тогда ему пришлось есть колбасу на гриле **одному** за столом». Очередной саммит в 2022 году, очередные фотографии и снова наблюдаем попытки немецкоязычной прессы изобразить представителей делегации России «международными париями»: «*G20 auf Bali: Lawrow und der Rest der Welt*» (www.sueddeutsche.de, 07.07.2022). – «Встреча «Большой двадцатки»: Лавров и **весь остальной мир**». «*G20-Treffen: Baerbock setzt auf Isolierung Russlands*» (www.berliner-zeitung.de, 07.07.2022). – «Встреча «Большой двадцатки»: министр иностранных дел ФРГ Анналена Бербок **добивается изоляции** России». «*Lawrow verlässt G20-Treffen: Baerbock sieht 19:1 gegen Russland*» (www.faz.net, 08.07.2022). – «Лавров покидает встречу «Большой двадцатки»: **девятнадцать против одного**». Данные заявления немецких СМИ являются абсолютным вымыслом, поскольку опровергаются многочисленными материалами, в частности заявлением посла дипломатического представительства России в Индонезии Л. Г. Воробьёвой и выложенными ей фотоматериалами, подтверждающими проведение министром иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавровым ряда «продуктивных встреч с коллегами из других стран» [16].

Возвращаясь к способностям реципиентов дифференцировать речевые манипулятивные действия, необходимо отметить факт существования и других **барьеров**, затрудняющих естественные процессы восприятия, адекватного оценивания и интерпретации поступающего информационного потока. В дополнение к катастрофическому объёму внешней информации её потребитель может ощутить у себя недостаток объективных знаний и интерпретационных умений, способствующих глубокому пониманию поступающей информации и формированию собственных оценочных суждений о её достоверности. Но вместе с тем реципиент может вообще не догадываться о необходимости такого рода познавательной деятельности, поскольку отношение к знанию через доверие к экспертам когнитивно менее затратно, чем его критическое переосмысление. Так, граждане Германии попали в ситуацию, когда сразу несколько немецкоязычных изданий, сознательно подрывая доверие своих граждан к массовой вакцинации против COVID-19, ссылаются

на различные псевдо-экспертные оценки неэффективности вакцинации и приводят мнимые доказательства якобы высокого уровня смертности среди привитого населения: «*Massenimpfungen gegen COVID-19: Belgischer Impfperte warnt vor «katastrophalen Auswirkungen»*» (www.de.com, 23.03.2021). – «Массовая вакцинация против COVID-19: бельгийский эксперт предостерегает от «катастрофических последствий». «*Corona-Impfung: 7 von 10 Ärzten gegen Impfpflicht*» (<https://www.epochtimes.de>, 24.11.2020). – «**Семеро из десяти: врачи против** вакцинации от коронавируса».

Также попыткам идентифицировать речевые манипуляционные действия в СМИ и моментально квалифицировать информацию на предмет обнаружения недостоверных и/или неточных сведений может препятствовать совокупность таких важных нюансов собственно процесса коммуникации, как недостаточное количество вербальной/невербальной информации в самом медиатексте, искажение и потеря важной информации каналами коммуникации (видео- и радиосвязь, Интернет и проч.), психологический страх столкновения с обманом и его последствиями, а также другие неблагоприятные условия предоставления и восприятия информации.

Так, С.В. Евтеев считает существенной переводческой трудностью максимально допустимый объём заголовка немецкоязычного медиатекста, который не позволяет «дать комментарий, необходимую фоновую информацию» [8, с. 115]. Подчиняясь правилам организации заголовков, он часто содержит лишь основную мысль публикации и оставляет некоторую недосказанность, стимулируя реципиента к прочтению материала. Данное обстоятельство не может не сказаться на полноте восприятия реципиентом информации, чем, естественно, пользуются недобросовестные авторы публикаций: «*Leuchtendes Beispiel?*» (www.tagesschau.de, 29.07.22). – «**Блестящий пример?**» (о призывах правительства экономить энергию и о том, являются ли они сами хорошим примером такого рода экономии). «*Schuld sind die anderen*» (www.zeit.de, 29.07.2022). – «**Винуваты другие**» (о попытках земельного правительства Баварии отвлечь внимание от провалов в своей энергетической политике). «*Die Taliban im Kreml*» (www.faz.de, 01.08.2022). – «**Талибы в Кремле**» (о современной политической ситуации в России).

Ощущение недосказанности может оставлять и классический пример присутствия скрытого подтекста в публикациях, а именно наличие в них пре- и постпозиций, размытой или фрагментарно поданной информации, полунамёков или дополнительных смыслов: «*Milch-Mythos: Das irre Geschäft der Molkereien*» (www.focus.de, 16.09.2021). – «Миф о молоке: безумный бизнес молокозаводов». «*Es gibt keine Corona-Leugner, nur arrogante Minister!*» (www.reitschuster.de, 11.06.2022). – «Нет ковид-диссидентов, есть только **высокомерные министры!**». Определённые трудности восприятия и интерпретации информации могут вызывать присутствующие в тексте инвективы, скрытая или откровенная насмешка, едкие высказывания в адрес отдельных политических персонажей или неожиданные каламбуры: «*Olaf Scholz: Alles aushalten!*» (www.zeit.de, 20.05.2018). – «Олаф Шольц: **всем терпеть!**», «*Annalena Baerbock: «Wiedervereinigung Europas» auf den Schultern ihres Wehrmacht-Großvaters?*» (www.de.rt.com, 25.05.2021). – «Анналена Бербок: «Воссоединение Европы» на плечах её деда, **служившего в вермахте?**», а также так называемый дискурсивный цейтнот и переизбыток информации, например, «*Russlands Informationskrieg: Trolle, Fakes und Propaganda*» (www.sueddeutsche.de, 30.03. 2022). – «**Информационная война России: тролли, фейки и пропаганда**», «*Energiekrise: Eine Folge der grünen Energiewende?*» (www.agrarheute.com, 22.10.2022). – «**Энергетический кризис: следствие перехода к «зелёной» энергетике?**». Получая информацию в несистематизированном, иносказательном или фрагментарном виде, мозг реципиента не может увязать в одно целое, оценить или проанализировать информацию и уж тем более осознать социально-политическую или экономическую проблему как таковую.

Ещё одним барьером на пути дифференциации речевых манипулятивных действий и оценивания информации на предмет её достоверности и/или точности является намеренное приращивание ей видимости срочности, первоочерёдности, неотложности или сенсации. Такой характер сообщения нагнетает напряжённость и создаёт у потребителя информации ложное впечатление её первостепенного значения и особой ценности: «*Bloomberg: Deutschland hat drei Monate Zeit, um eine Gasmangel-Katastrophe im Winter abzuwenden*» (www.de.news-front.info, 01.08.2022). –

«Bloomberg: у Германии есть **три месяца**, чтобы **предотвратить катастрофу из-за нехватки газа зимой**». «*Warum Joe Biden schon wieder Corona hat*» (www.zdf.de, 31.07.2022). – «**Почему Джо Байден снова заболел коронавирусом**».

Обращает на себя внимание следующий факт: многие потребители информации не могут противостоят так называемой магии медиатекста. Прочитав или услышав какую-либо информацию в СМИ, люди доверяют ей безоговорочно. Этой психологической особенностью человеческого сознания умело пользуются манипуляторы, формируя у аудитории высокую степень доверия к информации и ловко управляя обеспокоенностью и страхами аудитории в связи с происходящими в стране и в мире событиями.

К сожалению, в немецкоязычных СМИ примеров речевого манипулирования, в том числе через механизм постправды, очень много. «Мы думаем, что поскольку мы контролируем медиаландшафт и, в течение длительного времени, повестку дня новостей, мы также автоматически контролируем правду. <...> Для многих редакций границы общества – это границы их собственной газеты», пишет немецкий социолог и публицист Штефан Шульц [22, с. 103]. Актуальным примером манипулятивного формирования общественного мнения, а, точнее, одностороннего освещения фактов, является изображение известных событий, связанных с российской специальной военной операцией на Украине: почти для всех ведущих немецких СМИ Россия является «воплощением зла»: «*Ukraine-Krieg: Feindbild Russland*» (www.nd-aktuell.de, 01.04.2022). – «**Россия: образ врага**», «*Feindbild Russland: Strack-Zimmermann fordert eine Neuausrichtung der Bundeswehr*» (www.berliner-zeitung.de, 31.05.2022). – «**Россия – враг: Штрак-Циммерманн призывает к реорганизации бундесвера**». Причина такого подхода заключается, в частности, в том, что в силу долгосрочного геополитического противостояния России и коллективного Запада авторы подобных материалов немецких СМИ «скованы рамками политического мейнстрима» и вынуждены выражать «единую, западную, антироссийскую точку зрения» [1, с. 17].

Безусловно, многие немецкие журналисты отдают себе отчёт в происходящем. Так, Вольфганг Биттнер в интервью одному российскому изданию отметил, что на фоне эскалации отношений между Россией и западными странами после 2014 года «истерия в Германии увеличилась, тут проходит огромная кампания по дезинформации. Многие люди в истерике, но они не знают, что происходит на самом деле» [14]. Так называемая четвёртая власть в ФРГ является частью трансатлантической пропагандистской машины и функционирует как средство давления извне с целью удержать Германию в русле ЕС и НАТО. Заголовки немецких медиатекстов изобилуют инсинуациями, передёргиванием и подтасовкой фактов на данную тематику: «*Putsch in Moskau hat begonnen: Ukraine erwartet Wendepunkt im August – Krieg bis Jahresende vorbei*» (www.n-tv.de, 14.05.2022). – «**Переворот в Москве начался: Украина ожидает переломного момента в августе – война закончится к концу года**». «*Russische Propaganda: Kampf gegen die Lüge*» (www.tagesschau.de, 16.08.2022). – «**Российская пропаганда: противодействие лжи**». «*Warum sagt eigentlich niemand in Deutschland, dass die Ukraine gewinnen muss?*» (www.focus.de, 29. 04.2022). – «**Почему никто в Германии не говорит, что Украина должна победить?**».

На основании вышеперечисленного можно констатировать, что сегодня в условиях информационного загрязнения и обилия недостоверной и/или искажённой информации умения по выявлению речевых манипулятивных действий в СМИ, адекватному оцениванию потребляемой информации на её достоверность и/или точность, а также уменьшению негативного воздействия недостоверной и/или искажённой информации на сознание представляют особую ценность. Данные умения формируются на основе **когнитивных практик** (узнавание, критическое осмысление, лингвистический анализ, размышление и проч.) и служат фундаментом так называемой когнитивной гигиены (термин В.З. Демьянкова). Необходимость их использования подтверждается нейтрализацией негативного влияния, а также прямого или опосредованного давления недостоверных и/или ложных сведений на формирование собственных суждений реципиента. Использование когнитивных практик как эвристических методов дифференциации информационного продукта и прогнозирования рисков столкновения с фактами недобросовестной коммуникации, в частности распространения недостоверной информации, делает фактически невозможным ис-

кажение когнитивного восприятия информации и сохраняет психологическую и ментальную устойчивость к «когнитивному инфицированию» посредством медиатекста. Ведь ложное представление «безобидности» информации ослабляет бдительность её получателя и может привести к другим отложенным негативным последствиям. Интерпретационные компетенции реципиента в контексте выявления и ментального осмысления речевых манипулятивных действий, а также в области противодействия попыткам незаметного корректирования мировоззрения потребителя информации влияют в итоге на информационно-языковую культуру и информационную безопасность общества.

Данные интерпретационные компетенции, по мнению современных исследователей-лингвистов, формируются на фоне так называемой *эпистемической бдительности*, представляющей собой комбинацию различных когнитивных практик и определяемой как «регуляторный алгоритм, фильтрующий информацию, поступающую в процессе речевого общения» [11, с. 390]. В пользу существования данного алгоритма и целесообразности формирования интерпретационных компетенций в сфере эпистемической бдительности говорит устойчивая связь между языком как способом интерпретации действительности, и мышлением как формой когнитивного сознания общества. Использование в дискурсе современных медиа определённых языковых средств, в частности языковых средств речевого манипулирования, воздействует на оценочное восприятие и понимание действительности и, таким образом, переформатирует образ мышления реципиента. Практически данная корреляция языка как наиболее важного носителя информации, сознания как центрального звена когнитивно-познавательной человеческой деятельности и механизма речевого манипулирования как рычага воздействия на сознание проявляется в специфике человеческого мозга усиливать концентрацию и фокусировать внимание на том, что «представлено снова и снова <...> потому что то, что повторяется, остаётся в памяти и может превратиться из чистого утверждения в истину» [20, с. 450].

Зачастую из таких ложных истин, из «присвоенной» сознанием чужой действительности, умело представленной позицией автора и/или инициатора создания публикаций, и складывается языковая и культурная картина мира реципиента. Именно поэтому применительно к дискурсу иноязычных, в частности, немецкоязычных медиа, необходимо исследовать языковые явления во взаимосвязи (медиа)коммуникации и когниции. Коммуникация как любая другая система основывается на объективных закономерностях коммуникативного равновесия, согласно которым в медийном пространстве должен присутствовать механизм декодирования недостоверной и/или искажённой информации и защиты от неё как обратный процесс кодирования, зашифровывания скрытых смыслов или намеренного сокрытия и искажения информации. А с точки зрения семантико-когнитивного подхода для оценивания информации на предмет её достоверности, для разоблачения речевых манипулятивных действий в медиатекстах, для осознанного сопротивления и прогнозирования рисков столкновения с манипулятивным воздействием СМИ требуются критические способности, благодаря которым функционирует защитный механизм эпистемической бдительности.

Выводы и дискуссия

Очевидно, что описанная выше корреляция между языком, информацией и культурной картиной мира является предпосылкой успешного использования различных средств речевого манипулирования в современных медиатекстах. Преднамеренные попытки авторов, в частности авторов немецкоязычных публикаций, повлиять на сознание и формирование общественного мнения в интересах контролирующей их деятельность медиахолдингов или коммерческих и промышленных групп базируются на различных психологических и лингвопрагматических особенностях коммуникации, затрудняющих естественные процессы восприятия, ментального осмысления и критической интерпретации поступающей информации.

С точки зрения ментально-деятельностного подхода интерпретационные компетенции на основе когнитивных практик как механизма противодействия речевым манипулятивным действиям являются необходимой составляющей когнитивно-познавательной деятельности человека. Недостаточная сформированность интерпретационных компетенций в сфере эпистемической бдительности не позволит реципиенту в должной степени преодолевать барьеры, препятствующие выявлению и критическому анализу средств речевого манипулирования, а также может приводить к нарушениям в представлении собственной языковой и культурной картины мира и традиционной системы общественных ценностей. Применительно к современным условиям развития информационных технологий и приёмов информационного загрязнения эпистемическая бдительность представляет собой эффективное средство когнитивной гигиены, способствующей повышению информационной безопасности государства.

Вне рамок настоящего исследования остались некоторые вопросы, связанные с типами дискурса средств массовой информации, а также с динамикой, закономерностями и жанровой спецификой использования различными немецкоязычными медиа определённых средств речевого манипулирования. Мы также не ставили себе цель отметить отдельные приёмы манипулятивной организации медиатекста на уровне морфологии и пунктуации. Возможно, что данные вопросы будут рассмотрены в рамках нашего дальнейшего исследования манипулятивных возможностей языка.

© Кашенкова И.С., 2023

Список литературы

1. Андреев Н.И. Немецкие речевые манипуляции в текстах о России // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 3(23). С. 16-24. [https://doi.org/ 10.24833/2410-2423.2020.3-23-16-24](https://doi.org/10.24833/2410-2423.2020.3-23-16-24).
2. Баранов А.Н. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание / А. Н. Баранов, П. Б. Паршин // Роль языка в средствах массовой информации. М.: ИНИОН, 1986. С. 100-143.
3. Борхсениус А.В. Инфодемия: понятие, социальные и политические последствия, методы борьбы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2021. Т. 8. № 1. С. 52-58. <https://doi.org/10.22363/2312-8313.2021.8-1-52-58>.
4. Быкова О.Н. Речевая (языковая, вербальная) агрессия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации. 1999. № 1 (8). С. 96-99.
5. Гарбузняк А.Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184-192. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.14>.
6. Демьянков В.З. Языковые средства когнитивной манипуляции в гуманитарных науках // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 48-52.
7. Завьялова О.Н. Речевое (языковое) манипулирование // Культура рус-ской речи: Энциклопедический словарь-справочник / М.: Флинта: Наука, 2003. 567 с.
8. Евтеев С.В. Языковые особенности заголовков немецких газет и их учет при переводе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 112-118. <https://doi.org/10.17308/lic.2021.473818>.
9. Ермакова Т.А. К вопросу о способах манипулирования общественным сознанием (Из наблюдений над языком современной газеты) // Риторическая культура в современном обществе: Тезисы IV Международной конференции по риторике, 26-28 января 2000 г. М., 2000. С. 62-63.
10. Кашенкова И.С. Специфика современной политической коммуникации в Германии: борьба за лексику / И. С. Кашенкова, Р. Ю. Кашенков // Филологические науки в МГИМО. 2020. № 1(21). С. 5-11. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-1-21-5-11>.
11. Клепикова Т.А. Категоризация интеракциональности в языке: эпистемическая бдительность // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 386-393.
12. Копнина Г.А. Речевое манипулирование: учебное пособие / Г.А. Копнина. 4-е изд. Москва: ФЛИНТА, 2012. 170 с.
13. Леонтьев А.А. Психология воздействия в массовой коммуникации // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: Учеб. пособие. М., 2004. Ч. 2. С. 97-107.
14. Немецкий журналист заявил о замалчивании фактов по Украине в СМИ ФРГ [Электронный ресурс]. – URL: <https://ren.tv/news/v-mire/948922-nemetskii-zhurnalist-zaiavil-o-zamalchivanii-faktov-po-ukraine-v-smi-frg> (дата обращения: 08.04.2022).

15. Нефедова Л.А. Лексические средства манипулятивного воздействия в повседневном общении (на материале современного немецкого языка): диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Л.А. Нефедова. Москва, 1997. 230 с.
16. Посол Воробьёва: во время встречи G20 на Бали возникла очередь на переговоры с Лавровым [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20220719/peregovory> (дата обращения: 26.07.2022).
17. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносённость с действительностью / Е.В. Падучева. М.: Едиториал УРСС, 2002. 288 с.
18. Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. Екатеринбург, 2003. 249 с.
19. Щербатых Ю.В. Искусство обмана. Популярная энциклопедия. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002. 720 с.
20. Elsen H. Manipulation aus sprachlicher Sicht – ein Überblick. // *Wirkendes Wort: deutsche Sprache und Literatur in Forschung und Lehre*. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2008. S. 447-466.
21. Ethische Standards für den Journalismus [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.presserat.de/pressekodex>. (дата обращения: 30.07.2022).
22. Schulz S. Redaktionsschluss. München: Carl Hanser Verlag, 2016. S.304.

References

1. Andreev, N. I. Nemetskie rechevye manipuliatsii v tekstakh o Rossii [German speech manipulation in texts about Russia] // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2020. № 3(23). S. 16-24. <https://doi.org/10.24833/2410-2423.2020.3-23-16-24>.
2. Baranov, A.N. Iazykovye mekhanizmy variativnoi interpretatsii deistvitel'nosti kak sredstvo vozdeistviia na soznanie [Linguistic Mechanisms of Variative Interpretation of Reality as a Means of Influencing Consciousness] / A. N. Baranov, P. B Parshin // *Rol' iazyka v sredstvakh massovoi informatsii*. M.: INION, 1986. S. 100-143.
3. Borhsenius, A.V. Infodemiia: poniatie, sotsial'nye i politicheskie posledstviia, metody bor'by [Infodemic: concept, social and political consequences, methods of struggle] // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie*. 2021. T. 8. № 1. S. 52-58. <https://doi.org/10.22363/2312-8313.2021.8-1-52-58>.
4. Bykova, O.N. Rechevaia (iazykovaia, verbal'naia) agressiia [Speech (linguistic, verbal) aggression] // *Teoreticheskie i prikladnye aspekty rechevogo obshheniia: Vestnik Rossiiskoj ritoricheskoi assotsiatsii*. 1999. № 1 (8). S. 96-99.
5. Garbuznyak, A.YU. Fenomen postpravdy: deval'vatsiia fakta v mediynom diskurse [The phenomenon of post-truth: the devaluation of fact in Media discourse] // *Znanie. Ponimanie. Umenie*. 2019. № 1. S. 184-192. <https://doi.org/10.17805/zpu.2019.1.14>.
6. Dem'iankov, V.Z. Iazykovye sredstva kognitivnoi manipuliatsii v gumanitarnykh naukakh [Linguistic means of cognitive manipulation in the humanities] // *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2018. № 33. S. 48-52.
7. Zav'ialova, O.N. Rechevoe (iazykovoie) manipulirovanie [Speech (language) manipulation] // *Kul'tura russkoi rechi: Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik / M.: Flinta: Nauka, 2003. 567 s.*
8. Evteev, S.V. Iazykovye osobennosti zagolovkov nemetskikh gazet i ikh uchet pri perevode [Language features of German newspaper headlines and their accounting in translation] // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. 2021. № 4. S. 112-118. <https://doi.org/10.17308/lic.2021.473818>.
9. Ermakova, T.A. K voprosu o sposobakh manipulirovaniia obshhestvennym soznaniem (Iz nabludenii nad iazykom sovremennoi gazety) [On the Methods of Manipulating Public Consciousness (From Observations on the Language of a Modern Newspaper)] // *Ritoricheskaiia kul'tura v sovremennom obshhestve: Tezisy IV Mezhdunarodnoi konferentsii po ritorike, 26-28 ianvaria 2000 g. M., 2000. S. 62-63.*
10. Kashenkova, I.S. Spetsifika sovremennoi politicheskoi kommunikatsii v Germanii: bor'ba za leksiku [The specifics of modern political communication in Germany: the struggle for vocabulary] // I. S. Kashenkova, R. YU. Kashenkov// *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2020. № 1(21). S. 5-11. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2020-1-21-5-11>.
11. Klepikova, T.A. Kategorizatsiia interaktsional'nosti v iazyke: epistemicheskaiia bditel'nost' [Categorization of interactionality in language: Epistemic vigilance] // *Kognitivnye issledovaniia iazyka*. 2011. № 9. S. 386-393.
12. Kopnina, G.A. Rechevoe manipulirovanie: uchebnoe posobie [Speech manipulation: a textbook] / G. A. Kopnina. 4-e izd. Moskva: FLINTA, 2012. 170 s.
13. Leontev, A.A. Psikhologiia vozdeistviia v massovoi kommunikatsii [Psychology of influence in mass communication] // *Iazyk SMI kak ob'ekt mezhdisciplinarnogo issledovaniia: Ucheb. posobie*. M., 2004. Ch. 2. S. 97-107.
14. Nemetskii zhurnalist zaiavil o zamalchivanii faktov po Ukraine v SMI FRG [German journalist said about the hush-up of facts about Ukraine in the German media], ren.tv/news/v-mire/948922-nemetskii-zhurnalist-zaiavil-o-zamalchivanii-faktov-po-ukraine-v-smi-frg (accessed: 08.04.2022).
15. Nefedova, L.A. Leksicheskie sredstva manipuliativnogo vozdeistviia v povsednevnom obshchenii (na materiale sovremenno go nemetskogo iazyka): dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Lexical means of manipulative influence in everyday communication (based on the material of the modern German language)] / L.A. Nefedova. Moskva, 1997. 230 s.
16. Posol Vorob'ova: vo vremia vstrechi G20 na Bali vznikla ochered' na peregovory s Lavrovym [Ambassador Vorobyov: There was a line for talks with Lavrov during the G20 meeting in Bali], ria.ru/20220719/peregovory (accessed: 26.07.2022).
17. Paducheva, E.V. Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu [Speech and its correlation with reality] / E. V. Paducheva. M.: Editorial URSS, 2002. 288 s.
18. Chudinov, A.P. Metaforicheskaiia mozaika v sovremennoi politicheskoi kommunikatsii [Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication] / A. P. Chudinov. Ekaterinburg, 2003. 249 s.

-
19. Shcherbatykh, YU.V. Iskusstvo obmana. Populiarnaia entsiklopediia. [The art of deception. Popular Encyclopedia]. М.: Izd-vo EKSMO-Press, 2002. 720 s.
 20. Elsen, H. Manipulation aus sprachlicher Sicht – ein Überblick. [Manipulation from a linguistic point of view - an overview] // Wirkendes Wort: deutsche Sprache und Literatur in Forschung und Lehre. Trier: Wissenschaftlicher Verlag, 2008. S.447-466.
 21. Ethische Standards für den Journalismus [ethical standards for journalism], www.presserat.de/pressekodex (accessed: 30.07.2022).
 22. Schulz S. Redaktionsschluss. [Editorial deadline] München: Carl Hanser Verlag, 2016. P. 304.

Сведения об авторе:

Кашенкова Ирина Соломоновна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: методика преподавания немецкого языка, межкультурная коммуникация, политический дискурс, общественно-политический перевод. E-mail: ikashenkova@yandex.ru

About the author:

Irina S. Kashenkova, Candidate of Pedagogy, is Associate Professor at the Department of German Languages, MGIMO-University (Moscow, Russia). Research and professional interests: German language teaching methods, intercultural communication, political discourse, socio-political translation. E-mail: ikashenkova@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

ON SOME PECULIARITIES OF PARENTHESIS FUNCTIONING IN CONTEMPORARY POPULAR SCIENCE TEXTS (BASED ON THE ENGLISH VERSION OF NATIONAL GEOGRAPHIC)

A.V. Mikhacheva

Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University,
125, Lenin prospect, Tula, 300026, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the study of contemporary English media texts from the point of view of functional syntactic peculiarities of its expressiveness, especially on the example of parenthesis as a means to influence the recipients. The domineering cognitive-discursive paradigm of text studies allows one to analyze media text from the point of its integral impact on the addressee. Contemporary mass media use different ways of influencing the readers, for example, television, radio, printed and electronic press, blogs and videoblogs. A special interest lies in the printed press, which uses integrated means of transmitting information, including references to Internet sources and TV shows. Despite using different ways of influencing the recipients, the key means of conveying author's intentions is its syntactic organization. Due to different syntactic constructions authors of a media text can facilitate a topic disclosure, forming the readers' opinion about a subject matter and the author of the text. A great role is played by parenthesis, which is widely used in popular science texts to explain terms, comment on certain events or sources of the information given in the article, clarify some information, etc. In the given article we analyze some functions of the parenthetical constructions on the example of the texts taken from the magazine *National Geographic* and unified by the topic «Science» in accordance with the author's communicative intentions. Using continuing sampling method in choosing the examples conveying the category of expressivity, it was discovered that the domineering function of a parenthetical phrase in the analyzed texts is a comment, which serves as a means of representing an author's point of view and adding information to the facts thus forming the readers' opinion.

Keywords: expressivity, expressive syntax, media discourse, media text, parenthetical phrase, popular science text

For citation: Mikhacheva, A.V. (2023). On some peculiarities of parenthesis functioning in contemporary popular science texts (based on the English version of National Geographic). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 22–31. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-22-31>

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРАНТЕТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫХ ТЕКСТАХ (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ИЗДАНИЯ *NATIONAL GEOGRAPHIC*)

А.В. Михалчева

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого,
300026, г. Тула, пр. Ленина, 125

Аннотация. Данная статья посвящена изучению современного англоязычного медиатекста с точки зрения анализа функционально-синтаксических особенностей его экспрессивности, в частности, на примере использования парантетических конструкций с целью воздействия на реципиента. Доминирующая когнитивно-дискурсивная парадигма исследований текста позволяет проанализировать медиатекст с точки зрения его комплексного воздействия на адресата. Современные средства массовой информации используют разные каналы влияния на читательскую аудиторию – телевидение, радио, печатная и электронная пресса, блоги и видеоблоги. Особый интерес представляет печатная пресса, которая использует интегративные средства передачи информации, к которым относятся различные визуальные средства, отсылки к ресурсам Интернета и телевизионным программам. Несмотря на такие разнообразные способы воздействия на реципиента, ключевым средством передачи авторских интенций выступает текст, в частности, его синтаксическая организация. Благодаря различным конструкциям экспрессивного синтаксиса авторы медиатекста могут способствовать раскрытию темы, формированию мнения читателей об обсуждаемой теме и непосредственно о самом авторе текста. Особую роль играет парантетическая конструкция, которая широко применяется в текстах научно-популярного характера для пояснения терминов, комментирования событий или источника информации, уточнения информации и т.п. В данной статье проводится анализ функций парантезы на примере текстов англоязычного издания *National Geographic*, объединённых общей темой «Наука», в соответствии с коммуникативными интенциями адресанта. Используя метод сплошной выборки в выборе примеров репрезентации категории экспрессивности, было выяснено, что доминирующей функцией парантетической конструкции в анализируемых текстах является комментарий как средство репрезентации индивидуального авторского мнения и сообщения дополнительной информации, не влияющей на содержание статьи, но сообщающей читателю дополнительные факты, которые способствуют формированию их личного мнения.

Ключевые слова: экспрессивность, экспрессивный синтаксис, медиадискурс, медиатекст, парантетическая конструкция, научно-популярный текст

Для цитирования: Михалчева А.В. (2023). О некоторых особенностях функционирования парантетических конструкций в современных научно-популярных текстах (на примере англоязычного издания *National Geographic*). *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 22–31. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-22-31>

В настоящее время тексты СМИ и их характеристики находятся в центре внимания современной лингвистической науки. Тотальное проникновение средств массовой информации в жизнедеятельность человека приводит к необходимости выделения их изучения в отдельный раздел науки, что позволило бы более детально выявить отличительные характеристики текстов СМИ разных источников (телевидение, радио, печатная и электронная пресса и пр.), обосновать их сходства и различия, а также выявить роль их воздействия на массовую аудиторию. Возникают и развиваются различные направления изучения медиатекстов, среди которых можно выделить исследование СМИ с точки зрения медиалингвистики [4], медиастилистики [7], [11], политической лингвистики [15], медийного речеведения [16], а также как дискурсофферы [8]. Учёные пытаются выяснить, как формат изложения влияет на лингвистическое наполнение, а также анализируют взаимозависимость содержания информации и способа её репрезентации в тексте СМИ. Особый интерес вызывают исследования воздействующего потенциала организации текста, в особенности применение экспрессивных синтаксических конструкций, на адресата сообщения. Становится необходимым выяснить, посредством каких конструкций «большого» синтаксиса авторы текста достигают максимального уровня воздействия на реципиента, учитывая как особенности своей читательской аудитории, так и отличительные черты конкретного издания.

Категория экспрессивности включает в себя лингвистические средства разных уровней, но особую роль в передаче авторских интенций играют экспрессивные синтаксические конструкции, организуя высказывание таким образом, чтобы оно производило максимальный воздействующий эффект на читателя. Р.Р. Чайковский говорит об экспрессивном синтаксисе как «свойстве синтаксических форм увеличивать прагматический потенциал высказываний сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические формы» [14, с. 196], Э.А. Трофимова определяет синтаксическую экспрессию как «свойство синтаксических структур иметь эмоциональную направленность, а также служить средством логического усиления образительности, выразительности, образности» [13, с. 239]. Из этих определений становится очевидной неразрывная связь экспрессивного синтаксиса со средствами лексического выражения образности, модальности и усиления. Экспрессивность с точки зрения синтаксиса рассматривалась разными отечественными учёными, среди наиболее значимых работ изучения данного лингвистического явления можно выделить работы Э.М. Береговской, изучающей пунктуацию как средство идиостиля автора, а также синтаксические конструкции, основанные на принципе симметрии и противоположной ей асимметрии: зевгму, градацию и хиазм [3], труды Г.А. Золотовой по особенностям актуального членения предложения [5], работы Г.Н. Акимовой, которая рассматривала особенности функционирования конструкций расчленённого синтаксиса [1], и Е.А. Иванчиковой, изучающей парцелляцию [6]. Особого внимания заслуживают работы А.П. Сковородникова, утверждающего, что конструкции такого типа необходимо изучать не изолированно, а в их взаимосвязи, объединив особую систему синтаксических средств языка. Уделяя особое внимание изучению эллипсиса, антиэллипсиса, усечения, позиционно-лексического повтора и парцелляции, учёный предлагает объединить данные экспрессивные синтаксические средства языка в одну из микросистем, отличительной особенностью конститuentов которой является способ их образования: они не состоят из единиц предшествующего уровня, но представляют собой трансформации того же, синтаксического, уровня. Элементы данной системы разделяются по принципу оппозиции экономных и избыточных структур и по принципу градации: от элементов с максимальной позиционной экономией к элементам максимальной избыточности [10].

Изучая медиатексты с точки зрения воздействия на реципиента и роли экспрессивного в передаче авторских мыслей, нами была предложена следующая классификация конструкций экспрессивного синтаксиса:

1. Средства, основанные на симметрии, которые создают особую манеру и ритм повествования и воздействуют на эмоциональную сферу адресата, к которым относятся зевгма, хиазм, синтаксический параллелизм.

2. Средства, основанные на сегментации, способствующие особому распределению информации, выделению ключевых моментов повествования, среди которых выделяются инверсия, парцелляция и расщеплённое предложение.

3. Средства, основанные на добавлении информации, благодаря которым сообщается дополнительная информация, раскрывается значение термина или суть процесса (парентетическая конструкция, присоединение, обособление).

4. Средства, основанные на избыточности, с помощью которых автор раскрывает составные элементы события или явления, расширяя высказывание и придавая ему особое ритмико-интонационное оформление, к которым можно отнести различные виды повторов.

5. Средства, построенные в форме риторического вопроса, максимально приближающие читаемый текст к диалогу двух собеседников и вовлекая читателя в собственные размышления.

В данной статье будет проанализировано влияние средств экспрессивного синтаксиса, основанных на добавлении, в частности, роль парентетических конструкций в передаче авторской точки зрения и его восприятия описываемых событий, а также в воздействии на читательскую аудиторию на примере статей *National Geographic*, отобранных методом сплошной выборки и объединённых общностью медиатемы «Наука», что позволяет проанализировать синтаксическое наполнение статей тематически сопоставимых областей.

Одной из отличительных особенностей журнала *National Geographic*, помимо красочных фотографий, является его приверженность научно-популярной журналистике, что выражается в направленности на массовую аудиторию и в изложении сущности научных достижений в общедоступном формате, адаптированном под уровень читательской аудитории и под канал их распространения: радио, телевидение, печатные и электронные СМИ и т.п. Основной функцией данного издания является просветительская, поскольку тексты направлены не только на сообщение достоверной и актуальной информации о достижениях науки, но и на расширение кругозора целевой аудитории, сообщении новых и интересных фактов об окружающем мире. Такие тексты написаны достаточно сложным языком, включающим специфическую терминологию, требующую пояснения для читателей, которые не являются специалистами в данной сфере и отличаются как своими фоновыми знаниями, так и социальными характеристиками. Одним из ведущих способов такого пояснения, раскрытия смысла сложных и специфических для научной среды явлений, является использование парентетических конструкций, которые могут выполнять разные функции и являться средством реализации разных коммуникативных интенций автора, которые мы понимаем как намерения автора, выражаемые вербально и реализуемые в процессе коммуникации.

Парентетическую конструкцию можно определить как «вставку внутри предложения вводных или вставных конструкций с целью показать нарушение хода мысли автора, его отступление от основной темы, внесение в ход повествования дополнительных сведений фактологического и модального содержания» [12, с. 421]. Использование такого синтаксического приёма приводит к появлению двуплановости в высказывании, что позволяет совместить различные смысловые и временные планы, создавая смысловую полифонию. О.В. Александрова отмечает, что парентетические конструкции просодически отличаются от всего предложения, что объясняется их оформлением с помощью интонации включения, причём величина паузы зависит от степени семантической связи данной конструкции с высказыванием в целом. Именно этот слом нормального потока речи придаёт тексту экспрессивный эффект на синтаксическом уровне, обобщая и выражая отношение говорящего к содержанию речи [2]. Рассмотрим особенности функционирования парентетических конструкций в статьях научно-популярного характера и их роль в выражении коммуникативных интенций автора.

Статья «The Cost of Harming Nature» посвящена коронавирусу – одной из основных тем, волнующих людей во всех странах. Миллионы людей следят за развитием событий: разработкой вакцины, последствиями долгой самоизоляции, долгожданными снятиями ограничений и попытками выяснить причины возникновения вируса. Данной проблематике посвящены как отдельные выпуски журнала, так и специальная рубрика, что подчёркивает значимость данной темы для

читателей. Автор изучает предпосылки зарождения вируса COVID-19 и роль человечества в данном процессе. В статье приводятся примеры пагубного влияния деятельности человека на ранее необитаемые места, в том числе на самых маленьких представителей фауны:

1. *Forest calls this ecosystem shift – from mature, stable, and full of large animals to immature and dominated by small creatures – the “microbialization” of coral reef* [17, с. 18].

Описывая особенности «экосистемного сдвига», возникающего из-за появления человека, учёный поясняет с помощью парентетической конструкции (*from mature, stable, and full of large animals to immature and dominated by small creatures*) его сущность, то есть изменение доминирующего вида – от более развитого и стабильного к меньшему по размеру и «незрелому». Такое пояснение позволяет не только облегчить понимание данного процесса читателем, но и заострить его внимание на противоположных чертах данных видов. Такой контраст, создаваемый лексическими средствами, воздействует на сознание читателей, делая повествование более понятным и образным, тем самым заинтересовывая целевую аудиторию журнала.

Говоря о естественных процессах очищения природы, автор описывает проведённый им эксперимент, в котором было доказано, что определённые организмы способны отфильтровывать потенциально опасные патогены:

2. *It’s another way nature controls viruses – filtering them out of the system – that we’re only now recognizing* [17, с.18].

Описав подробно суть эксперимента ранее, автор подводит своеобразный итог, ещё раз уточняя, в чём именно заключается данная особенность природы – способность очищаться от негативных факторов. Использование парентетической конструкции (*filtering them out of the system*) для уточнения информации даёт читателю понять, что этот факт является одним из ключевых в данной части текста. Акцентируя внимание реципиентов, автор заставляет их задуматься над ролью человека в экосистеме, над их пагубным влиянием и загрязнением своей жизнедеятельностью окружающего мира, что, в том числе, по мнению автора, способствовало возникновению новой коронавирусной инфекции. Парантеза выступает не только как средство когезии в тексте, как способ поддержки и развития определённой темы, но и как средство воздействия на читательскую аудиторию.

3. *Forest then added Vibrio to each aquarium, from a culture he had brought with him on the expedition. (Who else travels with Vibrio?)* [17, с. 18].

Вынесение мнения автора, его комментария за пределы предложения и оформление его в скобках (*Who else travels with Vibrio?*) способствует созданию вторичного плана повествования. Автор отвлекается на мгновение от обсуждаемой проблемы и акцентирует внимание читателя на том факте, что учёный путешествует с вибрионом – микроорганизмом, играющим непосредственную роль в проведении эксперимента и очищении экосистемы от патогенных факторов. Парентетическая конструкция, употребляемая данным способом, во-первых, создаёт комический эффект и воздействует на эмоциональную сферу реципиента, во-вторых, характеризует Форестера Роувера, эколога, эксперимент которого и послужил основой для рассмотрения проблемы видовой разнообразия и влияния человека. Такое упоминание особенности учёного ещё раз подчёркивает целенаправленность, преданность делу, что делает его экспертом в данной области науки в глазах читателя и позволяет довериться его точке зрения, а также подтверждает, что автор основывает своё повествование на фактических, научных данных, полученных экспериментальным путём.

4. *Even if it’s just for selfish reasons – for our own survival – now more than ever, we need the wild* [17, с. 18].

Данная фраза является заключающей в статье, подводящей итог и ещё раз напоминающей о том, что человек может сделать, чтобы сохранить видовое разнообразие. Автор с помощью парентетического внесения (*for our own survival*) акцентирует внимание на одной из основных причин защиты окружающего мира – нашего собственного выживания. Такая апелляция к читателям, акцентуация внимания на последствиях, которые затрагивают и их в том числе, не только усиливает воздействие на читательскую аудиторию, заставляя их понять, что данная проблема не

является абстрактной и затрагивает их интересы и судьбу, но и сближает автора с реципиентом, подчёркивая, что мы все должны приложить максимум усилий, чтобы получить требуемый результат.

Проанализировав данную статью, становится очевидно, что парентетическая конструкция используется для уточнения (примеры 1, 2), направленного на акцентуацию внимания читателей на фактах и сообщении дополнительной информации, раскрывающей заложенный в тексте смысл; для комментария (пример 3), благодаря которому автор создаёт дополнительный план повествования и воздействует на читателей, высказывая собственное мнение; и для усиления (пример 4), акцентирующего внимание читателей на определённых ключевых моментах, которые имеют непосредственное отношение к жизни читателей и потому усиливают воздействующий потенциал статьи в целом.

Статья «How viruses shape our world» также посвящена роли, которую вирусы играют в нашем мире. Статья относится к научно-популярным текстам, так как автор не только объясняет, почему без вирусов было бы невозможно наше существование, но также описывает разные научные подходы к определению терминов «вирус», «живой», рассматривает научные гипотезы происхождения и эволюции вирусов, комментирует противоречивые моменты и широко оперирует научной терминологией. Для подтверждения своей точки зрения, а также для раскрытия обсуждаемой темы автор прибегает к использованию средств экспрессивного синтаксиса, в том числе парентетических конструкций.

1. *There are two lengths of DNA that originated from viruses and now reside in the genomes of humans and other primates, for instance, without which – an astonishing fact – pregnancy would be impossible. There's viral DNA, nestled among the genes of terrestrial animals, that helps package and store memories – more astonishment – in tiny protein bubbles* [18, с. 46-47].

В данном отрывке автор доказывает эволюционную значимость вирусов для репродуктивной системы приматов и человека – наша способность вынашивать потомство внутри своего организма появилась благодаря данной эволюции. Автором использованы парентетические конструкции (*astonishing fact, more astonishment*) для создания определённой манеры повествования. Данные факты действительно вызывают большое удивление и являются неожиданными для читателей, поэтому автор предугадывает их реакцию, разделяя подобные чувства. Это не только сближает читательскую аудиторию с автором, но и создаёт определённый эмоциональный эффект для всего повествования.

2. *A virus is a parasite, yes, but sometimes that parasitism is more like symbiosis, mutual dependence that profits both visitor and host* [18, с. 48].

Размышляя над природой вируса, автор раскрывает суть некоторых научных подходов к определению его сущности, особенностей их строения и функционирования в окружающей среде. Приходя к выводу о том, что вирусу больше подходит роль паразитарного организма, автор сообщает читателям, что в природе достаточно часто встречается вариант сосуществования паразита и носителя – то есть симбиоз. С помощью парентетической конструкции (*mutual dependence that profits both visitor and host*) автор поясняет сущность данного термина, что облегчает понимание описываемой проблемы, а также даёт читателям понять, что взаимовыгодное существование вируса и организма может приносить пользу. Такое пояснение создаёт основу для формирования мнения читателей о данной проблеме, поскольку раскрытие сущности термина делает содержание статьи более доступным широкому кругу читательской аудитории, отличающейся своими фоновыми знаниями.

3. *The capsid, in some cases, is surrounded by a membranous envelope (like the caramel on a caramel apple), which protects it and helps it catch hold of a cell* [18, с. 48].

В данном примере автор объясняет строение капсулы вируса. Используя парентетическое внесение (*like the caramel on a caramel apple*), автор помогает читателю понять суть описываемого явления благодаря сравнению с карамельной оболочкой карамелизованного яблока – десерта, хорошо известного практически во всём мире. Благодаря созданию образа капсулы, основанного

на его сравнении с известным предметом, автору удаётся передать не только внешний вид, но и плотность и характеристики капсулы, сходные с характеристиками карамели на яблоке. Данный факт облегчает восприятие происходящего читателями, а также затрагивает их эмоциональный фон. Автор намеренно сравнивает капсулу с карамелизованным яблоком, поскольку он предполагает, что это вызовет положительные воспоминания, что будет способствовать вовлечённости читателей в проблему, повысит воздействующий потенциал статьи в целом.

4. *Claverie's senior co-author on that paper was Chantal Abergel, a virologist and structural biologist (and also his wife)* [18, с. 53].

Рассказывая о научных достижениях, автор не забывает упомянуть и учёных. В частности, описывая соавтора одной из научных работ по вирусологии, автор с помощью парентетической конструкции (*and also his wife*) не только характеризует учёных, но и подчёркивает, что они являются супругами. Это создаёт положительный образ в глазах читателя, поскольку «очеловечивает» учёных, делает их ближе к обычным людям, которые кроме научной жизни имеют и личную. Также такое уточнение показывает, что авторы описываемого научного труда действительно отдают всё своё время, личное и рабочее, обсуждению поднимаемой проблемы и поиску её решения.

5. *Here's the big twist: Some retroviruses infect reproductive cells – the cells that produce eggs or sperm – and in doing that, they insert their DNA into the heritable genome of the host* [18, с. 62].

Автор продолжает рассуждать о роли разных видов вирусов, повлиявших на становление и развитие жизни на земле, в том числе на организм человека. Для более точного описания необходимо использовать термин «репродуктивный», который может быть известен не каждому читателю, поэтому с помощью парентетической конструкции (*the cells that produce eggs or sperm*) автор поясняет его значение, что заметно облегчает понимание смысла и делает содержание статьи более доступным для целевой аудитории.

6. *For four hours I sat in Heidmann's office while he explained to me, with a laptop at his elbow for bringing up graphs and charts, the origin and the functions of this particular gene* [18, с. 62].

В данном примере автор описывает то, как он получил данные проводимых экспериментов. Используя парентезу (*with a laptop at his elbow for bringing up graphs and charts*), автор, во-первых, даёт читателю возможность представить происходящее, увидеть всё своими глазами, а во-вторых, он подчёркивает увлечённость и преданность учёного своему делу, который готов не только объяснить сложные моменты журналисту, но и подтвердить данные наглядно, подготовив графики и схемы. Этот факт ещё раз подчёркивает насущность данного эксперимента, с которым знакомятся читатели. Это также способствует последовательному формированию у читательской аудитории представления о данном учёном, что способствует повышению уровня доверия как к автору, описывающему экспериментальные данные, так и к учёному, получившему их в ходе своей научной работы.

7. *If recombination did occur, adding some crucial new elements from a different coronavirus, this could have happened in a bat or possibly in another animal. (Pangolins have been suggested; other species could also be candidates.)* [18, с. 67].

Данный отрывок статьи примечателен тем, что автор выносит в парентетическую конструкцию (*Pangolins have been suggested; other species could also be candidates*) отдельное предложение, оформляя его круглыми скобками. Это создаёт дополнительный план повествования: автор не просто рассказывает о некоторых особенностях и изменениях коронавируса, но и дополняет повествование дополнительными знаниями, существующими научными гипотезами, полученными из других научных источников. Во-первых, такой комментарий привлекает читателей своим синтаксическим и просодическим выделением. Во-вторых, парентеза способствует установлению доверия читателей к мнению автора, который показывает, что информация для данной статьи была тщательно собрана из различных источников, а не является доказательством только одной теории. В-третьих, данный синтаксический приём демонстрирует читательской аудитории, что учёные ещё не до конца выяснили истоки разразившейся пандемии. Эта тема увлекает огромное

количество людей в настоящее время, делая её одной из самых актуальных и широко обсуждаемых как в научном сообществе, так и среди простых людей, что увеличивает степень воздействия статьи на читателя.

Анализ данной статьи показал, что парентетическая конструкция была использована для пояснения (примеры 2, 5), комментария (примеры 4, 7), создания визуального образа (примеры 3, 6) и вовлечения (пример 1). Данное соотношение обусловлено наличием большого количества терминов и научных процессов, требующих пояснения для читателей, необходимостью выражения мнения автора и сообщения дополнительной информации, а также возможностью визуализации как описываемых объектов, так и задействованных в описании лиц. Такое использование средств экспрессивного синтаксиса объясняется направленностью статьи не только на описание полученных данных, но и на привлечение внимания читателей к данной проблеме, способствуя её дальнейшему изучению.

Анализ англоязычного медиатекста на примере научно-популярных текстов журнала *National Geographic* показал, что средства экспрессивного синтаксиса могут быть использованы для уточнения, то есть сообщения дополнительной культурологической информации, расширения содержания ранее предоставленной информации; усиления, то есть акцентуации внимания на необходимых фактах, представляющих важность для раскрытия темы; пояснения, заключающегося в раскрытии термина или описании научного процесса; комментария, благодаря которому сообщается дополнительная информация и выражается мнение автора; вовлечения, то есть воздействия на читателей для усиления их интереса, и создания образа, который позволяет почувствовать то, что чувствовал автор, увидеть его глазами, а также наглядно представить описываемый объект. Данные коммуникативные интенции отражают когнитивные особенности издания и формат предоставления информации в изучаемых текстах, направленных на расширение кругозора читателей, сообщение интересных фактов и описание достижений науки в разных областях, а также оказание влияния на формирование общественного мнения.

Анализ функционирования парентетических внесений для выражения категории экспрессивности показал преобладание интенции комментария в анализируемых статьях, что свидетельствует о намерении автора внести в описание дополнительную информацию, которая не влияет на рассуждения адресанта, но может способствовать как формированию мнения читателей об авторе текста, так и выражению авторского мнения, которое может совпадать или не совпадать как с общепринятым, так и с точкой зрения читательской аудитории. Большую роль играет и интенция пояснения, благодаря которой автор раскрывает содержание терминологического аппарата данной сферы научного знания, что направлено на облегчение восприятия читателями сложной информации.

Значительная роль отводится интенции создания образа, которая используется автором для сопоставления сложных научных процессов и явлений с подобными бытовыми процессами и предметами, что направлено на создание упрощённого представления и восприятия научных процессов, как, например, в случае с карамелизованным яблоком, образ которого не имеет отношения к теме вирусологии, но является способом передачи внешнего представления о вирусной оболочке. Благодаря такому образу читателям становится проще визуализировать описываемое явление и сформировать собственное представление о нём.

Выявленное соотношение коммуникативных интенций подчёркивает первостепенную роль просветительской функции данного издания, поскольку автор не только раскрывает обсуждаемую тему и передаёт как своё мнение, так и мнение известных в данной сфере учёных, но и дополняет рассуждение новыми и интересными фактами, способствующими расширению кругозора читателей, формированию некоторых знаний по данной теме. Функциональное назначение выявленных коммуникативных интенций заключается в комплексном воздействии на сознание целевой аудитории, формировании общественного мнения и побуждении к определённым действиям, что отражает ключевые установки издания *National Geographic*.

Список литературы

1. Акимова Г. Н. Новое в синтаксисе современного русского языка: учебное пособие / Г. Н. Акимова. М.: Высшая школа. 1994. 168 с.
2. Александрова О.В. Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: учебное пособие / О. В. Александрова. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 116 с.
3. Береговская Э.М. Очерки по экспрессивному синтаксису / Э. М. Береговская. М.: Рохос, 2004. 208 с.
4. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов (опыт исследования современной английской медиаречи) / Т. Г. Добросклонская. Издание 4-е. М.: КРАСАНД, 2013. 288 с.
5. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. М.: Наука, 1973. 352 с.
6. Иванчикова Е. А. Парцелляция, её коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции / Е.А. Иванчикова // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. Москва: Вышш. шк., 1977. С. 277-301.
7. Клушина Н. И. Медиастилистика: монография / Н. И. Клушина. М.: ФЛИНТА, 2018. 184 с.
8. Менджеричкая Е. О. Дискурсосфера печатных СМИ: игра на выживание: монография / Е. О. Менджеричкая. М.: МАКС Пресс, 2017. 312 с.
9. Сердюкова Л. И. Вводная предикативная конструкция как компонент объёмного предложения в прозе У. Фолкнера / Л. И. Сердюкова // Научные труды МГПИИЯ им. М. Тореца. Вып. 77. М.: 1974. С. 142-148.
10. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка: Опыт системного исследования / А. П. Сковородников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 255 с.
11. Солганик Г. Я. Язык политики, язык СМИ (газеты) и литературный язык / Г. Я. Солганик // Язык СМИ и политика / Под ред. Г. Я. Солганика. М.: Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова. 2012. С. 245-261.
12. Старичёнок В. Д. Большой лингвистический словарь / В. Д. Старичёнок. Ростов н/Д, Феникс. 2008. 811 с.
13. Трофимова Э. А. О некоторых моделях выражения экспрессивности в английской разговорной речи / Э. А. Трофимова // Теория и практика лингвистического описания иноязычной разговорной речи. Горький. 1972. С. 239-243.
14. Чайковский Р. Р. Общая лингвистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса / Р. Р. Чайковский // Учёные записки: МГПИИЯ им. М. Тореца. Вопросы романо-германской филологии. М.: 1971. Т. 64. С. 188-198.
15. Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А. П. Чудинов. М. Изд-ва «Флинта», «Наука». 2006. 254 с.
16. Шмельёва Т. В. Медиалингвистика как медийное речеведение / Т. В. Шмельёва // Медиатекст как полиинтенциональная система: сборник статей / под ред. Л. Р. Дускаевой, Н. С. Цветовой. СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т., 2012. С. 56-61.
17. Sala, E. The cost of harming nature / Enric Sala // National Geographic. №9. 2020. PP. 15-18.
18. Quammen, D. How viruses shape our world / David Quammen // National Geographic. №2. 2021. PP. 40-67.

References

1. Akimova, G. N. *Novoe v sintaksise sovremennogo russkogo iazyka* [New in the syntax of the modern Russian language] / G. N. Akimova. Moscow. 1994. 168 p.
2. Aleksandrova, O.V. *Problemy ekspressivnogo sintaksisa. Na materiale angliiskogo iazyka* [The problems of expressive syntax. On the basis of the English language]. 2nd edition / O. V. Aleksandrova. Moscow. 2009. 116 p.
3. Beregovskaia, E.M. *Ocherki po ekspressivnomu sintaksisu* [Essays on expressive syntax] / E. M. Beregovskaia. Moscow. 2004. 208 p.
4. Dobrosklonskaia, T. G. *Voprosy izucheniia mediatekstov (opyt issledovaniia sovremennoi angliiskoi mediarechi)* [Issues of media texts study (the experience of studying of modern English media)] / T. G. Dobrosklonskaia. 4th ed. Moscow. 2013. 288 p.
5. Zolotova, G. A. *Ocherk funktsionalnogo sintaksisa russkogo iazyka* [An essay on the functional syntax of the Russian language] / G. A. Zolotova. Moscow. 1973. 352 p.
6. Ivanchikova, E. A. *Partseliatsiia, ee kommunikativno-ekspressivnye i sintaksicheskie funktsii* [Parcellation, its communicative-expressive and syntactic functions] / E. A. Ivanchikova // *Russkii iazyk i sovetskoe obshchestvo: Morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* [Russian language and soviet society: morphology and syntax of the modern Russian literary language]. Moscow. 1977. PP. 277-301.
7. Klushina, N. I. *Mediastilistika* [Media stylistics] / N. I. Klushina. Moscow. 2018. 184 p.
8. Mendzheritskaia, E. O. *Diskursosfera pechatnykh SMI: igra na vyzhivanie* [Discourse-sphere of print media: survival game] / E. O. Mendzheritskaia. Moscow. 2017. 312 p.
9. Serdiukova, L. I. *Vvodnaia predikativnaia konstruktsiia kak komponent obiemnogo predlozheniia v proze U. Folknera* [Introductory predicative construction as a component of William Faulkner's volume sentence] / L. I. Serdiukova // *Nauchnye trudy MGPIIA im. M. Toreza* [Collected works of Moscow State Institute of Foreign languages named after Maurice Thorez]. Moscow. 1974. PP. 142-148.
10. Skovorodnikov, A. P. *Ekspressivnye sintaksicheskie konstruktсии sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: Opyt sistemnogo issledovaniia* [Expressive syntax constructions of the modern Russian literary language: the experience of a systematic approach] / A. P. Skovorodnikov. Tomsk. 1981. 225 p.
11. Solganik, G. Ia. *Iazyk politiki, iazyk SMI (gazety) i literaturnyi iazyk* [The language of politics, the language of media (newspapers) and the literary language] / G. Ia. Solganik. Moscow. 2012. PP. 245-261.

12. Starichenok, V. D. *Bolshoi lingvisticheski slovar* [Full linguistic dictionary] / V. D. Starichenok. Rostov n/D: Feniks, 2008. 811 p.
13. Trofimova, E.A. *Teoriia i praktika lingvisticheskogo opisaniia inoiazychnoi razgovornoj rechi* [On some models of conveying expressivity in the English colloquial speech] / E. A. Trofimova. Gorkii. 1972. PP. 239-243.
14. Chaikovskii, R. R. *Obshchaia lingvisticheskaia kategoriia ekspressivnosti i ekspressivnost sintaksisa* [General linguistic category of expressivity and expressive syntax] / R. R. Chaikovskii // *Uchenye zapiski: MGPIIa im. M. Toreza. Voprosy romano-germanskoj filologii* [Collected works of Moscow State Institute of Foreign languages named after Maurice Thorez. The problems of Roman-German philology]. Moscow. 1971. PP.188-198.
15. Chudinov, A. P. *Politicheskaia lingvistika* [Political linguistics] / A. P. Chudinov. Moscow. 2006. 254 p.
16. Shmeleva, T. V. *Medialingvistika kak mediinoe rechevedenie* [Media linguistics as media speech studies] / T. V. Shmeleva // *Mediatekst kak poliintentsionalnaia sistema: sbornik statei* [Media text as a polyintentional system: collected works] / Ed. by L. R. Duskeyeva, N. S. Tsvetova. Saint-Petersburg. 2012. PP. 56-61.
17. Sala, E. The cost of harming nature / Enric Sala // *National Geographic*. №9. 2020. PP. 15-18.
18. Quammen, D. How viruses shape our world / David Quammen // *National Geographic*. №2. 2021. PP. 40-67.

Сведения об авторе:

Михалчева Анастасия Витальевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии ТГПУ им. Л.Н. Толстого (Тула, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: грамматика английского языка, категория экспрессивного синтаксиса, медиадискурс.
E-mail: anastasia-mikhailcheva@rambler.ru

About the author:

Anastasia V. Mikhailcheva, PhD in Philology, is Senior Lecturer at the Department of English Philology in Tula State Lev Tolstoy Pedagogical university (Tula, Russia). Spheres of research and professional interest: English language grammar, the category of expressive syntax, media discourse.
E-mail: anastasia-mikhailcheva@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

MAKING INDIRECT SPEECH IN GERMAN JOURNALISTIC COMMENTS: CONJUNCTIVE VS INDICATIVE

Elena A. Shesterina

MGIMO-University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is aimed at identifying trends in the linguistic design of indirect speech in German, which differs from the requirements of standard grammar. Recent works have noted significant deviations from the rules of constructing indirect speech using the conjunctive, there is a discrepancy in approaches to their use in the literary language, its national variants and dialects, oral and written speech, as well as in various speech genres. Modern grammarians recognize the existence of alternative forms of indirect speech, which include constructions with prepositional phrases, subordinate clauses with 'wie', the combination of so + source of information in postposition to indirect speech, as well as modal verbs 'wollen' and 'sollen' in epistemic meaning. However, the authors do not provide explicit and understandable rules for their use. All deviations from the standard rule of using conjunctive in indirect speech can be grouped into three complex areas: the interchangeability of conjunctive forms I and II, the expression of distancing from the refereed sources information and ignoring the conjunctive as a violation of the norm of constructing indirect speech. The authors of the comments practically do not allow the interchangeability of the forms of conjunctive I and II, since this may lead to the fact that their statements will be interpreted not as carrying factual, ascertaining information, but as a potential opportunity to commit an action. Commentators in the vast majority of cases take a critical position regarding the actions of the actors of the events under consideration, therefore, the conjunctive is exactly the means that helps to mark the distancing of the author of the comment from the refereed sources. In the texts of journalistic comments, there are isolated examples of the design of indirect speech with indicative forms. This is possible only in cases when a journalist uses lexemes with the semantics of confidence in the words of the author, thanks to which he indirectly gives either a positive or negative assessment of information from the source being reviewed, and thus ceases to be an impartial observer, but expresses his attitude to the actions of actors in the situation he is commenting on.

Keywords: opinion piece, indirect speech, subjunctive, indicative, language development trends, distancing, semantics of certainty

For citation: Shesterina, E. A. (2023). Making Indirect Speech in German journalistic comments: Conjunctive vs Indicative. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 32–41. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-32-41>

ОФОРМЛЕНИЕ КОСВЕННОЙ РЕЧИ В НЕМЕЦКИХ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ КОММЕНТАРИЯХ: КОНЪЮНКТИВ VS ИНДИКАТИВ

Е.А. Шестерина

Московский государственный институт международных отношений МИД
России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена выявлению тенденций языкового оформления косвенной речи в немецком языке, отличающегося от требований стандартной грамматики. В работах последнего времени отмечаются существенные отклонения от правил построения косвенной речи с помощью конъюнктива, наблюдается расхождение в подходах к их использованию в литературном языке, его национальных вариантах и диалектах, устной и письменной речи, а также в различных речевых жанрах. Современные грамматики признают существование альтернативных форм оформления косвенной речи, к которым причисляют конструкции с предложными фразами, придаточные предложения с *wie*, сочетание *so* + источник информации в постпозиции к косвенной речи, а также модальные глаголы *wollen* и *sollen* в эпистемическом значении. Однако авторы не приводят эксплицитных и понятных правил их употребления. Все отклонения от стандартного правила употребления конъюнктива в косвенной речи можно сгруппировать в три комплексные области: взаимозаменяемость форм конъюнктива I и II, выражение дистанцирования от информации реферируемых источников и игнорирование конъюнктива как нарушение нормы построения косвенной речи. Авторы комментариев практически не допускают взаимозаменяемости форм конъюнктива I и II, так как это может привести к тому, что их высказывания будут трактоваться не как несущие фактическую, констатирующую информацию, а как потенциальную возможность совершения действия. Комментаторы в подавляющем большинстве случаев занимают критическую позицию в отношении действий акторов рассматриваемых событий, поэтому конъюнктив является именно тем средством, которое помогает маркировать дистанцирование автора комментария от реферируемых источников. В текстах публицистических комментариев встречаются единичные примеры оформления косвенной речи формами индикатива. Это возможно только в тех случаях, когда журналист использует в словах автора лексемы с семантикой уверенности, благодаря которым он косвенно даёт либо положительную, либо отрицательную оценку информации из реферируемого источника, и перестаёт таким образом быть беспристрастным наблюдателем, а выражает своё отношение к действиям акторов в ситуации, которую он комментирует.

Ключевые слова: публицистический комментарий, косвенная речь, конъюнктив, индикатив, тенденции развития языка, дистанцирование, семантика уверенности

Для цитирования: Е.А. Шестерина Оформление косвенной речи в немецких публицистических комментариях: конъюнктив vs индикатив. . *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 32–41. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-32-41>

1. Введение

Оформление косвенной речи в немецком языке представляет сложность не только для изучающих этот язык, но и для самих носителей немецкого языка. Несмотря на попытки германистов унифицировать требования к построению косвенной речи с помощью конъюнктива, наблюдается расхождение в подходах к их использованию по линии форм существования немецкого языка (литературный язык – национальные варианты – диалекты), видам речи (устная речь – письменная речь), речевым жанрам и т.д.

Известно, что косвенная речь – это такая организация информации, в которой автор помимо пропозиционального содержания делает отсылку к её источнику [ср. напр.: 17, с. 1753]. Как правило, в немецком языке такие конструкции состоят из главного предложения, в котором указывается источник информации – слова автора, и придаточного предложения, содержащего чужие слова – косвенную речь. Основным грамматическим средством оформления косвенной речи в немецком языке является конъюнктив. Для передачи косвенной речи необходимо использовать временные формы конъюнктива I, выбор которых определяется автором относительно момента создания своего устного или письменного текста [9, с. 535]. При этом если используемая временная форма конъюнктива совпадает с соответствующей формой индикатива, следует применить конкурентную форму конъюнктива II [3, с. 195], [9, с. 535], [11, с. 126], [12, с. 220], [13, с. 98].

Современные грамматики признают существование альтернативных форм оформления косвенной речи – конструкций с предложными фразами (*Laut Eurostat*), придаточных предложений с союзом *wie* (*Wie der Pressedienst berichtete*), сочетания наречия *so* + источник информации (*so der Sprecher des Ressorts*) в виде эллиптической конструкции, в которой подразумевается глагол речевой деятельности *äußert(e) sich...*, *steht es in...* и т.п., а также модальных глаголов в эпистемическом значении *wollen* («по словам того, о ком идет речь» и *sollen* («по имеющейся информации»). Перечисляя альтернативные формы оформления косвенной речи, авторы авторитетных немецких грамматик не приводят эксплицитных и понятных правил их употребления. Чаще всего указывается на жанровую особенность использования конъюнктива для передачи чужой речи. Так, например, Г.Х. Цифонун пишет, что в языке прессы отмечается тяготение к следованию правилам стандартной грамматики и, соответственно, к употреблению форм конъюнктива в косвенной речи. В то же время, для передачи чужой речи в разговорном языке конъюнктив используется реже индикатива. При этом формы конъюнктива II более употребительны, чем формы конъюнктива I даже в тех случаях, когда они не совпадают с формами индикатива [17, с. 1767].

В последние три десятилетия в немецком языкознании ведутся дискуссии относительно употребления временных форм конъюнктива I для выражения косвенной речи. Одни учёные считают, что в современном немецком языке, и особенно в его устной речи, наметилась тенденция отказа от конъюнктива I при передаче чужих слов [см. напр.: 5, с. 143]. Другие считают необоснованными утверждения о скорой смерти основного грамматического маркера косвенной речи, коим является конъюнктив I, и ссылаются на очевидные факты его массового присутствия в языке СМИ [12, с. 259]. Г.Х. Цифонун отмечает, что из всех случаев употребления конъюнктива I в косвенной речи в Маннгеймском корпусе 40% приходится на газетные тексты [17, с. 1784]. Исследование Х. Бургера показало, что классические СМИ намного чаще чем «жёлтая» пресса используют конъюнктив для оформления косвенной речи [7].

Мы обратились к немецким публицистическим комментариям с целью выявить тенденции языкового оформления косвенной речи в немецком языке, отличающиеся от требований стандартной грамматики. Выбор материала исследования обусловлен тем, что жанр публицистического комментирования представляет собой контаминацию объективного освещения событий с авторской оценкой происходящего. Комментатор видит свою основную задачу в том, чтобы описать актуальное в данный момент событие с представлением различных точек зрения, убедив при этом свою читательскую аудиторию в верности собственной позиции [ср.: 1, с. 103], [2, с. 147]. При этом важно привлечь широкую аудиторию к своему интеллектуальному продукту, поэтому комментатор должен обращаться к читателям или слушателям на понятном им языке.

2. Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили 25 скриптов аудиокомментариев объёмом 59 стандартных страниц (1 стандартная страница = 1800 печатных знаков с пробелами), опубликованных на сайте www.deutschlandfunk.de в рубрике «Kommentare und Themen der Woche» в 2022 году и написанных разными авторами. В комментариях было выявлено 214 случаев употребления косвенной речи.

Методика проведения исследования основывалась на сравнении употребления временных форм при передаче косвенной речи в реальных контекстах с требованиями стандартной грамматики по использованию конъюнктива. Выявленные таким образом случаи отклонения от зафиксированных в авторитетных грамматиках правил распределялись по типам альтернативных средств передачи косвенной речи. Для объяснения использования тех или иных языковых средств оформления чужих высказываний изучалась лексико-грамматическое контекстное окружение и определялись интенции авторов текстов на предмет их дистанцирования от реферируемой информации и выражения фактических или гипотетических действий.

3. Анализ и результаты исследования

Сформулированное во многих авторитетных грамматиках немецкого языка основное правило использования конъюнктива в косвенной речи на практике не является абсолютным. Как в устной, так и в письменной речи встречаются отклонения от правила, которые определяются различными факторами. Все отклонения от стандартного правила употребления конъюнктива в косвенной речи, выявленные нами в результате анализа публицистических комментариев в немецких СМИ, можно сгруппировать в три комплексные области. Рассмотрим их подробнее.

3.1. Взаимозаменяемость форм конъюнктива I и II

На заре становления современной грамматики немецкого языка в начале XX века, например, в трудах Г. Вустманна и Г. Пауля, превалировало представление о том, что формы конъюнктива I и конъюнктива II являются взаимозаменяемыми вне зависимости от того, идёт ли речь о литературном языке, диалектах или устной речи. Сегодня такой подход признаётся устаревшим и некорректным. Рефлексы некорректной взаимозаменяемости конъюнктива I и II заметны в речи многих немцев, которые испытывают трудности в употреблении нужной формы конъюнктива в соответствии со стандартной грамматикой и часто путают их. В действительности же на содержательном уровне при оформлении косвенной речи имеется существенное различие между формами конъюнктива I и конъюнктива II.

Напомним, что временные формы конъюнктива II, изменяемая часть которых образуется по типу претерита (Präteritum, Plusquamperfekt и Konditionalis), в косвенной речи могут заменять формы конъюнктива I, если те совпадают с формами индикатива. Как правило, это наблюдается в 1 и 3 лицах множественного числа. Вместе с тем, основная и наиболее употребительная функция конъюнктива II в системе немецкого языка – выражение нереальных, теоретически возможных желаний. Для передачи нереальности в косвенной речи однозначно следует использовать конъюнктив II, если автор высказывания хочет, чтобы адресат правильно истолковал его интенции. Так, в следующем примере:

*Bei allem Erfolg **habe** das Neun-Euro-Ticket auch Schwächen des öffentlichen Verkehrs **aufgezeigt**: Das Angebot ist viel zu klein und auf dem Land kaum vorhanden, kommentiert Georg Ehring. Dauerkundschaft **ließe** sich mit einem attraktiven Nachfolgeangebot gewinnen (26.08.2022)*

автор строит косвенную речь с помощью форм конъюнктива I (*habe aufgezeigt*) и конъюнктива II (*ließe*). При этом в связи с использованием претерита конъюнктива возникает разногласие в трактовке интенций автора высказывания. Из контекста становится понятно, что реферируется утвердительное высказывание Герга Эринга «Постоянных клиентов **можно** завоевать только следующими привлекательными предложениями», которое следовало бы оформить презенсом

конъюнктивом, не совпадающим по форме с презенсом индикативом. Используя в таких случаях претеритальную форму, адресант рискует быть неправильно понятым адресатом, который может трактовать высказывание как нереальное желание: «Постоянных клиентов **можно было бы** завести только последующими привлекательными предложениями».

В связи с проблемой взаимозаменяемости форм конъюнктива I и II нельзя не упомянуть нарастающую тенденцию использования кондиционалиса (инфинитив смыслового глагола с вспомогательным глаголом *würde*) вместо претерита конъюнктива, на что указывал ещё К.-Х. Бауш в 1979 году, причисляя данную особенность к типичным характеристикам устной немецкой речи [6]. По его подсчётам, глаголы, не совпадающие с формами индикатива, составляют лишь четвертую часть от всего корпуса примеров, в остальных случаях используется форма с *würde*. Если к подсчётам прибавить случаи замены слабых и сильных глаголов, совпадающих с формами индикатива, то доля использования претерита конъюнктива сократится до 1/8 от всех случаев. При этом возникает опасность того, что модус высказывания будет воспринят слушателями или читателями как условное наклонение или, наоборот, интенции сомнения и неуверенности адресанта будут неправильно истолкованы адресатом как фактическая информация.

Несмотря на опасности неправильной трактовки интенций адресанта в лингвистической среде даже рекомендуется заменять формы конъюнктива, которые совпадают в презенсе и претерите с формами индикатива, на кондиционалис [17, с. 1784], поскольку считается, что конъюнктив II многих сильных глаголов, например, *bürge*, *drösche*, *flöchte*, *flöhe*, *genösse* и др., либо соответствует высокому стилю речи, либо звучит архаично и высокопарно [ср. напр.: 4, с. 625]. В литературе отмечается, что тенденция замены синтетических форм презенса и претерита конъюнктива аналитическими (кондиционалис) усиливается в устной немецкой речи и уже затрагивает письменную речь. Это привело к тому, что в претерите конъюнктиве используется небольшое количество наиболее распространённых глаголов: *haben*, *sein*, *werden*, *bringen*, *finden*, *geben*, *gebrauchen*, *gehen*, *kommen*, *wissen*, *tun*, *können*, *sollen*, *wollen*, *dürfen*, *mögen* и *müssen* [17, с. 1784]. Вместе с тем отмечается, что замена претерита конъюнктива кондиционалисом обычно происходит у глаголов с перфективной семантикой (*würde aufhören*) и редко наблюдаются у дуративных глаголов (*würde liegen / läge*) [12, с. 424].

Проанализированные нами тексты публицистических комментариев показали, что, вопреки описанным выше тенденциям, в немецких публицистических комментариях в подавляющем большинстве случаев наблюдается строгое следование нормативным правилам. Лишь 0,5% от всех случаев употребления косвенной речи в нашем корпусе примеров обнаруживают взаимозаменяемость форм конъюнктива I и II. Следование стандартным правилам объясняется, вероятно, тем, что авторы комментариев большое внимание уделяют своей аргументации и стараются не допустить возникновения случаев, в которых их высказывания могут трактоваться не как несущие фактическую, констатирующую информацию, а как потенциальную возможность совершения действия.

3.2. Выражение дистанцирования от информации реферируемых источников

В тех случаях, когда можно использовать форму конъюнктива I, отличающуюся от соответствующей временной формы индикатива, употребление конъюнктива II в косвенной речи призвано выразить дистанцию или скепсис говорящего или пишущего относительно реферируемой информации. Так, вплоть до 6-го издания грамматики немецкого языка Duden, вышедшего в свет в 2007 году, отмечалась способность конъюнктива II выражать сомнение и скепсис в косвенной речи. Начиная с упомянутого издания, Duden лишь отмечает тот факт, что формы конъюнктива II используются для замены форм конъюнктива I, если те в косвенной речи совпадают с формами индикатива [см. напр.: 9]. Такой подход к употреблению конъюнктива I и конъюнктива II представляется спорным, поскольку, во-первых, носители немецкого языка очень часто путают формы обеих групп конъюнктива, что является одной из самых распространённых ошибок среди немцев. Во-вторых, было бы сложно распознать функцию дистанцирования от цитируемой информации в случае, когда форма конъюнктива I совпадает с формой индикатива, и поэтому

возникает необходимость в использовании конкурентной формы конъюнктива II. В этом случае реципиент может не понять, что имел в виду говорящий или пишущий, как в следующем примере, в котором употребление глагола *finden* в претерите конъюнктиве может интерпретироваться адресатом как реальное («**не встретит** большого отклика в Чехии»), так и потенциальное действие («**не встретило** бы большого отклика в Чехии»):

Nüchtern erklärte Petr Fiala da, er sei noch nicht dazu gekommen, sich näher mit der Rede des Gastes aus Deutschland zu befassen und das, was er von Scholz dazu gehört habe, fände in Tschechien wenig Zustimmung (29.08.2022).

В современных лингвистических исследованиях учёные отходят от мысли, что именно конъюнктив II в косвенной речи может использоваться для своего дистанцирования от информации, идущей из других источников. Первичным критерием при выборе презентной или претеритальной временной формы конъюнктива в косвенной речи выступает выбор формы, отличающейся от индикатива, с преимущественным использованием конъюнктива I. Тот факт, что современные грамматики отрицают намеренное использование конъюнктива II вместо конъюнктив I для маркирования своего дистанцирования от реферируемой информации, не отменяет одного из главных предназначений всех форм конъюнктива в косвенной речи – маркирование адресантом своего сомнения и скепсиса относительно сведений, содержащихся в чужих высказываниях. Как отмечает У. Энгель, с помощью конъюнктива оформляется принадлежность текста другому источнику, и благодаря конъюнктиву говорящий или пишущий перекладывает ответственность за его содержание на источник и избегает необходимости высказывать своё отношение к нему. Таким образом, передача информации с помощью конъюнктива, а не индикатива позволяет адресанту занять более отстранённую позицию в отношении реферируемой информации [12, с. 15]. Группа исследователей под руководством К.-Р. Зоммерфельдта видит различие в передаче чужих слов в следующем: индикатив помогает идентифицировать позицию адресанта, а конъюнктив – дистанцироваться от приводимого высказывания [16, с. 75]. П. Браун трактует способность выражения дистанцирования с помощью конъюнктива как важный инструмент современного языка СМИ, что позволяет журналистам реферировать чужую информацию «без гарантии» достоверности её содержания [5, с. 147].

Особенностью публицистических комментариев немецких авторов является преимущественное использование (более 97% всех проанализированных нами примеров) конъюнктива для маркирования чужих высказываний. Как правило, комментарии посвящаются актуальной проблеме, при решении которой возникают проблемы. Комментаторы в подавляющем большинстве случаев занимают критическую позицию в отношении действий акторов рассматриваемых событий. При этом конъюнктив является именно тем средством, которое помогает маркировать дистанцирование автора комментария от высказываний лиц, которые неэффективно решают важные для граждан проблемы, не прибегая при этом к эксплицитному описанию своей позиции.

3.3. Игнорирование конъюнктива как нарушение нормы построения косвенной речи

Употребление конъюнктива II в косвенной речи в случаях, когда возможно использование форм конъюнктива I, не совпадающих с соответствующими формами индикатива, считается нарушением грамматической нормы литературного языка. Данный постулат не вызывает возражений в современном научном сообществе германистов. Однако в реальной коммуникации при построении косвенной речи заметны тенденции отклонения от указанной нормы, связанные, прежде всего, с выбором конъюнктива или индикатива для её оформления. Анализ практического материала показывает, что в современном немецком языке имеются существенные отклонения от следования стандартному правилу использования форм конъюнктива при оформлении косвенной речи. Так, Т. Смевик провела статистический анализ употребления форм конъюнктива и индикатива в немецких и австрийских газетах различной направленности и способа подачи материала («качественная» и «жёлтая пресса») и пришла к выводу, что в конструкциях с бессоюзным оформлением косвенной речи встречается от 6,3% до 22,2% форм индикатива для передачи

чужого высказывания. В предложениях, в которых косвенная речь вводится с помощью союза *dass*, формы индикатива составляют 17,2-27,3% от общего числа выявленных случаев употребления косвенной речи [15, с. 51-54].

Как известно, передающая косвенную речь конструкция состоит из двух ментальных пространств – реферативного пересказа информации, исходящей от какого-нибудь источника, и фразы, вводящей эту информацию по типу «*X sagt / schreibt / berichtet / teilt mit usw., (dass) ...*». Таким образом, автор текста может в укороченной форме передавать даже самые длинные высказывания других людей, демонстрируя с помощью конъюнктива свою непричастность к сказанному и отстранённость от предъявляемой информации. Тем не менее у автора текста есть возможность высказать своё отношение к реферированной цитате с помощью определённых глаголов и выражений в предложении, вводящем косвенную речь, на что указывает З. Йегер [14, с. 304]. В этом случае речь идёт о фокусировании внимания читателей или слушателей на мнении автора комментария относительно реферлируемого высказывания, а не относительно его дистанцирования от содержания реферлируемой информации.

Употребление форм конъюнктива или индикатива в косвенной речи часто зависит от семантики предиката в предложении, которое представляет собой слова автора. Если в словах автора используются предикаты для обозначения общей речемыслительной деятельности для ретрансляции знаний: *äußern, behaupten, bekanntgeben, berichten, darstellen, erklären, erzählen, glauben, melden, meinen, mitteilen, sagen, schreiben* и т.п., то косвенная речь передаётся преимущественно формами конъюнктива. Если в словах автора используются глаголы с семантикой убедительности, например, *bekennen, bestreiten, deutlich machen, einstehe, fordern, gestehen, klarstellen, kritisieren, nachweisen, verdeutlichen, entschuldigen, überzeugt sein, vergessen, verstehen, wissen* и т.п., то для выражения косвенной речи достаточно использовать формы индикатива. С помощью перечисленных глаголов автор текста даёт свою оценку интенциям цитируемого лица, дефокусируя при этом заложенный в конъюнктив прагматический потенциал обозначения дистанции от представляемой информацией. Сравним два примера:

Zusätzlich wurde behauptet, dass insbesondere ein Mitgliedstaat überrepräsentiert sei (18.03.2022).

Er ist überzeugt, dass die Digitalisierung viele Chancen bietet, aber gute Rahmenbedingungen braucht (22.05.2022).

В первом высказывании отсутствует сомнение в реферлируемой информации, поэтому использование конъюнктива в косвенной речи излишне. Наоборот, постановка глаголов с семантикой общей речемыслительной деятельности в главном предложении предполагает использование конъюнктива в косвенной речи, если говорящий или пишущий хочет дистанцироваться от сказанного.

Ещё одним случаем, позволяющим отказаться от употребления конъюнктива при передаче чужой речи в пользу индикатива, является использование предложного указания на источник высказывания непосредственно в главном предложении (*zufolge, nach, laut u m.n.*) и частицы *so*, заменяющей глагол в словах автора (*so der Ministerpräsident*), например:

Das Ziel eines die Integration fördernden Europas macht nach den Worten des Europäischen Rates von Lissabon gemeinsame Anstrengungen und Aktionen erforderlich (7.02.2022).

Diese Erhöhung hat so gut wie keine negativen Effekte auf die Beschäftigung, so der Forscher (18.2.2022).

Статистическое исследование использования форм конъюнктива и индикатива в косвенной речи Т. Смейк показало, что в конструкциях, в которых косвенная речь вводится при помощи выражения типа *so der Ministerpräsident*, сравнительных конструкций с *wie* (*Wie der Sprecher des Auswärtigen Amtes berichtet*) и предложных фраз, употребление форм инфинитива составляет 37-75% от всех выявленных примеров [15, с. 58]. В данном случае формально и содержательно речь не идёт о косвенном реферировании или цитировании. В специальной литературе высказывается мнение, что эта конкурентная форма лишь ретранслирует то, что сказали третьи лица, не маркируя своё отношение к сказанному [ср.: 8, с. 467-492], [10, с. 472].

В проанализированных нами публицистических комментариях немецких журналистов было выявлено всего три случая использования глаголов с семантикой уверенности в словах автора.

Во всех этих случаях автор поддерживает действия политиков, занятых решением проблемных ситуаций. У него нет необходимости показать своё скептическое отношение к словам реферируемого источника с помощью конъюнктива. Напротив, журналист выражает свою поддержку ответственным лицам, характеризуя их речевые действия с помощью глаголов с семантикой уверенности и положительной коннотацией. В контекстах, в которых комментатор занимает критическую позицию к действиям ответственных лиц, используются предикаты с семантикой общей речемыслительной деятельности по ретрансляции знаний, оформленные временными формами конъюнктива.

Ещё одним случаем передачи чужой речи исключительно формами индикатива является так называемое субъективное, или эпистемическое использование модальных глаголов *wollen* и *sollen* в сочетании с инфинитивными конструкциями. По словам автора словаря Duden в данном случае речь идёт о «реферирующих» модальных глаголах, которые свидетельствуют о том, что автор текста использует «утверждения и обоснованные предположения» другого источника в качестве основы своего речевого продукта и не несёт ответственности за справедливость этих утверждений и предположений [9, с. 559], например:

Der Erkelenzer Grünen-Politiker Manoj Subramaniam soll die rechtsextremen Bedrohungen gegen seine Person erfunden haben, so die Staatsanwaltschaft Mönchengladbach (2.09.2022).

4. Заключение

В современном немецком языке всё отчетливее проявляется тенденция использования конкурентных конъюнктиву форм оформления косвенной речи не только в разговорном языке, но и в жанрах, считающихся консервативными, таких как, например, средства массовой информации. Это может приводить к нарушениям успешной коммуникации, так как чисто механическая замена форм конъюнктива I и II, а также форм конъюнктива на индикатив может помешать реализовать истинные интенции адресанта. Так, благодаря использованию индикатива или конъюнктива в косвенной речи, говорящий или пишущий может передавать либо свою убежденность в справедливости высказывания (индикатив), либо своё сомнение в том, является ли высказывание истинным или ложным (конъюнктив). В публицистическом жанре «комментарий» журналисты тщательно относятся к оформлению косвенной речи, ориентируясь на требования стандартной грамматики. Это относится, в первую очередь, к преимущественному использованию презентных форм конъюнктива, чтобы исключить неправильную трактовку реферируемых высказываний как фактическое или как потенциальное действие. Чрезвычайно важным для комментаторов представляется маркировать своё критическое отношение к высказываниям, связанным с освещаемой ими проблемой. Это становится возможным благодаря использованию не индикативных, а конъюнктивных форм глагола. Тем не менее, и в текстах публицистических комментариев встречаются случаи оформления косвенной речи формами индикатива. Однако это возможно только в тех случаях, когда журналист использует в словах автора лексемы с семантикой уверенности. Благодаря таким лексемам говорящий или пишущий косвенно даёт либо положительную, либо отрицательную оценку информации из реферируемого источника, и перестаёт таким образом быть беспристрастным наблюдателем, а выражает своё отношение к акторам ситуации, которую он комментирует.

В качестве перспективы представляется важным провести обширное статистическое исследование текстов различных жанров в «серьёзных» и «бульварных» средствах массовой информации на предмет отхода их авторов от стандартных требований грамматики при оформлении косвенной речи. При этом необходимо связать каждый случай нарушения нормы, закреплённой в авторитетных грамматиках немецкого языка, с модусом речевого поведения журналистов, то есть их интенциями, направленными на привлечение интереса различных социальных групп слушательской или читательской аудитории.

Список литературы

1. Калашникова Е.А. Репрезентация категории локальной связности в рамках политического комментария / Е.А. Калашникова, И.Ю. Кремер // Современные концепции романо-германской филологии, лингводидактики и межкультурной коммуникации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 30 марта 2022 года. Рязань: Рязанское высшее воздушно-десантное ордена Суворова дважды Краснознаменное командное училище имени генерала армии В.Ф. Маргелова, 2022. С. 102-106.
2. Фомина Д.А. Комментарий в российской журналистике: особенности жанра, творческие приёмы (на примере публикаций Ю. Щекочихина) / Д.А. Фомина // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2018. № 1. Том 1. С. 147-151.
3. Admoni W. Der deutsche Sprachbau / W. Admoni. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970. 322 S.
4. Althaus H.P. Lexikon der Germanistischen Linguistik. 2. Vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage / H.P. Althaus. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1980. 213 S.
5. Braun P. Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten / P. Braun. Stuttgart: Kohlhammer, 1993. 265 S.
6. Bausch K.-H. Modalität und Konjunktivgebrauch in der gesprochenen deutschen Standardsprache. Sprachsystem, Sprachvariation und Sprachwandel im heutigen Deutsch. Teil 1 / K.-H. Bausch. Ismaning: Hueber, 1979. 272 S.
7. Burger H. Sprache der Massenmedien / H. Burger. Berlin, New York: de Gruyter, 1990. 388 S.
8. Carlsen L. Redewiedergebende Sätze mit präpositionalen Quellenangaben / L. Carlsen // Neuphilologische Mitteilungen. 1994. №95. S. 467-492.
9. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, Band 4 (8. Ausg.) / K. Kunkel-Razum, F. Münzberg. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009. 1344 S.
10. Duden. Richtiges und gutes Deutsch / P. Eisenberg, F. Münzberg, K. Kunkel-Razum. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 1053 S.
11. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik / P. Eisenberg. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1986. 504 S.
12. Engel U. Deutsche Grammatik, Neubearbeitung / U. Engel. München: Iudicium, 2004. 488 S.
13. Griesbach H.G. Neue deutsche Grammatik / H.G. Griesbach. Berlin: Langenscheidt, 1986. 425 S.
14. Jäger S. Gebrauch und Leistung des Konjunktivs in der deutschen geschriebenen Hochsprache der Gegenwart / S. Jäger // Braun P. Deutsche Gegenwartssprache / P. Braun. München, 1979. S. 296-320.
15. Smevik T. Zum Modusgebrauch in der indirekten Rede in deutschen und österreichischen Presstexten. Eine korpusbasierte Untersuchung / T. Smevik. Trondheim: NTNU, 2013. 68 S.
16. Sommerfeldt K.-H., Starke G., Schreiber G. Grammatisch-semantische Felder / K.-H. Sommerfeldt, G. Starke, G. Schreiber. München, 1991. 128 S.
17. Zifonun G.H. Grammatik der deutschen Sprache / G.H. Zifonun, L. Hoffmann, B. Stecker. Berlin: Walter de Gruyter, 1997. 2800 S.

References

1. Kalashnikova, E.A., Kremer, I.Yu. Repräsentation der Kategorie der lokalen Verbindlichkeit im Rahmen des politischen Kommentars [Representation of the category of local connectivity in the framework of political commentary]. In: *Sovremennye kontseptsii romano-germanskoj filologii, lingvodidaktiki i mezhkulturnoi kommunikatsii: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferentsii, Ryazan', 30 marta 2022 goda* [Modern concepts of Romano-Germanic philology, linguodidactics and intercultural communication: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Ryazan, March 30, 2022]. Ryazan: Ryazan Higher Airborne Order of Suvorov twice Red Banner Command School named after General V.F. Margelov, 2022. pp. 102-106.
2. Fomina, D.A. Kommentarii v rossijskoj zhurnalistike: osobennosti zhanra, tvorcheskie priemy (na primere publikatsii Yu. Shchekochikhina) [Opinion pieces in Russian journalism: features of the genre, creative techniques (on the example of Yu. Shchekochikhin's publications)]. In: *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva* [Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishcheva], 2018, no. 1. vol. 1, pp. 147-151.
3. Admoni, W. Der deutsche Sprachbau / W. Admoni. München: C.H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1970. 322 p.
4. Althaus, H.P. Lexikon der Germanistischen Linguistik. 2. vollständig neu bearbeitete und erweiterte Auflage / H.P. Althaus. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1980. 213 p.
5. Braun, P. Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache: Sprachvarietäten / P. Braun. Stuttgart: Kohlhammer, 1993. 265 p.
6. Bausch, K.-H. Modalität und Konjunktivgebrauch in der gesprochenen deutschen Standardsprache. Sprachsystem, Sprachvariation und Sprachwandel im heutigen Deutsch. Teil 1 / K.-H. Bausch. Ismaning: Hueber, 1979. 272 p.
7. Burger, H. Sprache der Massenmedien / H. Burger. Berlin, New York: de Gruyter, 1990. 388 p.
8. Carlsen, L. Redewiedergebende Sätze mit präpositionalen Quellenangaben / L. Carlsen. In: *Neuphilologische Mitteilungen*. 1994. №95. pp. 467-492.
9. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache, Band 4 (8. Ausg.) / K. Kunkel-Razum, F. Münzberg. Mannheim, Zürich: Dudenverlag, 2009. 1344pS.
10. Duden. Richtiges und gutes Deutsch / P. Eisenberg, F. Münzberg, K. Kunkel-Razum. Mannheim: Dudenverlag, 2007. 1053 p.
11. Eisenberg, P. Grundriss der deutschen Grammatik / P. Eisenberg. Stuttgart: J.B. Metzlersche Verlagsbuchhandlung, 1986. 504 p.
12. Engel, U. Deutsche Grammatik, Neubearbeitung / U. Engel. München: Iudicium, 2004. 488 p.
13. Griesbach, H.G. Neue deutsche Grammatik / H.G. Griesbach. Berlin: Langenscheidt, 1986. 425 p.
14. Jäger, S. Gebrauch und Leistung des Konjunktivs in der deutschen geschriebenen Hochsprache der Gegenwart / S. Jäger. In: *Braun P. Deutsche Gegenwartssprache* / P. Braun. München, 1979. pp. 296-320.

15. Smevik, T. Zum Modusgebrauch in der indirekten Rede in deutschen und österreichischen Presstexten. Eine korpusbasierte Untersuchung / T. Smevik. Trondheim: NTNU, 2013. 68 p.
16. Sommerfeldt, K.-H. Grammatisch-semantische Felder / K.-H. Sommerfeldt, G. Starke, G. Schreiber. München, 1991. 128 p.
17. Zifonun, G.H. Grammatik der deutschen Sprache / G.H. Zifonun, L. Hoffmann, B. Stecker. Berlin: Walter de Gruyter, 1997. 2800 p.

Сведения об авторе:

Шестерина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: психолингвистика, культура речи, грамматика немецкого языка, методика преподавания немецкого языка. E-mail: niky.07@mail.ru

About the author:

Elena A. Shesterina, PhD, is Assistant Professor at the Department of the German Language, MGIMO-University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: psycholinguistics, culture of speech, German grammar, German teaching methodology. E-mail: niky.07@mail.ru

* * *

CREATION OF AN ENGLISH FOR SPECIAL PURPOSES TEXTBOOK FOR UNIVERSITY STUDENTS – FUTURE PUBLIC RELATIONS PRACTITIONERS

A. A. Tychinsky

MGIMO-University,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The purpose of the study is to present the author’s experience in creating the ESP textbook “Public Relations. Textbook in English”. The academic novelty of the paper lies in the fact that for the first time the process of creating an ESP textbook for third-year students of an international university (MGIMO-University, Russia) who study English at an advanced level is considered in detail. The paper looked at all stages of writing an English for Special Purposes (ESP) textbook, i.e. book concept development, overall project management, format selection and standardization.

As a result, the necessity of using methodological approaches to writing a textbook that could help students develop the competencies of future public relations specialists, as well as enable them to succeed in their careers at the international level, was proved. In addition, examples of language exercises are provided that can be used to develop basic linguistic skills, as well as specific competencies related to the future profession of public relations specialists.

course of German-language media on the cognitive consciousness of the audience is argued.

Keywords: ESP, ELT, linguistic competencies, public relations, competency-based approach, textbook

For citation: Tychinsky, A. A. (2023). Creation of an English for special purposes textbook for university students – future public relations practitioners. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 42–52. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-42-52>

СОЗДАНИЕ УЧЕБНИКА ПО АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ ДЛЯ СТУДЕНТОВ УНИВЕРСИТЕТА – БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

А.А. Тычинский

Московский государственный институт международных отношений МИД
России, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. *Цель исследования* – представить опыт автора при создании учебника ESP “Public Relations. Учебное пособие по английскому языку”. *Научная новизна* исследования заключается в том, что впервые подробно рассматривается процесс создания учебника ESP для студентов третьего курса международного вуза (МГИМО-Университет, Россия), изучающих английский язык на продвинутом уровне. В исследовании рассматривались все этапы написания учебника по английскому языку для специальных целей (ESP), то есть создание концепции книги, общее управление проектом, выбор формата и его стандартизация.

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактом, что хотя на современном российском образовательном рынке представлено множество учебников по английскому языку, они, к сожалению, не всегда вписываются в определённые учебные программы вузов. Это связано с тем, что чаще всего они нацелены на обучение общему английскому языку, а не английскому для специальных целей (English for Specific Purposes, далее – ESP). Такие учебники, безусловно, могут быть использованы для развития общеязыковых компетенций, но они не позволяют больше ориентироваться на специализацию обучающихся и специфику их будущей профессии. Результаты проведённых исследований в сфере интенсификации и рационализации обучения студентов говорят о том, что если осуществить усиление мыслительной активности учащихся непосредственно во время введения учебного материала и дать студентам упражнения, предполагающие творческие задания – это ведёт к более качественному усвоению знаний.

В результате доказана необходимость использования методологических подходов к написанию учебного пособия, которые могли бы помочь студентам в развитии компетенций будущих специалистов по связям с общественностью, а также дать им возможность добиться успеха в карьере на международном уровне. Кроме того, приводятся примеры языковых упражнений, которые можно использовать для развития основных лингвистических навыков, а также конкретных компетенций, связанных с будущей профессией специалистов по связям с общественностью. Работа основана на личном опыте автора использования анализируемого пособия.

Ключевые слова: ESP, ELT, лингвистические компетенции, связи с общественностью, компетентностный подход, учебное пособие

Для цитирования: Тычинский А.А. (2023). Создание учебника по английскому языку для специальных целей для студентов университета – будущих специалистов по связям с общественностью. *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 42–52. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-42-52>

Введение

Составить учебник английского языка для начинающих профессионалов в определённых областях является сложной задачей, поскольку она требует от авторов создания учебного материала, который может помочь студентам в развитии языковых компетенций наряду с навыками, необходимыми для выполнения обязанностей на определённых должностях [1, с. 4]. Это означает, что основная цель такого учебника должна состоять в том, чтобы подготовить студентов вуза к будущей профессии, а также справиться со всем комплексом проблем, связанных с их профессией, относительно быстро после окончания вуза [2, с. 3].

В настоящее время топ-менеджеры компаний обычно ожидают от своих сотрудников, в нашем случае специалистов по связям с общественностью, успешного выполнения ряда непростых задач [8, с. 116]. Помимо сбора и анализа данных и проведения исследований среди требований работодателей к молодым специалистам можно выделить необходимость осуществления устного перевода на встречах, умелого ведения переговоров и т. д. [6, с. 2527]

Ставя цель создать учебник ESP для изучающих английский язык на продвинутом уровне, авторы должны чётко понимать многочисленные задачи, стоящие перед ними, самая важная из которых состоит в том, чтобы разработать книгу, которая будет развивать лингвистические компетенции и в то же время оттачивать профессиональные навыки, которые будущие выпускники будут использовать в своей конкретной сфере деятельности [10, с. 2].

К сожалению, учебники общего английского не могут помочь в решении всех задач, стоящих перед начинающими специалистами. Учебники ESP составляются преподавателями для студентов своего вуза, и подобные учебные материалы, несомненно, весьма специфичны. При подготовке материалов авторы в таком случае всегда в качестве целевой аудитории пособий предполагают своих студентов [3, с. 60]. Преподаватели чётко знают проблемы и потребности своих учащихся. Поэтому учебники ESP направлены на улучшение тех языковых навыков студентов, которые именно им понадобятся в будущем при выполнении профессиональных обязанностей.

В нашем случае уровень владения английским языком у студентов третьего курса факультета международной журналистики МГИМО достаточно высок, поэтому им не нужно тратить много времени на совершенствование грамматических навыков. Комплекс упражнений пособия должен быть ориентирован на усвоение профессиональных терминов, что необходимо для того, чтобы стать специалистами по связям с общественностью в постоянно глобализирующейся среде.

На наш взгляд, в учебнике ESP должны быть задачи, моделирующие процессы, характерные для конкретных будущих профессий студентов вуза.

Задачи исследования, поставленные в данной статье, следующие:

- описать этапы создания учебника по английскому языку для специальных целей для студентов вуза – будущих специалистов по связям с общественностью;
- отразить структуру и содержание учебника по английскому языку для специальных целей для студентов вуза – будущих специалистов по связям с общественностью;
- проверить эффективность применения учебника по английскому языку для развития профессиональных компетенций студентов вуза – в недалёком будущем специалистов по связям с общественностью.

Данная статья направлена на анализ некоторых способов составления современного учебника ESP для студентов университетов, обучающихся по направлению подготовки «Связи с общественностью». **Теоретической базой** исследования послужили публикации зарубежных и российских авторов по указанной тематике. В частности, научные работы Амина Каримниа (Amin Karimnia) и Оффорд - Грея (Offord - Gray) посвящены теоретическим и практическим аспектам отбора материалов ESP в XXI столетии. Упомянутые авторы успешно разрабатывают принципы отбора материалов для включения в учебное пособие языка профессии [5, с. 221], [9, с. 80]

Данные принципы могут быть приняты в качестве контрольного списка для разработчика учебного пособия ESP. Если уровень и содержание материалов соответствуют потребностям учащихся, курс обеспечит эффективное обучение.

Методы исследования, использованные автором данной работы, это метод анализа и системный подход.

Практическая значимость работы состоит в том, что автор наглядно показывает какой именно набор упражнений является наиболее эффективным для достижения целей учебного пособия, анализируя собственный опыт написания учебника ESP для МГИМО-Университета (Россия).

Основная часть

Планирование написания учебного пособия

Автор концепции проекта должен определить как структуру, так и содержание создаваемого учебника ESP. Он должен чётко обозначить общие цели обучения студентов английскому языку для специальных целей и прийти к выводу, будет ли будущий учебник использоваться независимо от каких-либо других ресурсов или должен быть дополнен другими материалами. Именно на данном этапе автору следует провести анализ потребностей студентов [4, с. 12]. Целесообразно провести опрос среди потенциальных обучающихся, чтобы узнать, каковы их ожидания от пособия. Полученные результаты помогут сделать учебник не только практичным, но и интересным. Затем должны быть определены конкретные цели будущего учебника на основе убеждений и представлений студентов о том, каким должно быть обучение ESP в университетском образовании.

Техническая сторона создания учебного пособия

Поскольку выполнить работу по написанию учебника ESP одному человеку чрезвычайно сложно и требует много времени, важно собрать команду авторов. Это должны быть люди с большим опытом создания такого материала, люди дисциплинированные, умеющие быстро работать и легко управляемые. Задача по отбору авторского коллектива ложится на плечи главного автора проекта создания учебника. Если он совершит ошибку на этом этапе, весь проект окажется под угрозой.

Очевидно, что перед началом работы крайне важно предоставить соавторам чёткие и подробные инструкции о том, как писать разделы учебника с точки зрения их структуры. Поэтому рекомендуется отправить им образец блока с примерами упражнений. Опыт автора показывает, что это значительно ускорит процесс создания учебника и избавит от многих вопросов в ходе реализации проекта.

Общая концепция учебника по связям с общественностью для студентов МГИМО

Не вызывает сомнений, что даже после выбора профессионального авторского коллектива общий успех учебника у целевой аудитории остаётся под вопросом. Автор концепции должен выбрать методологические подходы, которые сделают будущий учебник наиболее эффективным в достижении целей обучения ESP. Очень важно определить целевую аудиторию учебника ESP, то есть создать образ потенциальных обучающихся, которые будут пользоваться пособием. Необходимо учитывать их потребности и ожидания.

Студенты нашего вуза учатся в университете международных отношений, поэтому в дальнейшей профессиональной жизни им предстоит, в том числе, заниматься международными экономическими операциями. На взгляд автора, важно познакомить студентов с аутентичными материалами, которые могли бы имитировать случающиеся в реальной жизни бизнес ситуации [11, с. 5998], если есть модули аудирования, необходимо дать студентам возможность познакомиться с различными акцентами, чтобы они были готовы вести бизнес с коллегами по всему миру [3, с. 59].

**Авторский опыт создания учебника ESP для студентов 3 курса,
обучающихся по направлению подготовки «Связи с общественностью» в МГИМО**

*Цели созданного пособия, компетенции им развиваемые
и ожидаемые результаты его использования*

Анализируемый в данной статье учебник называется «Public Relations. Учебное пособие по английскому языку. Уровни B2 – C1 / Москва, 2018» [2, с. 3]. Авторами данного пособия являются Тычинский А.А., Ивушкина Т.А., Конколь М.М., Тумский С.В., Козьмин А.О., Канашина С.В., Габарта Е.А.

Учебник создан для студентов третьего курса факультета журналистики МГИМО и направлен на развитие англоязычной коммуникативной компетенции будущих специалистов в области рекламы и связей с общественностью. Учебник ориентирован на подготовку студентов к успешному осуществлению следующих видов профессиональной деятельности:

- коммуникация,
- задачи, связанные с анализом и прогнозированием,
- исследовательская работа.

Задания данного учебного пособия относятся к модулю «Язык профессии» и их целью является сформировать профессиональную иноязычную коммуникативную компетенцию будущего специалиста – международного в области связей с общественностью. Уровень владения языком студентов, которые в будущем будут пользоваться данным учебным пособием, описывается в Общеввропейской шкале языковых компетенций (Common European Framework of Reference for Languages) как уровень профессионального владения (B2–C1 – Effective Operational Proficiency).

Пособие включает в себя 14 глав (chapters), каждая из которых состоит из текста на английском языке для чтения, подраздела Vocabulary и 10 упражнений на отработку «активной» лексики каждой из глав. Аутентичные тексты взяты из учебника “Public Relations” американского специалиста по связям с общественностью Тома Келлехера (Tom Kelleher) [7, с. 2]. Тексты написаны живым языком и дают читателю полное впечатление об особенностях языка данной сферы PR, что делает их познавательными для студентов-международников, изучающих связи с общественностью. В пособии студентам предлагается выполнить следующие упражнения:

- нахождение соответствий, антонимов;
- заполнение пропусков предложенными словами/оборотами из «активной» лексики раздела;
- устный перевод устойчивых словосочетаний, оборотов, идиом, фразеологизмов из «активной» лексики раздела с русского языка на английский;
- перевод предложений с русского языка на английский с использованием «активной лексики» раздела;
- развитие навыков дискуссии с использованием «активной» лексики;
- пересказ представленных русскоязычных текстов профессиональной направленности на английском языке с использованием «активной» лексики главы.

Упражнения на нахождение соответствий, антонимов и заполнение пропусков предложенными словами/оборотами из «активной» лексики раздела направлены на проверку понимания ключевых терминов и выражений профессионального характера. Задания выполняются в формате аудиторной работы и проверяются фронтально.

Упражнения на устный перевод устойчивых словосочетаний, оборотов, идиом, фразеологизмов из «активной» лексики раздела с русского языка на английский направлены на формирование переводческой компетенции, владение которой входит в требования выпускного бакалаврского экзамена по английскому языку. Задания также выполняются в классе и проверяются индивидуально.

Упражнения на перевод предложений с русского языка на английский с использованием «активной лексики» раздела направлены на дальнейшее закрепление активной лексики PR урока. Данные задания делаются студентами в письменной форме в процессе выполнения домашнего

задания. Упражнения затем проверяются индивидуально в ходе аудиторной работы. Упражнения на развитие навыков дискуссии с использованием «активной» лексики – это обсуждение проблем, поднятых в тексте. Работа проводится в классе, фронтально.

Задания на пересказ представленных русскоязычных текстов профессиональной направленности на английском языке с использованием «активной» лексики главы направлены на активацию новой лексики и развитие навыков реферирования текста. Данные упражнения задаются студентам на дом и затем проверяются в ходе аудиторной работы индивидуально.

Принимая во внимание цели учебного пособия, основной автор рассматриваемого учебника выбрал методологию, основанную на компетентностном подходе к освоению знаний. Пособие направлено на развитие общего кругозора, расширение знаний студентов в сфере гуманитарных ценностей, развитие творческих способностей, а также способности к постоянному самообразованию. Существует целый ряд компетенций, необходимых для успешной профессиональной деятельности выпускников нашего вуза. Среди них безусловно необходимо выделить навык преодолевать сложные ситуации и работать в условиях неопределённости, умение эффективно общаться, выстраивать сотрудничество.

Пособие было опубликовано в 2018 году. Исходя из опыта, полученного за прошедшие четыре года, во время которых учебник использовался в качестве основного пособия для обучения языку профессии (связи с общественностью) на третьем курсе факультета международной журналистики МГИМО, автор приходит к выводу, что данное учебное пособие способствует развитию следующих культурно-профессиональных компетенций обучающихся:

- возможность свободно использовать английский язык как средство ведения бизнес коммуникации;
- способность воспринимать различия в этнических особенностях, традициях и культурах, самостоятельно работать в межкультурном пространстве и на международном уровне;
- знание разговорного и письменного делового языка (английский и русский);
- умение вести диалог, переписку, переговоры на иностранном языке на соответствующем уровне для решения профессиональных вопросов;
- знание способов применения методов делового общения в международной среде.

Результатами использования учебного пособия стали:

- умение публично выступать на темы, входящие в общественно-политическую и социокультурную сферы коммуникации, участвовать в дискуссиях, вести беседу на английском языке;
- умение вычленять и воспринимать в зависимости от поставленных целей различные виды информации на английском языке. Данная информация может быть получена из различных источников в рамках общественно-политической, социокультурной и рекламной сфер общения, а также сферы связей с общественностью;
- умение владеть английским языком на уровне, позволяющем использовать его как в профессиональном, так и личном общении, для работы в Интернете, чтения литературы (общей и профессиональной);
- знание основ перевода без подготовки текстов в области рекламы и связей с общественностью;
- знание основных методик последовательного двустороннего перевода текстов из области рекламы и связей с общественностью;
- знание основ письменного перевода текстов с английского на русский и с русского на английский язык;
- умение создавать реферативные и аннотированные версии печатных материалов и аудиоматериалов по тематике, связанной с рекламой и связями с общественностью, а также материалы общественно-политического характера.

Эффективность учебного пособия в решении поставленных задач ежегодно подтверждается успешной сдачей студентами зачётов и экзаменов по вышеуказанной специальности.

Учебник даёт чёткое представление об основных профессиональных темах в области рекламы и связей с общественностью: что такое связи с общественностью, модели связей с общественностью в истории, конвергенция и интегрированная коммуникация, управление отношениями, исследования, проводимые перед реализацией пиар кампаний, планирование, реализация, оценка эффективности проведения пиар кампании, написание текстов, мультимедиа, юридические вопросы, проблемы и кризисы, цифровое неравенство – дома и за рубежом, карьера.

Предварительный этап создания учебника предполагал построение концепции, которая соответствовала бы перечисленным выше принципам. Время, отведённое на создание книги, составило около 7 месяцев от момента формулировки концепции до финальной стадии издания книги. У авторов было очень мало времени, но они сделали все возможное, чтобы обеспечить высокое качество заданий. Перед основным автором проекта стояла задача разработать структуру учебника, которая включала бы в себя полноценный комплекс языковых упражнений и заданий. Из-за очень жёстких сроков работу пришлось разделить между 7 профессионалами. В результате авторам удалось создать учебник за ограниченное время.

Ниже в качестве иллюстрации приводится набор упражнений из учебного пособия. В качестве примера был взят первый раздел учебника.

Chapter 1

Defining Public Relations

Publics — it's not a term you hear every day outside of classrooms and strategy meetings. I still recall vividly the first day in my very first public relations course. The professor started right in discussing the importance of relationships between organizations and publics. For a moment, I was confused about why we would spend so much time talking about relationships between organizations and Publics, the prominent southern U.S. supermarket chain («Where shopping is a pleasure!»). Of course, he was talking about the plural of the term public, which did turn out to be important to our first lesson in public relations. In public relations, publics are groups of people with shared interests related to organizations.

General public – now here's a term, referring to everyone in the world, you probably do hear every day. How is the general public responding to today's news events? What's the best way to get our message out to the general public? Can we engage the general public on this issue? The first two questions are nearly impossible to answer, and the answer to the third question is probably «no». That is the problem with the general public. For all practical purposes the general public doesn't help us with strategy, and it doesn't help us identify any real people with whom we want to communicate.

Engaging in public relations means communicating with people who are part of specific groups with specific interests. Some of these publics are groups that have an effect on the organizations for which we work. These include large corporations, small businesses, nonprofits, schools, government agencies, nongovernmental organizations (NGOs) organized at the local, national, or international level, and even clubs and student groups – pretty much any group of people organized to pursue a mission. Others are people who are affected by our organizations. Most publics fit both criteria in that the influence is mutual.

Principled Public Relations Management

Regardless of how you define it, good public relations require excellent management. When an organization's communication is focused more on image and less on what the organization is actually doing, negative connotations like spin and damage control become unfortunately accurate descriptions.

The problem with communication strategies based on image and fluff, however, is that publics can see right through them. Sometimes they will play along for the fun of it. This is common in sports and entertainment. Sensationalism, snafus, ballyhoo and bombast are all part of what keep people interested in Miley Cyrus' wardrobe choices or Mike Tyson's celebrity antics well beyond their talents for acting, singing or boxing.

But publics are ready to call you on it if you try to promote your organization in ways inconsistent with how your organization is managed. It is easier than ever for people to call out businesses for themselves as eco-friendly to appeal to environmentally conscious publics. EnviroMedia Social Marketing has partnered with the University of Oregon School of Journalism and Communication to promote a «Greenwashing Index.»

Everyone's heard the expression «whitewashing» – it's defined as «a coordinated attempt to hide unpleasant facts, especially in a political context.» «Greenwashing» is the same premise, but in an environmental context. It's greenwashing when a company or organization spends more time and money claiming to be «green» through advertising and marketing than actually implementing business practices that minimize environmental impact. It's whitewashing, but with a green brush.

If your efforts at communication and promotion are not consistent with how your organization is managed, your organization will be seen far closer to the «bogus» end of the greenwashing index than the «authentic» end.

(Kelleher Tom, Public Relations, Oxford University Press, 2018, pp.2-7)

◇ **Vocabulary:**

publics – целевые аудитории

general public – общественность

nongovernmental organization – неправительственная организация

to recruit new members – набирать новых членов

mutually beneficial relationships – взаимовыгодные отношения

spin – представление чего-либо в выгодном для организации свете

ballyhoo – шумиха

audience – аудитория

to whitewash – обелить, скрыть недостатки

authenticity – подлинность

transparency – прозрачность

to botch an attempt – испортить попытку

to spoof a company – подтрунивать над компанией

commendable efforts – достойные одобрения попытки

public sentiment – общественное мнение

trademark – торговая марка

feedback – обратная связь

buzz – слухи, сплетни

assumption – предположение

to disperse authority – распределять полномочия

to gauge – оценивать

expertise – специальные знания

to handle public relations issues – решать вопросы, связанные со связями с общественностью

commitment – обязательство

Exercises

1) Find the English equivalents in the text. Use them in sentences of your own:

задействовать общественность; придерживаться цели; напыщенность; подыгрывать; выходки знаменитостей; уличить во лжи; предпосылка.

2) Find the words in the text or vocabulary which describe or mean the following:

1. not real, although pretending to be real –
2. comments about how well or how badly someone is doing something, which are intended to help them do it better –

3. a group of people who have come to a place to see or hear a film, performance, speech etc. –
4. to determine the exact dimensions, capacity, quantity, or force of–
5. special skill or knowledge that you get from experience, training, or study –
6. something that you consider likely to be true even though no one has told you directly or even though you have no proof –

3) **Match the words. Use them in sentences of your own.**

to botch	public
Nongovernmental	authority
Public	an attempt
Commendable	organization
to disperse	efforts
to handle	public relations issues
General	sentiment

4) **Match the words having the opposite meaning:**

Transparency	to fire
to disperse	to sully
Authenticity	to consolidate
to whitewash	deceitfulness
to recruit	turbidity

5) **Complete the sentences with the words from the Vocabulary section:**

- 1) How do you think the candidate will _____ this story?
- 2) She would be addressing an _____ of three thousand teachers.
- 3) Plus, on cable you no longer have to _____ the story and appease the masses, so the narratives are getting more interesting.
- 4) The question, of course, is how far the authorities will go in this new commitment to _____.
- 5) It was a personal thing she was working towards, and I felt very invested as well seeing her level of _____.
- 6) That was a phenomenon which affected _____ _____ in many countries and became a political issue.
- 7) The way I film is based on the _____ that the audience is as smart and dumb as I am.
- 8) It took the entire day, but the slow pace indicated that it was probably a test to _____ public reaction.
- 9) The loss of _____ is equal to loss of the whole site as a cultural resource – its entire DNA is altered.
- 10) Few series arrive with the _____ of Aaron Sorkin's HBO drama.

6) **Translate the sentences from Russian into English using words and expressions from the Vocabulary section. You can use their derivatives:**

- 1) В последние годы в России мы видим рост числа **неправительственных организаций**.
- 2) Целью кампании было изменить **общественное мнение** по вопросу курения в общественных местах.
- 3) Руководитель компании не должен всё делать в одиночку, он должен уметь **распределять полномочия**.

- 4) Не стоит поднимать из-за этого **шумиху**. С твоей стороны это всего лишь **предположение**.
- 5) Несмотря на интересную тему доклада, он был настолько длинным, что **аудитория** начала засыпать.
- 6) Если люди видят, что расходы фонда вполне **прозрачны**, они больше ему доверяют.
- 7) Зачастую очень сложно **оценить** эффективность проведённой пиар кампании.
- 8) Авторы рекламных роликов Burger King часто **подтрунивают** над конкурентами.
- 9) После обвинений СМИ репутация сенатора была настолько запятнана, что **обелить** её уже было невозможно.
- 10) Работа в этой компании влечёт за собой так много **обязательств**, что многие не справляются с этим грузом.

7) Can you explain the following?

«How is the general public responding to today's news events? What's the best way to get our message out to the general public? Can we engage the general public on this issue? The first two questions are nearly impossible to answer, and the answer to the third question is probably «no».

8) Agree or disagree:

Студентам предлагается использовать определённые разговорные выражения:

1. Some people describe public relations as the conscience of an organization. Do you think that is a good way to describe public relations?
2. Ethical public relations practitioners can work with a cleaner conscience, but they also can work with a clearer sense of how to handle difficult situations with reporters, clients, colleagues and various publics.

9) Try to give the main idea of the text in one sentence.

10) Render the following item in English:

Для детального пересказа студентам предлагается текст из книги одного из отцов основателей современных связей с общественностью Сэма Блэка (Sam Black). Студенты выполняют данное упражнение в качестве домашнего задания.

Заключение

Опыт использования вышеупомянутого учебного пособия на протяжении последних четырёх лет приводит нас к **выводам**, что представленная модель учебника ESP кажется достаточно эффективным средством способствовать языковому и профессиональному развитию студентов - международных. В то же время, как известно, ни один учебник не идеален и ни одна книга не может достичь всех поставленных целей. Учебник «Public Relations. Учебное пособие по английскому языку» определено можно улучшить.

Перспективы дальнейшего исследования

Материал упомянутого учебника может быть расширен за счёт онлайн-модуля и стать частью комбинированного учебного курса по обучению связям с общественностью. Кроме того, дальнейшее закрепление учебного материала может быть достигнуто за счёт создания нескольких повторных разделов с упражнениями, основанными на активной лексике предыдущих нескольких разделов. Использование прослушивания аутентичных аудио- и видеоматериалов по профессиональным темам, затронутым в книге ESP, также может сделать учебный курс ещё более полезным для студентов.

Список литературы

1. Архангельский С. И. Лекции по теории обучения в высшей школе. М.: Высшая школа, 1974. 384 с.
2. Тычинский А.А. "Public Relations" /А.А. Тычинский, Т.А. Ивушкина, М.М. Конколь и др. Учебное пособие по английскому языку. Уровни B2 – C1 / Москва, 2018.
3. Arnó-Macià, E. & M. Aguilar-Pérez, M. & Tatzl, D. "Engineering students' perceptions of the role of ESP courses in internationalized universities," *English for Specific Purposes*, vol. 58, pp. 58–74, 2020, doi: 10.1016/j.esp.2019.12.001
4. Dudley-Evans T., M. J. St John, and M. J. Saint John, *Developments in English for specific purposes: A multi-disciplinary approach*. Cambridge University Press, 1998.
5. Karimnia, A and Jafari, F.M. "Critical ESP Textbook Evaluation: The Case of Visual Arts Textbook," *Sustainable Multilingualism*, vol. 11, no. 1, pp. 219–236, Nov. 2017, doi: 10.1515/sm- 2017-0020.
6. Kazar S. G. and E. Mede, "The perceptions of ESP students' target needs: a case study," *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, vol. 191, pp. 2526–2530, 2015.
7. Kelleher Tom, *Public Relations*. Oxford University Press, 1-st edition, 2018.
8. Lu Y.-L, "What do nurses say about their English language needs for patient care and their ESP coursework: The case of Taiwanese nurses," *English for Specific Purposes*, vol. 50, pp. 116–129, 2018.
9. Offord-Gray, C. & Aldred, D. "A Principled Approach to ESP Course Design.," *Hong Kong Journal of Applied Linguistics*, vol. 3, no. 1, pp. 77–86, 1998.
10. Trinder R., "Business students' beliefs about language learning in a university context," *English for Specific Purposes*, vol. 32, no. 1, pp. 1–11, 2013.
11. Tumskiy S., Tkachenok K., "Creation of an ESP textbook for an international university: issues and solutions," *Proceedings of INTED 2020 Conference* , 2-nd - 4-th March, Valencia, Spain, pp. 5996 -6001, 2020.

References

1. Arkhangelsky, S. I. *Lectures on the theory of education in higher education*. Moscow: Higher school, 1974. 384 p.
2. Tychinsky, A.A., Ivushkina, T.A., Konkol, et al. *Public relations. Textbook for English*. Levels B2 – C1 / Moscow, 2018.
3. Arnó-Macià, E. & M. Aguilar-Pérez, M. & Tatzl, D. "Engineering students' perceptions of the role of ESP courses in internationalized universities," *English for Specific Purposes*, vol. 58, pp. 58–74, 2020, doi: 10.1016/j.esp.2019.12.001
4. Dudley-Evans T., M. J. St John, and M. J. Saint John, *Developments in English for specific purposes: A multi-disciplinary approach*. Cambridge University Press, 1998.
5. Karimnia, A & Jafari, F.M. "Critical ESP Textbook Evaluation: The Case of Visual Arts Textbook," *Sustainable Multilingualism*, vol. 11, no. 1, pp. 219–236, Nov. 2017, doi: 10.1515/sm- 2017-0020.
6. Kazar, S. G. and E. Mede, "The perceptions of ESP students' target needs: a case study," *Procedia-Social and Behavioral Sciences*, vol. 191, pp. 2526–2530, 2015.
7. Kelleher, T., *Public Relations*. Oxford University Press, 1-st edition, 2018.
8. Lu, Y.-L, "What do nurses say about their English language needs for patient care and their ESP coursework: The case of Taiwanese nurses," *English for Specific Purposes*, vol. 50, pp. 116–129, 2018.
9. Offord-Gray, C. & Aldred, D. "A Principled Approach to ESP Course Design," *Hong Kong Journal of Applied Linguistics*, vol. 3, no. 1, pp. 77–86, 1998.
10. Trinder, R., "Business students' beliefs about language learning in a university context," *English for Specific Purposes*, vol. 32, no. 1, pp. 1–11, 2013.
11. Tumskiy, S., Tkachenok, K., "Creation of an ESP textbook for an international university: issues and solutions," *Proceedings of INTED 2020 Conference*, 2-nd - 4-th March, Valencia, Spain, pp. 5996 -6001, 2020.

Сведения об авторе:

Тычинский Алексей Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: ономастика, учебная лексикография, лингвострановедение, английский язык для делового общения, современные техники в преподавании иностранных языков, интенсивные методики и коммуникативные подходы в обучении иностранным языкам. E-mail: tichinsky@yandex.ru

About the author:

Alexey A. Tychinsky, PhD, is Associate Professor at Department of English № 3, MGIMO-University (Russia, Moscow). Sphere of academic and professional interests: onomastics, educational lexicography, linguistic and cultural studies, English for business communication, modern techniques in teaching foreign languages, intensive methods and communicative approaches in teaching foreign languages. E-mail: tichinsky@yandex.ru

* * *

CONCEPTS OF *LABOUR* AND *CONDUCT* IN PROVERBS: A COMPARATIVE STUDY

Yu. I. Dzyadyk, I. Csajbok-Twerefou

University of Ghana,
P. O. Box LG 207, Accra, Ghana

Abstract. Languages change with time. As a result, new structures appear, and new approaches are developed in them. Language is a link in decoding forms of cognition between the past and the present – and the role of proverbs here is really significant. In every language, proverbs carry the colour of the era. They are directly related to folk traditions and help to preserve history, culture, and the mentality of society. Phraseological units such as proverbs differ across cultures, although similar forms can sometimes be found in various sociocultural contexts. Likewise, the system of conduct rules is expected to be different from society to society, since the values of people of each individual national group are determined by their traditions and culture. The present article is based on a comparative analysis of proverbs in the Russian, Ukrainian and Hungarian languages. Proverbs that describe labour principles and rules of conduct in everyday social life were selected from (bilingual) dictionaries and the Internet resources with the aim of identifying the main similarities and differences between Russian, Ukrainian and Hungarian societies. A few proverbs regarding leisure time and friendly relations were also analysed as linking subtopics to the concepts of labour and conduct. Some proverbs containing an animal-element that are used to describe humans' behaviour also appear in the present work. The study shows that the national and cultural components of proverbs depict physical activity and other realities of communities, but proverbs might have their own national colouring and moral content. In our study, proverbs are viewed as statements that are often rhymed, usually have two parts, and express a complete thought. The present paper is of practical importance as the research results can be applied for theoretical courses in comparative linguistics, especially in courses on the study of proverbs.

Keywords: saying, phraseological unit, paremiology, statement, folklore, language

For citation: Dzyadyk, Yu. I. Csajbok-Twerefou, I. (2023). Concepts of *Labour* and *Conduct* in proverbs: a comparative study. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 53–69. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-53-69>

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТОВ ТРУД И ПОВЕДЕНИЕ В ПОСЛОВИЦАХ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ ПОДХОД

Ю.И. Дзядык, И. Чайбок-Тверефу

Университет Ганы,
Почтовый ящик LG 207, г. Аккра, Гана

Аннотация. Время меняет языки – в них появляются новые структуры, развиваются новые подходы. Язык является звеном раскодирования форм познания как в прошлом, так и в настоящем – и пословицы в этом занимают особое место. Тема нашего исследования всегда актуальна, так как в каждом языке пословицы несут окраску эпохи, они связаны напрямую с народными традициями и помогают сохранить историю, культуру и менталитет общества. Такие фразеологические единицы, как пословицы, культурно специфичны, хотя аналогичные варианты можно найти в разных социокультурных контекстах. Культурно специфична и система правил приемлемого поведения, поскольку ценности языкового этикета каждой отдельной национальной группы определяются традициями и культурой её народа.

Статья посвящена сопоставительному анализу пословиц в русском, украинском и венгерском языках. В качестве объекта исследования выбраны пословичные единицы, которые описывают труд и правила поведения в обществе. Отбор единиц проводился с помощью метода сплошной выборки из (двуязычных) словарей и интернет-ресурсов. Цель исследования заключается в выявлении основных сходств и различий пословиц в русском, украинском и венгерском языках. Показано, что национально-культурные компоненты пословиц описывают физическую активность или реалии общества. В статье описаны сходства и различия между пословицами в русском, украинском и венгерском языках. Пословицы, относящиеся к досугу и дружбе, также были проанализированы в работе в качестве подтем к концептам труда и поведения. Некоторые пословицы, включающие в себя элемент животных для описания поведения людей, находятся в поле исследовательского внимания. В работе утверждается, что каждая пословица имеет свой национальный колорит и нравственное содержание. Обычно пословицы состоят из двух частей, часто содержат рифму и выражают законченную мысль. Практическая ценность данного исследования определяется возможностью использования полученных результатов в теоретических курсах по сопоставительному языкознанию, при чтении и разработке спецкурсов по паремиологии.

Ключевые слова: поговорка, фразеологическая единица, паремиология, выражение, фольклор, язык

Для цитирования: Дзядык Ю.И., Чайбок-Тверефу И. (2023). Функционирование концептов *труд и поведение* в пословицах: сопоставительный подход. *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 53–69. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-53-69>

1. Introduction

Modern societies are changing rapidly. In order to interact with foreign cultures, people from different countries need to adapt to these changes. Nowadays, in linguistics much attention is paid to the interaction between language and culture. Since culture is a form of consciousness that reflects the view of humans, while language is the channel for interaction between people that belong

to different cultures and are of different cultural backgrounds, it serves as a means of accumulation and storage of information. Proverbs have been, are and will always be timeless [56], [40].

Phraseological units of each language play a significant role: they express realities in a more vivid way, giving colours to the language. As such, phraseology is considered to be one of the specific features of every language, since it is a bearer of information about the culture and historical development of nations, possess a plethora of valuable moral and pedagogical insights [48, p. 24–26].

This study focuses on phraseological units in the Russian, Ukrainian and Hungarian languages in terms of linguistic and cultural points of view, i.e. it states how proverbs could be used to make the conversation more expressive and colourful. The objective of the study is to reveal the reflection of the concepts *labour* and *rules of conduct* in proverbs of the cultures under consideration, since labour is an integral part of the life of human beings, while moral values, i.e. rules of conduct, are an integral part of the Russian, Ukrainian and Hungarian societies. We have not found works in the field of comparative analysis of proverbs in two Slavic and one non-Slavic languages, thus, the novelty of the work lies in the fact that this study was carried out for the first time.

To be able to achieve the above objective, proverbs are classified in accordance with the topics they denote and compared in the three languages (Russian and Ukrainian as Slavic languages with Hungarian as a non-Slavic language). Various Russian and Ukrainian proverbs have been selected for this research by the authors from collections of Dal' [9], Mokienko [17] and Kuz'min [13] (Russian proverbs), Iogansen [29], Belen'kova [5], Nomys [31] (Ukrainian equivalents). Other proverbs and the English versions were taken from the web resources. The Hungarian proverbs are from collections of O. Nagy [50], Paczolay [52] and Bárdosi [37].

Considering a comprehensive research methodology, the study is based on comparative and descriptive methods, as well as contextual analysis of phraseological units [51]. Using the examples, the Russian original proverbs in italics are presented (marked RUS) with their transliteration in square brackets [], and translation into English is used in round brackets (). If a particular proverb has its equivalent in English, then both literal translation (Lit.) or/and its equivalent(s) is/are provided. They are separated by the lexeme 'OR'. If Ukrainian equivalents are mentioned, they appear in italics (marked UKR), followed by the transliteration in square brackets [], and translation is presented in round brackets (). Ukrainian equivalents are not given in case they have not been found in the Ukrainian language. Finally, the Hungarian versions, if found, are used in italics (marked HUN) with their literal translation in round brackets (). The proverbs under analysis that have equivalents in two or three languages are numbered (1 – 38).

The paper is made up of five sections: Introduction; Proverbs: theoretical approaches; Origin and meaning of proverbs: existing challenges; Discussion and Summary, followed by the bibliography. The Discussion is based on the analysis of the selected proverbs. The article concludes that full/partial similarities exist in the use of proverbs in the three studied cultures, while at the same time some of the Russian proverbs do not have their equivalents either in Ukrainian or Hungarian languages. In the process of investigation, areas for further studies were identified.

2. Proverbs: theoretical approaches

At the modern stage of the development of linguistic disciplines, attention is paid not only to the perfect command of a (foreign) language, but also to the knowledge of the culture of its native speakers and mentality of that ethnic group. In this aspect, phraseology, a unique area of a language that represents cultural and historical wealth of every nation, is of great interest. Phraseology, as the study of fixed expressions, such as idioms, phrasal words, sayings – appeared in the 60s of the twentieth century. The idea was originated by A. Kunin, a Soviet linguist, who defined a phraseological unit as “a stable combination of words with a fully or partially figurative meaning” [14, p. 210].

At the beginning, looking at the modern history of proverbs study, only a few works were dedicated to the research of phraseological units. During the second half of the 20th century, however, there was a surge of interest in proverbs. Among the researchers were: V. P. Anikin [3], V. A. Arkhangel'skii [4], Iu. I. Levin [15], V. M. Mokienko [17], G. L. Permiakov [18] and others. According to E. V. Ivanova [45,

р. 876], “in the 20th century proverbs were analysed from the aspect of structural linguistics, semiotics, onomasiology, semantics and pragmatics. At the turn of the 21st century, the shift of the research paradigm resulted in the studies based on cognitive and cultural linguistics.” The following scholars contributed to the further study of proverbs: N. F. Alefirenko [1], L. B. Savenkova [21], D. O. Dobrovolskij [39], M. Iu. Kotova [12], O. V. Lomakina [16], E. I. Seliverstova [22], N. N. Semenenko [23], Iu. V. Bodrova [6]. In general, proverbs are studied from the perspective of linguistics, folklore, sociolinguistics, anthropological linguistics, (feminist) critical discourse analysis, politics, communication studies [46].

Proverbs are simple and concrete sayings popularly known and repeated, which express a truth, based on common sense or the practical experience of humanity. They are traditional sayings which offer advice or present a moral in a short and pithy manner [57, p. ix]. Proverbs are often metaphorical. Proverbs that describe a basic rule of conduct may also be known as maxims. D. N. Ushakov defines a proverb as a saying that has a short style and figurativeness. In its form it is rhythmic and has edification [26]. From S.I. Ozhegov’s point of view, a proverb is a short folk saying with instructive content. The author also calls it a folk aphorism [25]. A quite complex description is offered in the explanatory dictionary of V. I. Dal’: a proverb is understood as a short saying, a morale, more in the form of a parable, allegory, or in the form of a life sentence. Author emphasizes that this is an individual language, folk speech, which is not composed, but is born by itself. He calls it a walking mind of people [24].

Proverbs as phraseological units are studied in the sub-discipline of phraseology – paremiology (from the Greek word ‘paroimía’, “proverb”) dated back as far as Aristotle, and the person who is interested in the study of proverbs is called a paremiologist (a proverb scholar) [42]. Russian paremiology has always aimed at studying both the typological characteristics of proverbs and specific features, typical of a certain language. Therefore, paremiology is the discipline that studies proverbs from the perspectives of folklore or literature. Even though its history goes back to the ancient times and has a longer history than phraseology, we consider paremiology part of phraseology [53], [44].

It is necessary to emphasise that proverbs are often mixed up with sayings. While searching for specific information, one comes across synonymous usage of both terms. This mix-up could be possible because of their common origin and characteristics they have when functioning in the context. Both proverbs and sayings originate from folklore and they add a specific stylistic colouring to the speech. They have semantic completeness, too. However, a differentiation can be made between them. Anikin [2, p. 45] noted that Russians clearly express the difference between proverbs and sayings in the following proverb: *Поговорка – цветочек, а пословица – ягодка* [Pogovorka – tsvetochek, a posloviца – jagodka] (RUS) (Lit. – A saying is a flower, but a proverb is a fruit) [17, p. 673], stating that a saying is something incomplete, it is just a start of something, and has only a hint of a judgment.

Proverbs are complete statements that have the subject and the predicate within their structure. Sayings, in most cases, are not complete. *Sayings* can often be replaced with one word, while proverbs need longer explanation. Sayings usually appear as comments, while proverbs represent complete thoughts. Generally, some proverbs rhyme, they have rhythm, and they contain some morals. On the other hand, sayings are mere statements that express universal values, and mostly cannot be used independently.

3. Origin and meaning of proverbs: existing challenges

Proverbs follow social and economic changes. They also reflect a nation’s history, though some proverbs are found not only in one language. Similar proverbs can be traced in different languages, while for some it would be difficult to find corresponding proverbs in another language. As O. Nagy noted [50], at times it is obvious that a particular proverb emerged in a particular place. In other cases, however, it may be challenging to prove the origin of a proverb, which appears in many languages. Again, sometimes one may argue that the proverb was translated from one language into another, though the same beliefs, views, objects could exist in many different languages at the same time.

Phraseology having an interdisciplinary nature relates to folklore and history of culture, too [55]. Folklorists are interested in the content of proverbs and their differences from culture to culture. Many proverbs contain lexical units that describe old measurements, unknown professions, out-dated weapons,

plants, animals, and names. It is often not clear what is meant by certain words in a proverb, even though the meaning can be worked out. Cultural historians and folklorists provide answers to these questions.

We agree with Mieder who states that “folklorists, cultural historians and philologists have occupied themselves for a long time with tracing the origin, history and meaning of individual proverbs and their variants” [49, p. 21]. As an example, we can analyse the proverb (1) *Язык до Киева доведёт (и до кия)*. [Iazyk do Kieva dovedet (i do kiia)]. (RUS). (Lit. – Your tongue can take you to Kyiv (and get a whip)). / *Язык до Києва доведе (а інді й до кия)*. [Iazyk do Kyieva dovede (a inodi i do kyia)]. (UKR). (Lit. – Your tongue can take you to Kyiv (and get a whip)) [29, p. 57]. Currently, it means that one should ask people, if (s)he does not know how to reach his/her destination. In Hungarian, the same meaning was used, but these days it is considered to be archaic: *Százán ember messi elmehet*. (HUN). (Lit. – One can go far by his or her mouth) [41, 6997]. The story behind the above Russian and Ukrainian proverb can take us several centuries back in our history. Originally, in this proverb the city of Constantinople (founded in 324-330 AD, the capital city of the eastern part of the Roman, afterwards the Byzantine Empire) was used. In accordance with the Russian/Ukrainian version, the proverb was connected with Mykyta Shchekomyaka (year of 999) who lived in Kyiv and later got lost in the steppes and was caught by nomads. He started boasting about how rich his country was, so he was tied up to the tail of a horse and brought to the capital city. The lesson is: talking too much, especially to enemies, can cause devastation [27]. On the other hand, there is another explanation for this proverb: Kyiv was one of the most developed trade and religious centres of Europe, and pilgrimage was an integral part of people’s life. Pilgrims arrived from different places without knowing exactly the way to their exact destination, but most of them were able to reach it by asking for directions. Nowadays, the proverb is used when a person gets lost and needs some assistance. The Hungarian proverb cited here refers to this meaning. It does not refer to any Hungarian place, but it emphasizes that it is good ask for help, in case one needs it.

Further analysis of the above proverb shows that the first part can be regarded as a saying while combined with the second one, it brings completeness and proves the fact that too much talk is dangerous and can result in cane beating. An average citizen might have doubts concerning the origin of the proverb, though using it appropriately. Since Kyiv is the name of the city mentioned, it might seem that it is a Ukrainian proverb, but a similar proverb existed before and was borrowed from Greek.

Proverbs were born after thorough observations by several generations, and they reflect the attitude, wisdom, mentality, and morale of various social classes of society at different periods, they reveal culture’s biases, thoughts, and ways of life [54]. O. Nagy argues that proverbs are restricted to some phenomena of life, and they can be grouped as ‘general proverbs’ (they portray human activities or relationship), advice to peasants on agriculture and livestock breeding, weather forecasts, health advice and conventional expressions [50, p. 11]. We agree that “proverbs are used to express the opinion of the interlocutor about certain issues. As they always voice the opinion of the speaker on the world phenomena and its relation to reality in a general form, they are often used to avoid conflict” [50, p.13]. In other words, proverbs reflect politeness in “face-threatening acts” [38] in many situations, since using them, the interlocutor expresses not only his/her own opinion, but the typical and customary judgment of the society.

4. Discussion

For our research, proverbs were selected from the group of ‘general proverbs’ with the emphasis on:

- labour (and pastime associated with it),
- conduct (and friendship as its manifestation that influences social skills).

Sometimes animal-element is used to describe human activities and manners.

Labour is an important feature in the life of Russians, Ukrainians and Hungarians. As such, several proverbs portray it: (2) *Дело мастера боится*. [Delo mastera boitsia]. (Lit. – Work is afraid of a master (good specialist)). (RUS) / *По роботі пізнати майстра*. [Po roboti piznaty maistra.]. (UKR) (Lit. – A master can be recognized by work.) [29, p. 16]. / *A jó munka dicséri a mestert*. (HUN) (Lit. – Good work praises the master) [50, p. 483, m945]. Any work can be fulfilled if a good specialist (a skilful person) does it. The proverb is employed to commend the talent of a person. In this case full coincidence is found. In

all three proverbs words “work” and “master” are used, and they all denote the high-quality work done. The cited Russian proverb is a shortened version that has an ending: *а иной мастер дела боится* [a inoi master dela boitsia]. (Lit. – And another master is afraid of work). Looking at the Russian example, it is clear that workers can be good or bad. The good worker is a master, and he has an opposite – a bad, lazy one, who does not want to work.

The example similarly stresses the importance of (fast) work: (3) *Часом опоздаешь, годом не наверстаешь*. [Chasom opozdaesh', godom ne naverstaesh']. (RUS) (Lit. – You are one hour late but cannot catch the lost things in a year) [17, p. 979]. The Hungarian proverb expresses a very similar thought, and it is appropriate to motivate someone to do his/her work in a very polite way: *Amit ma megtehetsz, ne halaszd holnapra*. (HUN) (Lit. – What you can do today, do not put off till tomorrow) [50, p. 428, m2]. In the Russian proverb, there is a warning, while the Hungarian one simply advises.

The following proverbs add to the previous ones: (4) *Волка ноги кормят*. [Volka nogi kormiat]. (RUS) (Lit. – The wolf is fed by its feet. OR Tethered sheep soon starves. / The dog that trots about finds a bone). / *Затим вовк не лияє, що в кошару часто никає*. [Zatym vovk ne lyniaє, shcho v kosharu chasto nykaє]. (UKR) (Lit. – A wolf does not fade because he often visits a pen [an enclosure for holding livestock]) [5, p. 9]. To earn a living, one must work hard. In these proverbs, a wolf is featured as an example to be followed; when it wants to escape hunters, it uses its legs and runs away, so the legs save its life. The Ukrainian version shows that the wolf comes from a forest to a village to steal some domestic animals. Though the wolf is described as a robber, in this context the animal is appreciated for its desire to survive, as it works hard despite the threat to be caught. In both original versions, legs show encouragement to act fast. These proverbs are employed when one should be encouraged to work faster, and refer to the work that should be done as soon as possible.

The next ones stand in opposition to them, as they refer to the fact that if work is done in a hurry, it may not be good enough. Therefore, a person can make mistakes and they will cause teasing: (5) *Поспешишь – людей насмешить*. [Pospeshish' – liudei nasmeshish']. (RUS) (Lit. – If you are in a hurry, you will make people laugh. / *Зробив наспіх, як насміх*. [Zrobiv naspіh, iak nasmіh]. (UKR) (Lit. – If one has done something in a hurry, (s)he will look funny. OR Haste makes waste) [5, p. 32]. When work is done in a neglected way and in a rush, people will not value it since the quality may not respond to the standard, as it is illustrated in the Hungarian proverb: *Hamar munka ritkán jó*. (HUN) (Lit. – Quick work is seldom good) [50, p. 463, m952]. So, if someone thinks that some work was done not in accordance with the expected quality, the above proverbs may be used to express disappointment to avoid harsh words. Therefore, the element of humour is used in the Russian and Ukrainian proverbs, while the Hungarian one is a serious statement.

Sometimes proverbs call for patience, thorough and diligent work. One does not have to be in a hurry, but it is necessary to do all things properly: (6) *Терпение и труд всё перетрут*. [Terpenie i trud vs'ò peretrut]. (RUS) (Lit. – Patience and labour will cope with everything. OR Little strokes fell great oaks (perseverance wins) [17, p. 904]. / *Türelem rózsát terem*. (HUN) (Lit. – Patience yields a rose. OR Patience is a virtue) [50, p. 659, t838]. Being persistent and patient will assist everyone to cope with difficulties. The proverbs encourage one not to give up and it shows the fruit of hard work. In the Hungarian proverb, the lexeme “rose” is associated with hard work (thorns on the stem) and its achievement (the flower).

These proverbs carry a message close to the previous one: (7) *Без труда не вынешь и рыбку из пруда*. [Bez truda ne vynesh' i rybku iz pruda]. (RUS) / *Без труда нема плода*. [Bez truda nema ploda]. (UKR) (Lit. – Without work one cannot catch even a fish from the lake. OR No pains, no gains) [5, p. 6]. The Hungarian *Nem repül a sült galamb az ember szájába*. (HUN) (Lit. – The fried dove will not fly into one's mouth) articulates the same idea [50, p. 215, g20]. Interestingly, in both proverbs, an animal – fish and dove – are used as a (future) food item to encourage others to work. If one wants to eat, (s)he must endeavour to go hunting or fishing (i.e., work).

To continue with inspiration, some proverbs focus on courage: (8) *Волков бояться – в лес не ходить*. [Volkov boia'sia – v les ne hodyt']. (RUS) (Lit. – If you fear of wolves, do not go to the forest). / *Вовка (вовків) бояться – в ліс не ходити*. [Vovka (vovkiv) boiatys' – v lis ne hodyty]. (UKR) (Lit. – If you fear of wolves, do not go to the forest. OR Nothing venture, nothing have) [29, p. 11]. While one criticizes a

person who is afraid of difficulties or dangerous consequences in life, also, in a polite manner, motivates him/her to change the attitude and to be more active. The Russian and Ukrainian proverbs are identical. The Hungarian version, however, expresses the same meaning in a straightforward message without referring to any animal: *Bátraké a szerencse*. (HUN) (Lit. – Fortune favours the brave ones) [50, p. 67, b404]. When one starts working, no matter how difficult the work is, it is a shame to stop in the middle of the process.

The following proverbs are of use not to laugh at someone in a rude manner: leather loops as a part of a harness are mentioned in a Russian proverb; in order to fasten a horse to a cart by means of a set of fittings, much strength was needed: (9) *Взялся за гуж – не говори, что не дюж*. [Vziatsia za guzh – ne govori, chto ne diuzh]. (RUS) (Lit. – When you took up the tug – do not say that you are not hefty.) / *Пішов на бію – міцно стій* [30, p. 161]. [Pishov na bi – mitsno stii]. (UKR) (Lit. – When you went to battle – stand firm). *Ha elhúztat az ölet, húzd el az araszt is*. (HUN) (Lit. – If you've pulled the lap, pull the rope too.) [50, p. 504, ö90]. There is no lexical coincidence, even though the semantics of the proverbs is identical. All the above proverbs express that if one has started doing something or has already done a major part of the work, (s)he should complete it. In the three studied languages the completeness of work is looked upon.

Work is not always rewarded. It can happen that serving others, a person can experience an unpleasant feeling when an assistance will be taken for granted: (10) *За свой труд он попал в хомут*. [Za svoi trud on popal v homut]. (RUS) (Lit. – For his work, he fell into the yoke). / *За моє жито, мене й бито*. / *За моє добро, ще мене в ребро* [33]. [Za moe zhyto, mene i byto. / Za moe dobro, shche mene v rebro]. (UKR) (Lit. – I am beaten for my rye. / I am beaten on a rib for my good things) [20, p. 20]. / *Jóttett helyébe jót ne várj!* (HUN) (Lit. – Do not expect anything good for your good actions) [50, p. 300, j166]. Interestingly, the Hungarian proverb with slight modification can be used to deliver the opposite meaning: *Jóttett helyébe jót várj!* (HUN) (Lit. – Expect something good for your good actions) [50, p. 300, j167].

Other proverbs can be applied to lazy people that always postpone or delay work: (11) *Дело не медведь (не волк), в лес не уйдёт (не убежит)*. [Delo ne medved' (ne volk), – v les ne uyd'ot (ne ubezhit)]. (RUS) (Lit. – Work is not a bear (wolf); it will not go (run) away to the forest). / *Робота не вовк – у ліс не втече* [36]. / *Гуляй, тату – завтра свято*. [Robota ne vovk – v lis ne vteche. / Huliai, tatu – zavtra sviato]. (UKR) (Lit. – Work is not a wolf – it will not run away to the forest. / Daddy, dance – it will be holiday tomorrow) [29, p. 16]. *Holnap is nap lesz*. (HUN) (Lit. – Tomorrow will be another day.) [50, p. 271, h833]. The first examples of the Russian and Ukrainian proverbs contain animal elements (bear and wolf). In the Hungarian version no animals are portrayed. The second Ukrainian proverb conveys a synonymous meaning that denotes an acceptable delay of work. It is rendered by the lexeme “holiday”, while the Hungarian version refers to “another day” – also referring to the acceptable delay: “Let's leave some for tomorrow!” This may mean: “Let's finish the work for today” OR “Don't eat everything today, let's leave it for the next day”. The Hungarian example indicates that some proverbs have several meanings, and as such, they can be used in different situations.

In recent days, social media do not only translate and transfer news, but also through advertisements interfere with the habits of people. Looking at the following proverbs, one can realize that temptation to do this or that also played its role in the pre-existing family life: (12) *Сегодня гуляшки, завтра гуляшки, находишься без рубашки*. [Segodnia guliashki, zavtra guliashki, nahodishsia bez rubashki]. (RUS) (Lit. – Today parties, tomorrow parties and you will be left without a shirt) [17, p. 230]. / *Több nap, mint kolbász*. (HUN) (Lit. – You cannot eat sausage every day). [50, p. 471, n165]. These proverbs teach us to be moderate and not extravagant in our lives because we never know what tomorrow will bring. The pragmatics of the Russian word “party” and the Hungarian “sausage” coincides. They do not denote necessities, but rather something we can do without. Working and earning does not mean that the income shall be spent. Besides, one does not need many things to maintain his/her life and should think of the future. They are used in the situations, where there is too much demand and expenses; those should be reduced in the interest of a prosperous future life.

Even though there is time for entertainment, it is advisable to organise your pastime well: (13) *Делу время, потехе час*. [Delu vremia, potehe chas]. (RUS) (Lit. – There is time for work and time for fun). / *Коли почав орати, так у сопилку не грати*. [Koly pochav oraty, tak u sopilku ne hraty]. (UKR) (Lit. – When you have started ploughing, there is no time to play the flute) [29, p. 16]. / *Mindennek meg van a maga ideje*. (HUN) (Lit. – Everything has its own time) [50, p. 279, i53]. It teaches us not to spend time on unnecessary things. More likely, these proverbs appeared in the time, when there was a lot of physical work to be done. E.g., if one does not sow in time, (s)he will not reap the harvest, and will remain hungry. Or, if one does not have firewood, (s)he will freeze in winter. Thus, it was necessary to clearly limit the time for entertainment. Also, in both Russian and Hungarian proverbs the lexeme “time” occurs, while in the Ukrainian proverb the same meaning is conveyed by means of other words.

Leisure time is often associated with drinking, since moderate drinking is not forbidden: (14) *Вино пей, а дело разумей*. [Vino pei, a delo razumei]. (RUS) (Lit. – Drink wine but be sober about your work). / *Пий винце, та знай дільце*. [Pii vyntse, ta znai dil'tse]. (UKR) (Lit. – Drink wine but be sober about your work) [29, p. 10]. / *Ahol (a) bor az úr, ott az ész koldulni jár*. (HUN) (Lit. – Where wine is the lord, the common sense shall beg) [50, p. 88, b1001]. In Mediterranean countries, it is a tradition to serve wine during daily meals. In modern Russia/Ukraine/Hungary, wine can be used when people meet each other for some chat and to have a pleasant time in a restaurant. That is why the Russian and Ukrainian proverbs advise to drink with a responsible mind. If a person must do something, (s)he should not forget about it and after drinking any work must be fulfilled. The Hungarian proverb, however, contains a stronger warning, and in this case it does not advise to drink at all. But this proverb can be applied to other stronger drinks and warns about the abuse of alcohol drinks. Interestingly, something similar is reflected in the regulation for drivers. While in Hungary and Ukraine it is absolutely forbidden to drive after drinking alcohol, in Russia a small amount is permitted. Even though the pragmatics of the Ukrainian proverb is based on a more loyal attitude to drinking, the laws are very strict.

Conduct is expressed through expected manners, communication rules and an assumed link to appearance. In every culture, proverbs offer guides to follow [43, p. 32].

It is important to respect traditions of the hosts while one is at someone's place. Therefore, proverbs were created to give instructions how to behave being a guest: (15) *В чужом доме не будь приметлив, а будь приветлив*. [V chuzhom dome ne bud' primetliv, a bud' privetliv]. (RUS) (Lit. – Do not be noticeable but polite in someone's house) [9, p. 8]. / *В чужій хаті будь привітним, а не примітним*. [V chuzhii hati bud' pryvitnym, a ne prymitnym]. (UKR) (Lit. – Do not be noticeable but polite in someone's house) [34]. These two proverbs are completely the same in the Russian and Ukrainian languages. As there is no Hungarian equivalent, it may indicate that in Hungary the guest may have more “rights” than in other countries under analysis.

Similarly: (16) *В чужой монастырь со своим уставом не ходят*. [V chuzhoi monastyr' so svoim ustavom ne hodiāt]. (RUS) (Lit. – You cannot come to another monastery with your own code) [7, ЧУЖОЙ]. / *В чужий монастир з своїм уставом не лізь*. [V chuzhij monastyr z svojim ustavom ne liz']. (UKR) (Lit. – You cannot come to another monastery with your own code) [31, p. 429]. / *Ahány ház, annyi szokás*. (HUN) (Lit. – As many houses, so many customs (rules) [35, p. h497]. OR *When in Rome, do as the Romans do* [47, p. 458]. Again, the two Slavic proverbs are similar, while in the Hungarian tradition there is not such a proverb. There is one proverb that could somehow be considered close to them in the meaning, but it rather says that one should not be surprised finding a different custom in a different place, as customs may vary from community to community.

Another aspect of the conduct is the use of generally accepted communicative rules, i.e. language etiquette. Proverbs set rules for a conversation, as one needs to have answers to all kinds of greetings: (17) *Каков привет, таков (и) ответ*. [Kakov privet, takov(i) otvet]. (RUS) (Lit. – As one greets, so one's greeting will be returned) [17, p. 826]. / *Як стукне, так і гукне*. [Jak stukne, tak i hukne]. (UKR) (Lit. – As the beat, so the sound) [31, p. 329]. / *Amilyen az adjonisten, olyan a fogadjisten*. (HUN) (Lit. – As one greets, so one's greeting will be returned) [50, p. a88]. OR *What comes around goes around* [47, p. 487]. There are similar expressions in Hungarian: *Amilyen a kérdés, olyan a felelet*. (Lit. – As the question is, so is the answer.) [50, p. 330, k747]. These proverbs might have a negative connotation as well. When

one is offended, (s)he might ‘pay back’ in the same way, politely explaining his/her unexpected conduct. In both Russian and Hungarian proverbs “greetings” are used to refer to the initial behaviour of the (an) interlocutor. The Russian version uses “reply” to a question while the Hungarian one refers to “reply” of the greeting in the second part. According to the proverbs, both societies advise to be kind, nice, helpful etc., if someone expects the same attitude in return.

Too much talk has always been criticized in the society, as people may have a negative impression of a someone who talks too much. In order to avoid offending someone, these proverbs can be deployed to make people stop their endless and meaningless talk: (18) *Лишнее говорить – себе вредить*. [Lishnee govorit’ – sebe vredit’]. (RUS) (Lit. – Much talk does harm) [9, p. 6]. / *Хто не вмовчив, той наковчив*. [Hto ne vmovchiv, toi nakovchiv]. (UKR) (Lit. – The one who has not been silent, has gotten into a problem) [31, p. 93]. *Rövid beszéd, hosszú kolbász, az a jó*. (HUN) (Lit. – Short talk and long sausage are good) [50, p. 73, b601]. *Sokat beszél, (de) keveset mond*. (HUN) (Lit. – He talks a lot, but he says little) [50, p. 74, b607]. In all the examples “talk” or “silence” are presented: “talk” as a negative, “silence” as a positive element. The Russian and Ukrainian units contain warnings: “harm” and “problem”, while the Hungarian represent rather sarcastic statements. It is interesting to note that in the Hungarian language there is a proverb that depicts the same message, but it is rather used to offend the interlocutor: *Sok beszédnek sok az alja*. (HUN) (Lit. – Much talk causes much waste) [50, p. 73, b602]. OR *Least said, soonest mended* [47, p. 489].

The importance of such qualities as patience, loyalty, and respect can be traced in proverbs that highlight ethical standards of human behaviour, such as the necessity to listen to a speaker sometimes with the aim to acquire new knowledge: (19) *Язык – один, уха два, раз скажи, два раза послушай*. [Iazyk – odin, uha dva, raz skazhi, dva raza poslushai]. (RUS) (Lit. – There is one tongue but two ears, say once but listen twice. OR You can say once but you need to listen twice) [11]. In Hungarian there is a proverb, which carries a similar message: *Sokat hallj (láss), de keveset szólj!* (HUN) (Lit. – Listen (or watch) a lot but say a little) [50, p. 247, h177]. In both proverbs the same “say” and “listen” are used. The Russian proverb can be considered more demonstrative, as it refers to the appearance of people. In the two proverbs, the importance of learning through listening is emphasized.

Other proverbs also teach that one needs to listen first, and then talk: (20) *Если говоришь, что думаешь, так думай, что говоришь*. [Eshli govorish’, chto думаesh’, tak dumai, chto govorish’]. (RUS) (Lit. – If you talk what you think, then think what you talk) [8]. *Előbb járjon az eszed, azután a nyelved*. (HUN) (Lit. – Let your mind go first, then your tongue) [50, p. 169, e729]. These proverbs express the same idea by means of similar thoughts. We use our *tongue to talk* and use our *brain to think*.

Likewise: (21) *Хорошо говоришь, да было бы что слушать*. [Horosho govorish’, da bylo by chto slushat’]. (RUS) (Lit. – You talk well, but nothing to listen to) [17, p. 183]. *Sokat beszél, (de) keveset mond*. (HUN) (Lit. – (S)he talks a lot, (but) says little.) [50, p. 74, b607]. These proverbs call for talk if there is the need to say something. They are quite similar in the expression of the advice: “talk” with a positive adjective (“well” and “a lot”) with a negative continuation: “nothing” and “little”.

Also, if one does not know what to say and any statement can cause a quarrel or misunderstanding, it is better to be silent: (22) *Ешь пирог с грибами, а язык держи за зубами*. [Esh’ pirog s gribami, a iazyk derzhi za zubami]. (RUS) (Lit. – Eat mushroom pie but keep your tongue behind teeth) [9, p. 7]. / *Їж борщ з грибами, держи язик за зубами*. [Iizh borshch z hrybami, derzhy iazyk za zubamy]. (UKR) (Lit. – Eat beetroot soup, keep your tongue behind teeth) [31, p. 92]. / *Sokat hallj, de keveset szólj!* (HUN) (Lit. – Listen a lot, talk a little) [50, p. h179]. OR *Hear much, speak little*. The Russian and Ukrainian examples are quite similar, but they have mentioned different food items. It indicates that the beetroot soup has its national colour in Ukraine. In the Hungarian version, only the meaning is similar, but the lexemes used are different.

The proverbs below are very close to the above ones as they encourage one to be quiet rather than say something unnecessary: (23) *Не стыдно молчать, когда нечего сказать*. [Ne stydno molchat’, kogda nechego skazat’]. (RUS) (Lit. – It is not a shame to be silent, if there is nothing to say) [9, p. 6]. / *Не соромно мовчати, як нічого сказати*. [Ne soromno movchaty, iak nichoho skazaty]. (UKR) (Lit. – It

is not a shame to be silent, if there is nothing to say) [32, p. 52]. / *Ha hallgattál volna, bölcsebb maradtál volna.* (HUN) (Lit. – If you had kept quiet, you would have been wiser) [37, p. 397]. It should be noted that the use of these proverbs could be slightly offensive, but still, it is used to correct people's needless comments. In all, the lexeme “to be silent” is used in the first part of the proverb. The second part is the same in the Russian and Ukrainian ones – “nothing to say”, while the Hungarian proverb refers to one's intellect “to be wiser”. The following proverbs express the same idea: (24) *Кстати промолчать, что большое слово сказать.* [Kstati promolchat', chto bol'shoe slovo skazat']. (RUS) (Lit. – To be silent at the right time is the same as to say a big word) [9, p. 10]. / *“Hallgass” olyan dolog, kiben sok jó forog.* (HUN) (Lit. – “Listening” is someone, who can spin many good things) [50, p. h179]. The Hungarian version is archaic, but refers to the same lesson, i.e. to be silent at the right time is the same as to convey an important thing. They are expressed differently, but they carry the same meaning.

The following proverbs emphasize the necessity of a good talk: (25) *Вертит языком, что корова хвостом.* [Vertit iazykom, chto korova hvostom]. (RUS) (Lit. – One moves his/her tongue like a cow moves its tail). / *Пустий млин без вітру меле.* [Pustyi mlyn bez vitru mele]. (UKR) (Lit. – An empty mill is working without wind) [35]. *Jár a nyelve, mint a rokka.* (HUN) (Lit. – His/her tongue moves like a spinning wheel.) [50, p. 554, r217]. In a comic way, the above proverbs describe a chatterbox, which is talking non-stop about nothing serious or important. Uncontrolled movements of a cow's tail, a mill and spinning wheel are used to create expressiveness in the proverbs.

Another communicative rule is reflected in the following proverbs: (26) *Не хвали в глаза, не хули за глаза.* [Ne hvali v glaza, ne huli za glaza]. (RUS) (Lit. – Do not praise in the eyes, do not blaspheme behind the eyes) [17, p. 176]. / *Ki nyilván sokat dicsér, alattomban gyaláz.* (HUN) (Lit. – Who obviously praises a lot, underhand will revile) [50, p. 131, d132]. These proverbs are applied when there is a necessity to gently open the eyes of someone to the fact that a person may not be as good as (s)he is trying to portray himself/herself in front of the above mentioned someone.

A person should think about the mode of the conversation. It is not polite to boast and lies can even cause a bad reputation. Though no one can stop people from talking, one must remember that words spoken have a big influence. People can smile but at the same time have unfriendly attitude. The boundaries of usage of the following proverbs go beyond paying visits: (27) *На языке медок, а на сердце ледок.* [Na iazyke medok, a na serdtse ledok]. (RUS) (Lit. – There is honey on the tongue, but ice in the heart) [17, p. 1014]. *Ki nyilván sokat dicsér, alattomban gyaláz.* (HUN) (Lit. – (S)he who praises a lot obviously, underhand insults) [50, p. 131, d132]. These proverbs express similar thoughts with different lexemes. In the Russian version the tasty, hot “honey on the tongue” is contrasted with the “cold heart” as metaphors, while the Hungarian one is a straightforward statement. A person may commend one when addressing, but at the same time, can spread rumours about him/her or even criticize him/her to other people.

To lower someone's self admiration of what (s)he got used to or when an individual overpraises something, the proverbs below may be used: (28) *Всяк кулик своё болото хвалит.* [Vsiak kulik svoe boloto hvalit]. (RUS) (Lit. – Each marsh sandpiper praises its swamp. / Each bird likes its own nest). / *Усяк кулик до свого озера привик.* [Usiak kulyk do svoho ozero pryvyk]. (UKR) (Lit. – Each marsh sandpiper got used to its lake) [29, p. 12]. / *Minden cigány a maga lovát dicséri.* (HUN) (Lit. – Every gypsy praises his horse) [50, p. 105, c86]. The Slavic examples are quite similar: they both use “marsh sandpiper” – against the Hungarian “gypsy” in the first part of the proverb. The second part, however, shows another similarity and difference: the Russian one uses “praises swamp”, the Ukrainian one – “got used to the lake”, while the Hungarian one “praises horse”.

One cannot be always protected from the influence of other people's conversation: (29) *На чужой роток не накинешь платок.* [Na chuzhoi rotok ne nakinesh' platok]. (RUS) (Lit. – You cannot put a handkerchief on another person's mouth). / *Чужий рот не хлів – не зачинити.* [Chyzhyi rot ne hliv – ne zachynyty]. (UKR) (Lit. – Someone's mouth is not a barn – you cannot lock it.) [29, p. 32]. In Hungarian, there is rather a saying that refers to someone's unnecessary talk: *Nem tesz lakatot a szájára.* (HUN) (Lit. – He doesn't put a lock on his mouth) [50, p. 396, l124]. In all versions “mouth” should be closed to make the person stop talking. In the Russian proverb, the lexeme “handkerchief” is metaphorically used. The Ukrainian and Hungarian ones, however, emphasize the “lock”.

People have the right to express themselves and they think that their truth is obvious. But when it comes to live in accordance with it, it becomes not easy. Therefore, such proverbs appeared: (30) *Всякий правду хвалит, да не всякий знает.* [Vsiakii pravdu hvalit, da ne vsiakii znaet]. (RUS) (Lit. – Everyone praises the truth but not everyone knows it). / *Легше правду хвалити, як по правді робити.* [Lehshe pravdu hvalyty, iak po pravdi robyty]. (UKR) (Lit. – It is easier to praise the truth than to do the truth) [29, p. 12]. / *Könnyű tele hassal a böjtöt dicsérni.* (HUN) (Lit. – It is easy to praise fasting with a full belly [50, p. 254, d373]. In both Slavic proverbs “praise the truth” is used and opposed to “not everyone knows it” and “[difficult] to do it”. The Hungarian proverb is metaphorical and borrowed from the religious practices, referring to fasting. The proverbs point out that though often people know that the right thing should be done, they still need to put efforts to live accordingly.

The following proverbs are good examples of the fact that sometimes strict rules can be eased. They warn that there should be limits to lies if someone is tempted to lie, and one cannot be successful if his/her motto is based on lies: (31) *Ври, да знай меру.* [Vri, da znai meru]. (RUS) (Lit. – You can lie but know the limit). / *Не роби з губи халяву.* [Ne roby z huby haliavu]. (UKR) (Lit. – Do not enlarge your mouth as an upper part of a boot) [29, p. 11]. / *Tisztességes hazugság nem szégyen.* (HUN) (Lit. – A fair lie is not a shame) [50, p. 261, h567]. In the Ukrainian version, lies are compared to a boot: normally, the upper part of a boot is the widest. While lying, a person seems to be opening a mouth widely to contain the whole misinformation, i.e. to fill the mouth with misleading words.

Also: (32) *Враньём полсвета пройдёшь, да назад не воротишься.* [Vran'ëm polsveta projdesh', da nazad ne vorotish'sia]. (RUS) (Lit. – You can walk around half of the world with lie, but you will not be able to come back). / *З брехні не мруть, а більш віри не ймуть.* [Z brehni ne mrut', a bil'sh viry ne imut']. (UKR) (Lit. – No one dies from a lie, but no one will believe you again) [29, p. 26]. / *A hazug csakugyan hazug, ha igazmondó ruháját veszi is fel.* (HUN) (Lit. – A liar is indeed a liar, even if he puts on his truthful clothes) [50, p. 261, h563]. All these examples refer to one of the most valuable characteristics of a person – to truthfulness.

Several proverbs describe the importance of the inner world of a person which influences his/her behaviour. Some of them warn about the possible false assumption that if one has a good appearance the person will be trustworthy: (33) *Молодец красив, да на душу крив.* [Molodec krasiv, da na dushu kriv]. (RUS) (Lit. – The lad is handsome, but the soul is crooked. OR Appearances are deceitful) [17, p. 545]. *Nem mind arany, ami fénylik.* (HUN) (Lit. – All is not gold that glitters) [50, p. 43, a570]. A nice appearance is opposed to an ugly soul in the Russian proverb. While the Hungarian one warns about the possible disappointment, if one always expects to see a golden stuff when looking at a “glittering” thing. Both proverbs warn one about the deceitfulness of a good look.

Again: (34) *Не всяк умён, кто в красное наряжён.* [Ne vsjak umen, kto v krasnoye narjazhen]. (RUS) (Lit. – Not everyone is smart, who is dressed nicely.) [11]. *Nem a ruha teszi az embert.* (HUN) (Lit. – Clothes do not make the man. OR The cowl does not make the monk) [50, p. 559, r347]. Though in the Russian proverb the word “red” is used, it is obvious that it means a “beautiful” dressing (the original meaning of the word ‘red’ is ‘beautiful’). The Hungarian proverb also mentioned clothing. These proverbs state that there are more important things than appearance, i.e. people’s worth (being it material, mental or spiritual) should not be judged on the basis of their clothing, as their appearance can send a false message about their character. They indicate that in both Russian and Hungarian cultures social values are not necessarily linked to the material ones. It’s not the case with the Hungarian language: *A ruha teszi az embert.* (HUN) (Lit. – Clothes make the man.) [50, p. 559, r349]. The existence of these proverbs (the direct one and the other with the opposite meaning) reflects on their universal use, where “wrapped in the form of generality, we said something about a certain person, but in such a way that the unique case just experienced was presented as typical, usual” [50, p. 13].

There are other warning proverbs in connection with fake appearance: (35) *Не стоит и гроша, да походка хороша.* [Ne stoit i groscha, da pohodka horosha]. (RUS) (Lit. – He (she) does not cost anything, but his (her) walk is good) [19]. / *Fenn az ernyő nincsen kas.* (HUN) (Lit. – The umbrella is open, but there is no basket. OR There is poverty behind the fake well-being) [50, p. 164, e601]. These proverbs convey the same meaning as the previous ones. However, they are used to comment on someone’s well-being, i.e.

when one looks very rich, though (s)he is poor. The Russian and Hungarian proverbs express the same meaning but with completely different lexemes. The message of the Russian proverb is straightforward. To understand the Hungarian one, it is important to know the merchants' tradition: while travelling between the towns and markets with their chariot, they needed to cover their goods (with the so called "umbrella") kept in the "basket". Sometimes they covered the empty basket, so it looks like they are wealthy and they have something.

The following proverbs denote the identical idea: (36) *Гроша не стоит, а выглядит рублём*. [Grosha ne stoit, a vygliadit rublem]. (RUS) (Lit. – One doesn't cost a penny but looks like a ruble [Russian currency]) [17, p. 226]. *Денег ни гроша, да слава хороша*. [Deneg ni grosha, da slava horosha]. (RUS) (Lit. – One does not have any money, but the fame is good) [10, p. 13]. There is a clear message: a person is no one (in terms of social status, achievements) but the head is up. The Conditional Mood is used in the Ukrainian version: *Якби Хомі гроші, був би й він хороший, а нема – всяк мина*. [Iakby Homi hroschi, був би i vin horoshyi, a nema – vsiak myna]. (UKR) (Lit. – If Khoma (male name) had money, he would feel good, but he does not have it, so everyone passes by) [28]. The Ukrainian equivalent is down to earth: no money – no fame, though the Russian proverb convinces that even with no money one can create a good image of him/herself as if one is well-off. The Hungarian equivalent is as follows: *Fenn hordja az orrát*. (HUN) (Lit. – He holds his nose up) [50, p. 497, o210].

There is another important feature of the Russian/Ukrainian/Hungarian people – good relations between each other, i.e. friendship as expression of conduct: (37) *Старый друг лучше новых двух*. [Staryi drug luchshe novyh dvuh]. (RUS) (Lit. – An old friend is better than two new ones). / *Для приятеля нового не пускайся старого*. [Dlia priyatelia novoho ne puskaisia staroho]. (UKR) (Lit. – For a new friend, don't let go of the old one) [5, p. 39]. It is of necessity to have friends at work, friends for leisure time; but it is not easy to find a true friend. The friend that has been with someone for a long time can be trusted, and such a friend will always help in any life situation as it always happened before while staying together in the same place or in childhood. The Hungarian proverb has the same meaning: *Új barátért el ne hagyd a régit!* (Lit. – For a new friend do not lose the old one) [50, p. 65, b353]. Interestingly, the Ukrainian and Hungarian proverbs are the same. They both value an old friend. The Russian, however, seems to appreciate an old friend even more, as an old friend is worth two new ones.

People can misunderstand friendship and start behaving inappropriately. Such friendship may do harm. Being friends does not mean that a person should sacrifice oneself totally for the benefits of another person. Another message in this proverb is that friendly relations have not to undermine the position of a person. Friendly relations should not influence the office ones. The person who has a higher position should not get rid of his/her office duties and principles. If a person is ruling a company, the respect and obedience should be performed by his/her friend, especially if they work in the same company but have employer-employee positions: (38) *Дружба дружбой, а табачок врозь*. / *Дружба дружбой, а служба службой* [20]. [Druzhba druzhboi, a tabachok vroz'. / Druzhba druzhboi, a sluzhba sluzhboi]. (RUS) (Lit. – We are friends, but we do not share tobacco. / Friendship is friendship, and service is service). / *Брат мій, а хліб їж свій*. [Brat mii, a hlib iizh svii]. (UKR) (Lit. – You are my brother, but eat your own bread) [29, p. 18]. / *A pénzben nincs komaság, se rokonság*. (HUN) (Lit. – Money does not have cummers and relatives) [50, p. 529, p444]. In the above proverbs the same information is expressed with different words. The Russian one refers directly to "friendship", the Ukrainian one uses "brother" which can be understood as a friend or a close relative, and the Hungarian one uses both "friendship" and "relatives". The second part of the proverbs also differs as they mention "tobacco", "bread" and "money". These examples indicate that the same customs can be found in different societies, expressed completely in a different way.

5. Summary

In our study, proverbs were selected in accordance with the phenomena connected with labour and everyday behaviour rules in Russia, Ukraine, and Hungary. In general, the studied nations express admiration of hard-working people and despise rudeness and laziness. Also, good manners are appreciated, and they are fixed in the proverbs analysed.

During our investigation, full/partial similarities and differences were identified. The Ukrainian and Russian languages representing a Slavic language group have many similar proverbs due to their closeness in terms of geographical location and relations that developed for centuries. The Hungarian language belonging to Finno-Ugric languages contains a high number of similar proverbs to those which were selected in the Russian (and Ukrainian) language(s). Though grammatically and lexically they are different, and in many cases different realia are used, semantically Hungarian proverbs are very similar to the Russian (and Ukrainian) ones.

Differences were identified in the use of animals to portray (the expected) human conduct in proverbs that are often composed based on observations of human behaviour. Depending on the context, the meaning of such proverbs may be either positive or negative.

In some cases, equivalents were not found, more likely because of the different attitude to certain phenomena in various cultures.

Proverbs briefly and figuratively perform didactic functions, reflect everyday situations, and give a piece of advice in choosing a line of conduct in different circumstances. They have been used as a means of teaching for many years containing wisdom and playing a major role as a pedagogical tool in modern societies.

The results of our research can be used for comparative studies of semantics of proverbs, as well as for the solution of practical problems connected with the translation of phraseological units from one language into another. Even though some people consider proverbs to be an out-of-date phenomenon, they give way to further investigation of:

1. the cause of full/partial similarity between Russian and Ukrainian, and Russian and Hungarian proverbs in some cases, and the missing equivalents in other cases;
2. the cause of full/partial similarity between the three studied languages;
3. the use of various animals to express the same or similar human conduct in different cultures, and their translation where the featured animal has different pragmatics in the original and target languages.

© Дзядык Ю.И., Чайбок-Тверефу И., 2023

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Фразеология и паремиология: учебное пособие для бакалаврского уровня филологического образования. М.: Флинта: Наука, 2009. 344 с.
2. Аникин В. П. К мудрости ступенька. О русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке: Очерки. М.: Детская литература, 1988. 174 с.
3. Аникин В. П. Теория фольклора. Курс лекций. М., 1996. 408 с.
4. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
5. Беленькова Н. Пословица не мимо молвится. Русские пословицы и поговорки с украинскими соответствиями. Київ: Дніпро, 1969. 248 с.
6. Бодрова Ю.В. Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2007. 159 с.
7. Большой русско-английский фразеологический словарь [Электронный ресурс]. – URL: https://phraseology_ru_en.academic.ru (Дата доступа: 04.06.2021).
8. Говорю по-русски [Электронный ресурс]. – URL: <https://govoryuporuski.wordpress.com/2016/> (Дата доступа: 09.06.2021).
9. Даль В. И. Пословицы русского народа. В 2 т. М.: Художественная литература, 1989 [Электронный ресурс]. – URL: <http://dic.academic.ru> (Дата доступа: 10.04.2021).
10. Зигуненко С. Н. Словарь пословиц и поговорок. Москва: АСТ, 2016. 208 с.
11. Знания [Электронный ресурс]. – URL: <https://znaniya.com/task/17298655> (Дата доступа: 15.06.2021).
12. Котова М. Ю. Славянская паремиология. Том 1. Дисс. ... д-ра филол. наук. СПб, 2004. 231 с.
13. Кузьмин С. С. Русско-английский словарь пословиц и поговорок / С.С. Кузьмин, Н.Л. Шадрин СПб.: МИК / Лань, 1996. 352 с.
14. Кунин А. В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 1970. 343 с.
15. Левин Ю. И. Провербальное пространство // Паремиологические исследования. Сб. статей. М.: Наука, 1984. С. 108–126.
16. Ломакина О. В. Познавательный потенциал русинских паремий на фоне русского и украинского языков / О.В. Ломакина, В.М. Мокиенко // Русин. 2016. №3 (45). С. 119–128. DOI: 10.17223/18572685/45/9

17. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина, Е.К. Николаева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1024 с.
18. Пермяков Л. Г. Паремнологический эксперимент: материалы для паремнологического минимума. М.: Наука, 1971. 48 с.
19. Пословицы [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.posloviz.ru> (Дата доступа: 11.06.2021).
20. Русские пословицы и поговорки [Электронный ресурс]. – URL: www.rusaying.ru (Дата доступа: 15.06.2021).
21. Савенкова Л. Б. Русская паремнология: семантический и лингвокультурологический аспекты. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского университета, 2002. 240 с.
22. Селиверстова Е. И. Пространство русской пословицы. Постоянство и изменчивость. М.: Флинта, 2017. 296 с.
23. Семененко Н.Н. Аксиология паремий в фокусе проблемы когнитивно-дискурсивного моделирования семантики русских пословиц // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 213–232. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-232
24. Толковый словарь Даля [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=31435> (Дата доступа: 15.07.2021).
25. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=22902> (Дата доступа: 15.07.2021).
26. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54692> (Дата доступа: 15.07.2021).
27. Что означает выражение «язык до Киева доведёт»? [Электронный ресурс]. – URL: http://chtooznachaet.ru/vyrazhenie_jazyk_do_kieva_dovedet.html (Дата доступа: 10.06.2021).
28. Афоризмы [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.aphorism.org.ua> (Дата доступа: 05.05.2021).
29. Йогансен М. Практичний російсько-український словник приказок. Київ, 2009. 107 с.
30. Кудіна О. Ф. Перлини народної мудрості. Німецькі прислів'я та приказки: навчальний посібник для ВНЗ. Нова книга, 2005. 320 с.
31. Номис М. Українські приказки, прислів'я і таке інше. Київ: Либідь, 1993. 768 с.
32. Огар А., Кріль М. Формування риторичної культури учня початкової школи засобами пареміології: концептуальний аспект // Молодь і ринок. 2019. №10 (177). С. 49–54.
33. Приповідки або українсько-народна філософія [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovyk.me/dict/proverbs/%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE> (Дата доступа: 25.06.2021).
34. Словник прислів'їв та приказок з поясненнями [Электронный ресурс]. – URL: https://kampot.org.ua/traducii_ta_zvuchai/zvuchai/2313-slovník-prislvyiv-ta-prikazok-z-rojasnennyami.html (Дата доступа: 05.07.2021).
35. Словopedia [Электронный ресурс]. – URL: <http://lang.slovpedia.org.ua/7/53394/96967.html> (Дата доступа: 10.07.2021).
36. Словопис [Электронный ресурс]. – URL: <http://slovpyp.kubg.edu.ua/roboťa-ne-vovk-u-lis-ne-vteche/> (Дата доступа: 01.07.2021).
37. Bárdosi V. Magyar szólások, közmondások adatbázisa. Budapest: Tinta könyvkiadó, 2012. 948 p.
38. Brown P, Levinson C. S. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
39. Dobrovolskii D. Proverbs and sentential phrasemes of other types // Пословицы в фразеологическом поле: когнитивный, дискурсивный, сопоставительный аспекты : монография / под ред. проф. Т. Н. Федуленковой. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2017. С. 196–204.
40. Ehondor B. The Concept of Proverbs as a Theoretical Category in Communication in Africa. January 2017. P. 6–19, https://www.researchgate.net/publication/321698840_THE_CONCEPT_OF_PROVERBS_AS_A_THEORETICAL_CATEGORY_IN_COMMUNICATION_IN_AFRICA (Дата доступа: 20.06.2021).
41. Erdélyi J. Magyar közmondások könyve. Budapest, 1851, <https://mek.oszk.hu/09100/09112/html/0002/24.html> (Accessed: 09.10.2022).
42. Hoshan A. M. The Place of Proverbs in Linguistic Studies. March 2021, https://www.researchgate.net/publication/350054883_The_Place_of_Proverbs_in_Linguistic_Studies (Accessed: 15.05.2021).
43. Hou R. Proverbs Reveal Culture Diversity. // Cross-Cultural Communication, 2013, vol. 9, no. 2. P. 31–35.
44. Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies / Ed. by M. A. Varga, H. Hrisztova-Gotthardt. Walter de Gruyter, 2014. 382 p.
45. Ivanova E. V. On the basic lines of proverbial studies in Russian paremiology // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2021. Т. 18. Вып. 4. С. 875–892. DOI:10.21638/spbu09.2021.415.
46. Lomotey B.A. A pragmatic and sociolinguistic analysis of proverbs across languages and cultures /B.A. Lomotey, I. Csajbok-Twerefou // Journal of Pragmatics. Volume 182, September 2021. P. 86–91.
47. Manser M. H. The Facts on File Dictionary of Proverbs. Facts on File, 2007. 499 p.
48. McDonnell J. Re-Theorizing the Integral Link Between Culture and Development: Exploring Ghanaian Proverbs as Theoretical and Practical Knowledges for Development. Ontario Institute for Studies in Education. Ontario: University of Toronto, 2012. P. 24–26.
49. Mieder W. “Proverbs Speak Louder Than Words”: Folk Wisdom in Art, Culture, Folklore, History, Literature and Mass Media. Peter Lang Inc., 2008. 357 p.
50. O. Nagy G. Magyar szólások és közmondások. Gondolat, 1985. 835 p.
51. Norrick N. R. How Proverbs Mean: Semantic Studies in English Proverbs. Walter de Gruyter, 2011. 224 p.
52. Paczolay G. 750 magyar közmondás. 750 Hungarian proverbs. 1991, <http://mek.oszk.hu/00200/00242/00242.htm> (Accessed: 07.07.2021).
53. Paremiology: “A Study and Anthology of the Proverb” / Ed. by P. F. Kisak. Create Space Independent Publishing Platform, 2015. 506 p.

54. Pei-kai Ch. Proverbs and Sayings: Understanding a Culture's Biases, Thoughts and Way of Life. 28 August 2020, <https://www.thinkchina.sg/proverbs-and-sayings-understanding-cultures-biases-thoughts-and-way-life> (Accessed: 12.06.2021).
55. Petrova R. Comparing Proverbs as Cultural Texts // *Proverbium*, 2003, vol. 20. P. 331–344.
56. Pilch J. J. The Cultural Life Setting of the Proverbs. Fortress Press, 2016. 278 p.
57. The Oxford Dictionary of Proverbs. Oxford University Press, 2004. 375 p.

References

1. Alefirenko, N. F. *Phrazeologiiia i paremiologiiia: uchebnoie posobiie dlia bakalavrskogo urovnia filologicheskogo obrazovaniia* [Phraseology and paremiology: a textbook for BA in Philology]. M.: Flinta: Nauka, 2009. 344 s.
2. Anikin, V. P. *K mudrosti stupen'ka. O russkikh pesniakh, skazkakh, poslovitsakh, zagadkakh, narodnom iazyke: Ocherki* [A step to wisdom. About Russian songs, fairy tales, proverbs, riddles, people's language: Stories]. M.: Detskaia literatura, 1988. 174 s.
3. Anikin, V. P. *Teoriia folklor. Kurs lektsii* [Folklore theory. Lectures]. M., 1996. 408 s.
4. Arkhangel'skii, V. L. *Ustoichivye frazi v sovremennom russkom iazyke* [Set phrases in modern Russian]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 1964. 315 s.
5. Belen'kova, N. *Poslovitsa ne mimo molvitsia. Russkie poslovitsy i pogovorki s ukrainskimi sootvetstviiami* [Proverbs are used for a purpose. Russian proverbs and sayings and their Ukrainian equivalents]. Kyiv: Dnipro, 1969. 248 s.
6. Bodrova, Iu. V. *Russkiiie poslovitsy i pogovorki i ikh angliiskiiie analogi* [Russian proverbs and sayings and their English equivalents]. M.: AST; SPb.: Sova, 2007. 159 s.
7. *Bolshoi russko-angliiskii frazeologicheskii slovar'* [Russian-English dictionary of idioms], phraseology_ru_en.academic.ru (Accessed 04.06.2021).
8. *Govoriu po-russki* [I speak Russian], govoryuporusski.wordpress.com/2016/ (Accessed 09.06.2021).
9. Dal', V. I. *Poslovitsy russkogo naroda. V 2 t.* [Proverbs of the Russian people. Volume 1 & 2]. M.: Hudozhestvennaia literatura, 1989, dic.academic.ru (Accessed 10.04.2021).
10. Zigunenko, S. N. *Slovar' poslovits i pogovorok* [Dictionary of proverbs and sayings]. M.: AST, 2016. 208 s.
11. *Znaniia* [Knowledge], znanija.com/task/17298655 (Accessed 15.06.2021).
12. Kotova, M. Iu. *Slavianskaia paremiologiiia. Tom 1*. Dis. ... d-ra filol. nauk [Slavic paremiology. Vol. 1. PhD Thesis in Philology]. St. Petersburg, 2004. 231 s.
13. Kuz'min, S. S. & Shadrin, N. L. *Russko-angliiskii slovar' poslovits i pogovorok* [Russian-English dictionary of proverbs and sayings]. SPb.: MIK / Lan', 1996. 352 s.
14. Kunin, A. V. *Angliiskaia frazeologiiia* [English phraseology]. M.: Vysshiaia shkola, 1970. 343 s.
15. Levin, Iu. I. Proverbialnoie prostranstvo [Proverbial space]. *Paremiological studies*. Moscow: Glavnaia redaktsia vostochnoi literatury, 1984. S. 108–126.
16. Lomakina, O. V. & Mokienko, V. M. Poznavatelny potentsial rusinskikh paremii na fone russkogo i ukrainskogo iazykov [Cognitive potential of Rusin proverbs compared with those in the Russian and Ukrainian languages]. *Rusin*, 2016, no. 3(45). S. 119–128. DOI: 10.17223/18572685/45/9.
17. Mokienko, V. M., Nikitina, T. G., Nikolaeva E. K. *Bol'shoi slovar' russkikh poslovits*. [A Comprehensive Dictionary of Russian proverbs.]. Moscow: OLMA Media Group, 2010. 1024 s.
18. Permiakov, G. L. Paremiologicheskii eksperiment: materialy dlia paremiologicheskogo minimuma [Paremiological experiment: materials for the paremiological minimum]. Moscow: Nauka, 1971. 48 s.
19. *Poslovitsy* [Proverbs], m.posloviz.ru (Accessed 11.06.2021).
20. *Russkie poslovitsy i pogovorki* [Russian proverbs and sayings], rusaying.ru (Accessed 15.06.2021).
21. Savenkova, L. B. *Russkaia paremiologiiia: semanticheskii i lingvokulturologicheskii aspekty* [Russian paremiology: semantic, linguistic and cultural aspects]. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo universiteta, 2002. 240 s.
22. Seliverstova, E. I. *Prostranstvo russkoi poslovitsy. Postoianstvo i izmenchivost* [The space of the Russian proverb. Stability and change]. M.: Flinta: Nauka, 2017. 296 s.
23. Semenenko, N. N. Aksiologiiia paremii v fokuse problemy kognitivno-diskursivnogo modelirovaniia semantiki russkikh poslovits [Axiology of proverbs in the focus of the problem of cognitive-discursive modeling of the semantics of the Russian proverbs]. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2020, no. 11(2). S.213–232. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-2-213-23.
24. *Tolkovy slovar' Dalia* [Dal's explanatory dictionary], slovardalja.net/word.php?wordid=31435 (Accessed 15.07.2021).
25. *Tolkovy slovar' Ozhegova* [Ozhegov's explanatory dictionary], slovarozhegova.ru/word.php?wordid=22902 (Accessed 15.07.2021).
26. *Tolkovy slovar' Ushakova* [Ushakov's explanatory dictionary], ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=54692 (Accessed 15.07.2021).
27. *Chto oznachaet vyrazhenie 'iazuk do Kievna dovedet'?* [What is the meaning of the proverb 'Your tongue will take you to Kyiv?'], chtooznachaet.ru/vyrazhenie_jazyk_do_kieva_dovedet.html (Accessed 10.06.2021).
28. *Aforismy* [Aphorisms], aphorism.org.ua (Accessed 05.05.2021).
29. Iogansen, M. *Praktychnii rosiis'ko-ukraiins'kii slovnyk prykazok* [Practical Russian-Ukrainian dictionary of proverbs]. Kyiv, 2009. 107 s.
30. Kudina, O. F. *Perlyny narodnoii mudrosti. Nimets'ki prysliv'ia ta prykazky: navchalnyi posibnyk dlia VNZ* [Pearls of peoples's wisdom. German proverbs and sayings: a textbook for University students]. Nova knyha, 2005. 320 s.
31. Nomys, M. *Ukrains'ki prykazky, prysliv'ia i take inshe* [Ukrainian sayings, proverbs and others]. Kyiv: Lybid, 1993. 768 s.

32. Ohar, A. & Kril', M. Formuvannia rytorichnoii kul'tury uchnia pochatkovoi shkoly zasobami paremiolohii: kontseptualnyi aspect [Teaching rhetorical culture at primary schools using paremiology: conceptual aspect]. *Molod' i rynek*, 2019, no. 10 (177). S. 49–54.
33. *Prypovidky abo ukraiini'ko-narodnia filosofii* [Proverbs or Ukrainian national philosophy], slovyk.me/dict/proverbs/%D0%B4%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%BE (Accessed 25.06.2021).
34. *Slovyk prysliv'iv ta prykazok z poiasnenniamy* [Dictionary of proverbs and sayings with explanations], kampot.org.ua/traducii_ta_zvuchai/zvuchai/2313-slovník-prislyviv-ta-prikazok-z-poyasnenniami.html (Accessed 05.07.2021).
35. *Slovopedia* [Words in use], lang.slovopedia.org.ua/7/53394/96967.html (Accessed 10.07.2021).
36. *Slovopys* [Writing words], slovopys.kubg.edu.ua/robota-ne-vovk-u-lis-ne-vteche/ (Accessed 10.07.2021).
37. Bárdosi, V. *Magyar szólások, közmondások adatbázisa*. Budapest: Tinta könyvkiadó, 2012. 948 p.
38. Brown, P. & Levinson, C. S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
39. Dobrovol'skiy, D. Proverbs and sentential phrasemes of other types. *Poslovitsy v frazeologicheskom pole: kognitivny, diskursivny, sopostavitel'ny aspekty*. Fedulenkova T.N. (ed.). Vladimir: Vladimirskaia gosudarstvennaia universitet, 2017. S. 196–204.
40. Ehondor, B. *The Concept of Proverbs as a Theoretical Category in Communication in Africa*. January 2017. P. 6–19, researchgate.net/publication/321698840_THE_CONCEPT_OF_PROVERBS_AS_A_THEORETICAL_CATEGORY_IN_COMMUNICATION_IN_AFRICA (Accessed 20.06.2021).
41. Erdélyi, J. *Magyar közmondások könyve*. Budapest, 1851, mek.oszk.hu/09100/09112/html/0002/24.html (Accessed 09.10.2022).
42. Hoshan, A. M. *The Place of Proverbs in Linguistic Studies*. March 2021, researchgate.net/publication/350054883_The_Place_of_Proverbs_in_Linguistic_Studies (Accessed 15.05.2021).
43. Hou, R. Proverbs Reveal Culture Diversity. *Cross-Cultural Communication*, 2013, vol. 9, no. 2. P. 31–35.
44. *Introduction to Paremiology: A Comprehensive Guide to Proverb Studies* / Ed. by M. A. Varga, H. Hrisztova-Gotthardt. Walter de Gruyter, 2014. 382 p.
45. Ivanova, E. V. On the basic lines of proverbial studies in Russian paremiology. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 2021, no.18 (4). P. 875–892. DOI: 10.21638/spbu09.2021.415
46. Lomotey, B.A. & Csajbok-Twerefou, I. A pragmatic and sociolinguistic analysis of proverbs across languages and cultures. *Journal of Pragmatics*, vol. 182, September 2021. P. 86–91.
47. Manser, M. H. *The Facts on File Dictionary of Proverbs*. Facts on File, 2007. 499 p.
48. McDonnell, J. *Re-Theorizing the Integral Link Between Culture and Development: Exploring Ghanaian Proverbs as Theoretical and Practical Knowledges for Development*. Ontario Institute for Studies in Education. Ontario: University of Toronto, 2012. P. 24–26.
49. Mieder, W. "Proverbs Speak Louder Than Words": *Folk Wisdom in Art, Culture, Folklore, History, Literature and Mass Media*. Peter Lang Inc., 2008. 357 p.
50. O. Nagy, G. *Magyar szólások és közmondások*. Gondolat, 1985. 835 p.
51. Norrick, N. R. *How Proverbs Mean: Semantic Studies in English Proverbs*. Walter de Gruyter, 2011. 224 p.
52. Paczolay, G. *750 magyar közmondás. 750 Hungarian proverbs*. 1991, mek.oszk.hu/00200/00242/00242.htm (Accessed 07.07.2021).
53. *Paremiology: "A Study and Anthology of the Proverb"* Ed. by P. F. Kisak. Create Space Independent Publishing Platform, 2015. 506 p.
54. Pei-kai, Ch. *Proverbs and Sayings: Understanding a Culture's Biases, Thoughts and Way of Life*. 28 August 2020, thinkchina.sg/proverbs-and-sayings-understanding-cultures-biases-thoughts-and-way-life (Accessed 12.06.2021).
55. Petrova, R. Comparing Proverbs as Cultural Texts. *Proverbium*, 2003, vol. 20. P. 331–344.
56. Pilch, J. J. *The Cultural Life Setting of the Proverbs*. Fortress Press, 2016. 278 p.
57. *The Oxford Dictionary of Proverbs*. Oxford University Press, 2004. 375 p.

Сведения об авторах:

Дзядык Юрий Иванович – ассистент кафедры иностранных языков Университета Ганы (Гана, Аккра). Сфера научных и профессиональных интересов: синтаксис, методика и практика преподавания иностранных языков, теория и практика перевода. ORCID ID: 0000-0002-9639-1020. E-mail: ydzadyk@ug.edu.gh

Чайбок-Тверефу Ильдико – кандидат филологических наук, ассоциированный профессор, заведующая кафедрой иностранных языков Университета Ганы (Гана, Аккра). Сфера научных и профессиональных интересов: межкультурная коммуникация, мультилингвализм, методика и практика преподавания иностранных языков. ORCID ID: 0000-0003-0055-2481. E-mail: icsajbok-twerefou@ug.edu.gh

About the authors:

Yuriy Dzyadyk is Assistant Lecturer of the Department of Modern Languages, University of Ghana (Accra, Ghana). Area of research and professional interests: syntax, methods and praxis of foreign languages teaching, theory and practice of translation and interpretation. ORCID ID: 0000-0002-9639-1020.

E-mail: ydzadyk@ug.edu.gh

Idiko Csajbok-Twerefou, PhD in Philology, is Associate Professor, Head of the Department of Modern Languages, University of Ghana (Accra, Ghana). Area of research and professional interests: intercultural communication, multilingualism, methods and practice of foreign languages teaching. ORCID ID: 0000-0003-0055-2481. E-mail: icsajbok-twerefou@ug.edu.gh

Благодарности:

Авторы выражают благодарность Школе языков Университета Ганы за содействие в написании статьи.

Acknowledgement:

The authors would like to pay special regards to the School of Languages of the University of Ghana for the organized Writeshop and support.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests:

The authors confirm the absence of conflict of interests.

* * *

INTRALINGUAL CLASSIFICATION OF NONVERBAL UNITS: CURTSIES

Elena B. Morozova

MGIMO-University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The last decades have seen a drastic growth of researchers' interest in nonverbal communication, especially in gestures and gestural behaviour of both past and present. However, a systematic description of curtsy, a key gesture of the aristocracy in European and Russian cultures, satisfying the demands of nonverbal communication studies has not been attempted. The lack of such research defined the scope and objectives of this paper: determining the semiotic class of curtsy, distinguishing and analyzing its types, describing its physical realization, semantics, comparing curtsies and bows and determining their place within the Russian gestural system. The research is based on monographs on etiquette and protocol, memoirs of the Russian courtiers of the 18-19-th centuries, books on stage movement and historical dances, dictionaries of the Russian language and illustrations from Russian literature. The results of multidimensional analysis demonstrate that we should classify curtsy as a communicative emblem, both an etiquette and ceremonial gesture, successfully assimilated by Russian culture and evolving with time. The research distinguishes types of the curtsy found in Russian culture, contexts and situations when it was used, its semantics, etc. Comparing curtsies and bows by several parameters (physical realization, active body parts, context and situations of use) helped to define key elements in performing curtsies and first distinguish them as a separate class of gestures, which should result in a change of their definitions in dictionaries where curtsy is invariably defined as a bow. The paper also gives an insight into the history of gestures, starting with Peter the Great and up to modern times. The results of the research will be of interest for researchers in the field of semiotics, nonverbal communication, intercultural communication, lexicography, ethnography and social anthropology.

Keywords: gesture, curtsy, bow, nonverbal semiotics, Russian gestural system, ceremonial, etiquette

For citation: Morozova, E. B. (2023). Intralingual classification of nonverbal units: curtsies. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 70–82. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-70-82>

ВНУТРИЯЗЫКОВАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ НЕВЕРБАЛЬНЫХ ЕДИНИЦ: РЕВЕРАНСЫ

Е.Б. Морозова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В последнее время в мире наблюдается стремительный рост научного интереса к невербальной коммуникации, жестам и жестовому поведению людей, как в синхронии, так и в диахронии. Однако до сих пор не существует системного описания, соответствующего современным требованиям невербальной семиотики, такого важного для европейской и русской культуры жеста, как реверанс. В связи с этим целями и задачами данного исследования являются: определить семиотический класс реверанса, выделить и проанализировать его виды, описать его физическую реализацию и семантику, сравнить реверанс с поклоном и определить его место в жестовой системе русской культуры. Материалом для исследования послужили монографии по истории протокола и этикета, мемуары придворных лиц XVIII-XIX вв., учебники по сценическому движению и историческому танцу, толковые словари русского языка, а также языковые примеры из художественной литературы. В результате многоаспектного анализа реверанс был отнесен к классу коммуникативных эмблем, этикетным и церемониальным жестам, хорошо освоенным русской культурой. В работе выделяются виды реверансов, характерные для русской культуры, подробно рассматриваются ситуации их употребления, семантика жеста и т. д. Сопоставление реверанса и поклона по нескольким параметрам (физическая реализация жеста, активные части тела, контекст и ситуации употребления и т. д.) позволило определить ключевые элементы в способе исполнения реверанса и впервые выделить его в отдельный класс жестов, что, в свою очередь, должно привести к изменениям толкования этого слова в словарях русского языка, в которых оно неизменно объясняется через поклон. В работе также кратко описывается история жеста: от эпохи Петра I до наших дней. Результаты исследования представляют интерес для специалистов в области семиотики и невербальной коммуникации, межкультурной коммуникации, лексикографии, этнографии и социальной антропологии.

Ключевые слова: жест, книксен, поклон, невербальная семиотика, реверанс, русская жестовая система, церемониал, этикет

Для цитирования: Морозова Е.Б. (2023). Внутриязыковая классификация невербальных единиц: реверансы. *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 70–82. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-70-82>

Введение

В последние десятилетия в мире наблюдается стремительный рост научного интереса к невербальной коммуникации. Публикуются сотни работ, затрагивающие её разные аспекты, например, жесты и жестовое поведение людей, как в синхронии, так и в диахронии. Тем не менее до сих пор не было опубликовано отдельных работ, посвящённых такому важному в европейской и русской культуре жесту, как *реверанс*¹, несмотря на существование достаточно

¹ Здесь и далее в работе при необходимости используется следующая система помет. Жесты и классы жестов выделяются жирным шрифтом. Языковые обозначения жестов и иллюстративные примеры выделяются курсивом.

большого числа исследований, описывающих и классифицирующих сходные с ним по семантике и способу исполнения *поклоны* в русской культуре [2], [16], [26], [27], [29] и др. О реверансе часто пишут в монографиях по историческому этикету и протоколу [1], [20], а в учебниках по сценическому движению и танцу [4], [9], [16] приводятся виды реверансов, характерные для русской и европейской культур. Тем не менее сам жест и его виды остаются совершенно не описанными с точки зрения невербальной семиотики: не определён семиотический класс реверанса, неполно описаны ситуации и правила употребления, его семантика, адресат и манера исполнения жеста. Никогда не проводился сравнительный анализ физической реализации и ситуаций употребления *поклона* и *реверанса*, который позволил бы точно определить место последнего в русской жестовой системе и либо отнести его к классу *поклонов*, либо выделить в отдельный класс.

В связи с этим актуальными целями и задачами данного исследования являются: определение семиотического класса реверанса, выделение и анализ его видов, описание физической реализации, семантики, сравнение реверанса с поклоном и указания его места в системе невербальной коммуникации. Материалом для исследования послужили монографии по истории протокола и этикета, мемуары придворных лиц и исторических делителей XVIII-XIX вв., учебники по сценическому движению и историческому танцу, толковые словари русского языка, а также языковые примеры со словом реверанс из художественной литературы. Теоретический и иллюстративный материал, собранный в ходе исследования, позволил провести многоаспектный анализ более ста примеров употребления жеста (в работе приводятся только некоторые из них) с применением структурно-семиотического, лексико-семантического и лингвопрагматического методов.

Краткая история жеста 'реверанс' в русской культуре

Жест *реверанс* возникает в конце Средних веков и получает окончательное оформление в XVI-XVIII вв. в танцах и придворном этикете главных королевских дворов Европы – Испании, Франции и Австрии. Изначально реверанс делали как мужчины, так и женщины, при этом форма мужского и женского реверанса была примерно одинаковой, а сам жест был крайне сложным для исполнения (см. об этом далее). Однако с каждым веком мужская форма реверанса претерпевала изменения, становясь всё более лаконичной и сдержанной, и уже к началу XIX века превратилась в неглубокий вежливый поклон. Женская форма реверанса с течением времени изменилась гораздо в меньшей степени и сохранила основные элементы жеста.

Первое знакомство русской культуры с реверансом состоялось, по-видимому, во второй половине XVI века. Самое раннее из найденных нами документально подтверждённых свидетельств исполнения реверанса при дворе московских государей относится к эпохе правления Ивана Грозного. Царь «призвал своего шута («блазна») и велел ему передразнивать поклоны польских шляхтичей, которые на западный манер «приклякивали» (слегка приседали)» [45, с. 201], а не кланялись в пояс должным образом. Иван Грозный не оценил куртуазного поведения польских дипломатов, однако в дальнейшем, в связи с растущим уровнем торговых, политических и культурных контактов между Московией и европейскими странами, реверансы перестали казаться царям и работникам Посольского приказа чем-то неуважительным.

Активное «освоение» реверанса русской культурой начинается в эпоху правления Петра I. Европейская модель поведения, насаждавшаяся императором, быстро начала вытеснять традиционные модели поведения, характерные для допетровской эпохи. Примеры исполнения реверанса из исторических свидетельств и мемуаров того времени свидетельствуют о том, что в петровскую эпоху традиционные русские жесты – *земной, поясной поклоны* и *коленипреклонения*, которые активно использовались для выражения уважения любому лицу с более высоким статусом до начала петровских реформ, – стали постепенно уступать место реверансу среди представителей нового и старого дворянства. Отчасти новую «моду на реверансы» можно объяснить тем, что согласно указам Петра на балах, маскарадах и ассамблеях участникам было предписано танцевать только европейские танцы, в которых реверанс был обязательным элементом [13, с. 45].

Резкий «разворот» в сторону западной культуры среди представителей дворянства привёл к тому, что теперь элита отличалась от простого народа не только своим финансовым и социальным положением, но и совершенно иным культурным кодом. Простой народ плохо понимал и не разделял новые культурные ценности, придерживаясь обычаев предков. Происходило постепенное «углубление стратификации общества, ставшей причиной раскола ранее относительно однородной русской культуры по полюсам: дворянская и народно-крестьянская» [46, с. 81]. Этот разрыв между «верхами» и «низами» хорошо прослеживается и в жестовом поведении разных сословий: простой народ, купечество и духовное сословие в годы правления Петра, а также в последующие исторические эпохи, продолжали пользоваться *поклонами* и *коленопреклонениями*, исконными для русской культуры жестами.

В середине XVIII века в России происходит становление бальной культуры и придворного этикета. Неумение танцевать считалось большим недостатком в воспитании дворянина или дворянки, потому что в европейских танцах той эпохи танцевальные па чередовались с многочисленными поклонами и реверансами. Красивое исполнение танцевальных элементов и элементов придворного этикета позволяло продемонстрировать изысканность манер, грацию и хорошее воспитание, которые чрезвычайно высоко ценились в дворянском обществе. Неудивительно, что именно в то время появилась и стала чрезвычайно востребованной профессия танцмейстера – учителя танцев и распорядителя (организатора) танцев на балу. Роль первых танцмейстеров в России исполняли шведские офицеры, попавшие в плен во время войны; позднее на эту работу было принято приглашать преподавателей танцев из европейских стран, в основном из Франции и Италии. Танцмейстер учил не только танцам, но и хорошим манерам, умению легко и непринуждённо двигаться – красиво садиться, ходить, пересекать зал, кланяться, обмахиваться веером и т. д. [22, с. 92]. Обучение танцам и хорошим манерам начиналось рано. По воспоминаниям генерала-лейтенанта и поэта С.А. Тучкова, родившегося в 1767 году, уже в возрасте трёх лет его, как и любого другого дворянина того времени, «учили делать учтивые поклоны, приучали к французской одежде» [40, с. 2]. Столь раннее знакомство с правилами этикета позволяло юным дворянам безупречно овладеть искусством политеса к тому моменту, когда они начинали выезжать в свет.

К концу XVIII века русское дворянство прекрасно усвоило все тонкости европейского придворного этикета и демонстрировало изысканность обращения и изящность манер, ни в чём не уступая иностранцам. «С полвека уже все привыкли подражать иностранцам, одеваться, жить, меблироваться, есть, встречаться и кланяться, вести себя на бале и на обеде, как французы, англичане и немцы. Всё, что касается до обращения и приличий, было перенято превосходно» [37, с. 464], – писал французский дипломат Л. Сегюр о России того времени.

В 1789-1794 гг. во Франции произошла революция, повлекшая за собой уничтожение монархии и аристократии. Новый порядок и новые ценности буржуазного общества принесли кардинальные перемены во все сферы жизни Франции, которая по-прежнему оставалась законодательницей моды для всей Европы, включая Россию. Показная роскошь в одежде, церемониальные танцы, вычурность и манерность движений высшего класса больше не отвечали духу времени. Стала модной более простая и лёгкая одежда, не сковывающая движений, причёски, не требующие ношения тяжёлых париков. В танцах XIX века поклон и реверанс по-прежнему сохранялись, однако характер их исполнения значительно изменился. Они стали менее вычурными и менее глубокими, например, кавалеры, исполняя танцевальный реверанс, больше не сопровождали его изысканным движением рук, а держали их свободно опущенными. Под влиянием этих изменений мужчины перестали исполнять реверанс в качестве приветствия, заменив его неглубоким вежливым поклоном², а женщины продолжали приседать в реверансе при дворе, на балах и в других торжественных случаях, но часто делали это не столь глубоко и менее церемонно [9, с. 36-37], [16, с. 166].

² Однако на протяжении XIX и даже XX-го вв. мы обнаруживаем следы старого мужского реверанса XVIII века в новой манере исполнения мужского поклона, например, когда жестикулирующий изящно снимает шляпу и делает поклон ниже или изысканнее общепринятого: *Граф, ловко придерживая шляпу, сделал реверанс с глубоким поклоном, причём его rince-nez заблестел и закачался, как маятник* [41, с. 315].

В годы правления императора Павла I реверанс превратился в обузу для представителей дворянства. Павел I в вопросах этикета следовал французской дореволюционной традиции и активно внедрял правила этикета времён Людовика XIV, которые уже давно не соответствовали духу эпохи. Император обязал всех дворян, передвигающихся в экипажах, останавливаться и выходить из них при встрече с каретами императорской семьи [1], [8]. Мужчины были обязаны снять верхнее платье, бросив его на землю, снять головной убор и, согнувшись в поклоне, стоять, пока не проедет карета императорской фамилии или же сам император, который часто прогуливался верхом на лошади в одиночестве. Дамы, не исключая саму императрицу, жену Павла, «должны были, несмотря на дождь, снег, слякоть и грязь, выходить из экипажей, причём дамы из страха делали ему глубокий реверанс, остановившись среди улицы, хотя им, в виде снисхождения, и дозволено было исполнять это на подножке кареты» [12, с. 233].

Выполнять эти требования, особенно в холодную или дождливую погоду, было неприятно и даже опасно для здоровья. Представители дворянства выражали недовольство, так как за неисполнение поклонов и реверансов им приходилось какое-то время проводить на гауптвахте. Чтобы избежать подобных неприятностей многие дворяне предпочитали оставаться дома во время прогулки императора. Впрочем, как пишет в своих воспоминаниях о России французская портретистка Э. Виже-Лебрен, иностранки были освобождены от этой неприятной повинности [6, с. 77].

Эпоха правления Павла I ознаменовалась ещё одним интересным фактом. В это время Россия заимствует, теперь уже из Пруссии, ещё один этикетный жест – *книксен* (также называемый *кникс* или *кникса*) – неглубокий, быстрый и несколько небрежный реверанс, перенятый русскими у прусских служанок, иметь которых в услужении было модно в ту эпоху. Книксен быстро обрёл популярность у представительниц разных сословий, потеснив бытовой поклон и реверанс. Мы предлагаем считать *книксен* одним из видов реверанса (см. об этом ниже).

Книксен и реверанс существовали в русской культуре вплоть до революции 1917 года. Как показывает анализ собранных в рамках данного исследования примеров, на протяжении всего XIX и начала XX вв. реверанс оставался важным элементом придворной и дворянской культуры. Он исполнялся преимущественно девушками и женщинами в сильно и средне ритуализованных этикетных ситуациях.

Как уже отмечалось выше, параллельно с реверансами в России продолжали широко использоваться исконные для русской культуры поклоны, которые по-прежнему исполнялись низшими и средними классами в разных этикетных, религиозных и ритуальных ситуациях (приветствия, прощания, благодарности, во время танцев, обрядов, богослужений и т. д.), а также представителями аристократии, включая членов императорской семьи, в некоторых контекстах. Так, во время богослужений и официальных церемоний, типа коронаций, юбилеев и торжественных выездов, которые предполагали встречу с простым народом, императорами и членами их семей использовались *земной* и *поясной поклоны* [7]. Такое переключение невербальных культурных кодов, с заимствованного европейского на исконный русский, по-видимому, связано с идеей единения царя и членов его семьи с русским народом и являлось попыткой подчеркнуть общность культурных, духовных и религиозных ценностей правителя и его подданных.

Как мы видим, за менее чем двести лет *реверансу* удалось органично встроиться в сложную систему придворного и дворянского этикета и даже занять в ней свою нишу. После революции 1917 года реверансы, а вместе с ними, но в меньшей степени, и поклоны постепенно утрачивают свою актуальность. В наше время ни *реверанс*, ни *книксен* больше не исполняются в бытовых этикетных ситуациях.

Однако их по-прежнему можно встретить в сфере спорта и искусства: в фигурном катании, театре, танцах и балете. Поклон, к которому по традиции относятся реверанс и книксен, в хореографическом искусстве имеет двойное значение – учебное и сценическое. На практических занятиях в учебных заведениях при помощи поклона ученик выражает уважение педагогу и концертмейстеру. На сцене поклон является знаком уважения по отношению к публике, знаком благодарности за её внимание и аплодисменты. «На сегодняшний день практически во всех видах

современного искусства поклон занимает отдельную нишу. Существует целый «театр поклонов», со своей игрой глаз, оригинальной пластикой рук и движениями тела. Будь то лёгкий и непринуждённый книксен дебютантов, глубокий реверанс артистов оперы и балета, а может трагический или надменный поклон актёров драмы – все они несут в себе чёткий подтекст, во многом понятный и доступный современному обществу» [35, с. 181]. В спортивной сфере фигуристики также делают книксен, иногда дважды, в конце выступления.

Семиотический анализ реверанса

Для определения места реверанса в русской жестовой системе мы руководствовались принципами, изложенными в работах Г.Е. Крейдлина, одного из ведущих специалистов в области семиотики и невербальной коммуникации. Сначала необходимо определить семиотический класс жеста. Далее выделяются активные части тела, задействованные во время его исполнения, анализируются и описываются способы исполнения жеста (физическая реализация жеста) и манера исполнения. Также необходимо описать его семантику, стилистическую маркированность (при наличии), ситуации и правила употребления [17, с. 79-80], [39, с. 21-29].

Согласно общепринятой в невербальной семиотике классификации Д. Эфрона *реверанс* относится к семиотическому классу эмблем, то есть жестов, которые имеют самостоятельное лексическое значение и способны передавать смысл независимо от вербального сообщения *коммуникативного типа*, так как жест несёт информацию, которую исполнитель намеренно передаёт адресату в коммуникативном акте [39, с. 183], [45]. Исполнение реверанса в качестве приветствия без вербального сопровождения является достаточным условием для того, чтобы коммуникативный акт считался успешным. Поскольку реверанс употребляется в этикетных ситуациях разной степени ритуализованности и церемониальных ситуациях (во время танца, в конце театрального представления или аудиенции у императора), он является и *этикетным*, и *церемониальным* жестом одновременно. Также согласно классификации, предложенной в СЯРЖ [39, с. 186-194], реверанс является *заимствованным* жестом. С точки гендерной принадлежности жест будет *универсальным*, так как существовали мужские виды реверанса и женские, и *прагматически освоенным*, поскольку он привычен для русской культуры.

Определив семиотический класс реверанса, рассмотрим подробнее его виды, морфологию, семантику и синтаксис и сравним с поклонами. Собранный материал позволил нам выделить следующие виды реверансов в русской культуре: *танцевальный реверанс XVIII в.*, *мужской реверанс XVIII в.*, *мужской реверанс XVIII в. с тростью*, *женский реверанс XVIII в.*, *женский реверанс XIX в.*, *книксен*, *мужской реверанс-поклон³ первой половины XIX в.*, *балетный реверанс*, *театральный реверанс⁴* и другие.

Активными частями тела, задействованными в исполнении жеста, являются ноги (включая ступни и колени), руки (включая кисти), туловище (корпус), шея и голова. Число активных частей тела зависит от пола исполнителя и эпохи. Так, в *женском реверансе XVIII века* всегда задействованы ноги, руки, шея и голова, туловище всегда остаётся прямым, то есть не сгибается, а в *женском реверансе XIX века* руки задействованы минимально. В *балетном реверансе* руки принимают активное участие в реализации жеста. В *мужском реверансе XVIII века* активно задействованы все выделенные выше части тела, а в *мужском реверансе-поклоне первой половины XIX века* руки могут быть статичны. В *поклонах* активными частями тела являются туловище, шея и голова, а руки задействованы меньше (кисти почти не задействованы) [16], [27].

³ Этот жест исполнялся следующим образом. Делался шаг в сторону, вторая нога подтягивалась к первой, корпус наклонялся вперёд, а затем выпрямлялся с лёгким отступлением назад. Первый шаг в сторону часто совершался быстро или небрежно, особенно мальчиками и юношами, откуда и пошёл оборот *шаркнуть ножкой*. К концу XIX в. мужчины перестали совершать отступ назад во время выпрямления корпуса [9, с. 36-37].

⁴ В цели и задачи данного исследования не входит подробный анализ каждого из этих видов реверанса.

Реверанс, как и поклон, мог исполняться несколько раз подряд или с небольшими перерывами, необходимыми для того, чтобы исполнитель успел сделать несколько шагов назад, не поворачиваясь при этом спиной к адресату жеста. Троекратно кланялись или трижды исполняли реверанс, например, по окончании аудиенции у вышестоящего лица. Реверанс, как и поклон, мог исполняться с предметами в руках – головным убором или тростью у мужчин, веером или букетом цветов – у женщин.

Способ исполнения реверанса, то есть его физическая реализация, отличается в зависимости от пола жестикулирующего и исторической эпохи. К сожалению, в рамках данного исследования мы не можем подробно описать способы исполнения всех перечисленных выше видов реверанса и вынуждены обойтись лишь схематичным описанием техники их исполнения: шаг, отступление назад и приседание с поклоном или наклоном корпуса и/или головы, выпрямление коленей, снова шаг, в результате которого ноги возвращаются в исходную позицию. Отступление (шаг) назад и сгибание коленей являются, на наш взгляд, *ключевыми элементами* реверанса и тем самым отличают его от сходного с ним на первый взгляд *поклона*, у которого доминантой физической реализации является наклон верхней части туловища. Руки в исполнении поклона задействованы в гораздо меньшей степени или вообще не задействованы. Ноги при исполнении поклона никакой роли не играют, своего положения не меняют и в коленях не сгибаются. Поклон без отступа назад и сгибания коленей – это просто поклон. Поклон с отступом и сгибанием коленей становится реверансом.

Помимо разной физической реализации, у поклона и реверанса разное происхождение. Поклон является одним из древнейших жестов на земле, он зафиксирован в большинстве культур, включая самые древние. Сходный жест наблюдается и у животных во время демонстрации покорности более сильному члену стаи [2, с. 78]. Реверанс – жест относительно новый. Он появился, согласно гипотезе Д. Морриса, в Средние века. Согнутые во время реверанса колени символизируют *коленипреклонение* – жест, который ещё в древности исполнялся для выражения почтения божеству, знатному лицу или правителю. В Средние века преклонение обоих колен было заменено на преклонение только одного. Считалось, что преклонения двух колен достоин только бог. Из традиции преклонять одно колено и развился реверанс [28, с. 303-304].

Учитывая вышеизложенные соображения, мы предлагаем считать реверанс не ещё одним представителем класса *поклонов*, а отдельным жестом, несмотря на схожую семантику и ситуации употребления (см. об этом ниже). Более того, поскольку реверансы, зафиксированные в русской культуре, довольно значительно отличаются по способу исполнения, то по аналогии с русскими поклонами [26] будет рационально считать реверанс не одним жестом, а целым классом жестов. Такое решение является совершенно оправданным ещё по одной причине. Описывая европейские реверансы XVI-XIX вв. или современные (например, используемый до сих пор деютантками на балах в южных штатах США глубокий реверанс-простираие *Texan dip*), мы столкнёмся с ещё бóльшим разнообразием физических реализаций, которые никак нельзя будет свести к некоему инварианту.

Отдельно следует сказать несколько слов о *книксене* и способе его исполнения. Он во многом совпадает с техникой исполнения женского реверанса, включая в себя отступ назад и приседание [3, с. 46], [16, с. 166]. Однако манера исполнения этих жестов разная. Книксен делается быстро, с неглубоким приседанием, при этом сам жест выглядит как упрощённый (редуцированный) или небрежно исполненный реверанс. Исполнение книксена, который всегда был исключительно женским жестом, требует гораздо меньшей грации и физической подготовки. С учётом вышесказанного мы предлагаем считать *книксен* отдельным видом реверанса.

Теперь обратимся к семантике реверансов. Реверанс, как и поклон, имеет инвариантное значение – ‘выражение уважения или благодарности по отношению к адресату жеста, которого исполнитель жеста считает выше себя по социальному статусу’ [26, с. 120]. Схожую семантику этих жестов можно объяснить следующим фактом: склонение головы, которая метонимически означает самого человека (ср., например, *считать по головам; сложить голову, глава города* и т. д.) фактически приводит к уменьшению роста жестикулирующего. Делая себя физически ниже адре-

сата жеста, исполнитель тем самым подчёркивает его более высокий социальный статус [2, с. 78]. Наклон туловища или/и головы (то есть по сути поклон) и уменьшение роста жестикулирующего во время исполнения реверанса, по-видимому, и объясняет следующие интересные языковые факты⁵.

Во-первых, в словарях русского языка, старых и современных, *реверанс* толкуется как 'почтительный поклон с приседанием' [3], [25], [31], [42]. Иногда в толкование ошибочно включается пол исполнителя – 'женский поклон с приседанием' [18], [44]. Во-вторых, в русской литературе самых разных жанров и публицистике, то есть в массовом сознании, *поклон* нередко выступает контекстуальным синонимом *реверанса* и иногда наоборот⁶: «Гофмаршал императрицы, который нас ожидал, сказал мне: «Предупредите графиню, что она должна сделать императрице три поклона при входе и столько же, когда будет откланиваться, идя назад, не оборачиваясь; вчера одна дама так запуталась в хвосте своего платья, что упала на пол и меня чуть с ног не сшибла» [14, с. 32]. Из принятых при дворе XIX века правил этикета мы знаем, что графиня могла приветствовать императрицу только реверансом. Даже А. С. Пушкин, большой любитель французского языка, слово *реверанс* не жаловал и употребил его только в одном своём произведении «Арап Петра Великого», а в остальных произведениях использовал только слово *поклон* [38, т. 3, с. 1049].

Несмотря на семантическое сходство поклонов и реверансов и наличие общего элемента в физической реализации, определение *реверанса* в толковых словарях русского языка через *поклон* является, на наш взгляд, неверным и требует пересмотра современной лексикографией. Более точным, но не идеальным, толкованием *реверанса*, как нам кажется, будет примерно следующее: 'сложный по форме этикетный или церемониальный жест для выражения уважения или почтения человеку с более высоким социальным статусом, который представляет собой отступление назад, сгибание коленей и одновременным наклоном туловища и/или головы'.

Манера исполнения жеста – глубина приседания и угол наклона корпуса и/или головы – может уменьшать или увеличивать степень уважения или благодарности, которую хочет передать адресату исполнитель жеста. Чем больше почтения хочет выразить жестикулирующий, тем ниже он сгибает колени, наклоняет туловище и/или голову, и тем дольше он остаётся в этой позе. «Классные дамы сделали низкий, почтительный реверанс. «Вот он какой, великий-то князь», – думал я, глядя во все глаза» [15, с. 20]. Такое же значение может иметь и скорость выполнения жеста. Реверанс можно «растягивать» во времени, придавая ему церемонность и изысканность, можно выполнять в нормальном темпе, а можно и слишком быстро, тем самым придавая жесту некоторую небрежность и понижая «градус» уважения [16, с. 153]: «Девочка, забыв всякий этикет, сделала только боком кривой реверанс Матап и бросилась на шею отцу» [23, с. 199].

По сфере употребления реверанс может быть светским и церемониальным, но ни в коем случае не религиозным. Адресатом реверанса, по крайней мере в русской культуре, может быть только человек, причём лицо светское, а не священнослужитель. Поклон же может быть адресован не только человеку, но и богу, божеству или предмету культа. Во многих культурах, включая русскую, существуют специальные виды поклонов, которые используются во время богослужений, встреч со священнослужителем и религиозных ритуалов, например, *земной и поясной поклоны*. Таким образом, сфера употребления реверанса гораздо уже, чем у поклона.

Выше мы кратко упоминали некоторые ситуации, требующие исполнения реверансов в русской культуре прошлых веков. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Во-первых, реверансы активно исполнялись во время танцев, являясь их непосредственными элементами, в основном менуэта и гавота (конец XVII – начало XIX вв.), «и порой реверансов в них было больше, чем чисто танцевальных движений. Естественно, что изучение основных реверансов продолжалось шесть-семь месяцев, в то время как танцам учились несколько лет» [4, с. 16].

⁵ Хотя в цели и задачи данной работы не входит подробный лингвистический анализ слова *реверанс*, его семантики, стилистики, этимологии и т. д., мы не можем обойтись без некоторого лингвистического комментария для иллюстрации различий между реверансом и поклоном.

⁶ В мемуарной литературе реверанс так же называется *приседанием*.

Во-вторых, на протяжении всего XVIII века реверансы широко использовались при дворе, то есть в церемониальных и бытовых *этикетных ситуациях приветствия и прощания*. Реверансами дворяне приветствовали императора или императрицу, других членов императорской семьи, послов и представителей аристократии других государств: «Я стоял на верёвочной лестнице и не имел довольно места, чтобы сделать приличный реверанс [государю], и совершенно замешался» [33, с. 27].

Также реверансами дворяне могли приветствовать друг друга, особенно если один из участников ситуации был ниже по своему социальному статусу или младше по возрасту при встрече, на балах, маскарадах, официальных и неофициальных приёмах и т.д. «[На балу] желая танцевать с дамой, кавалер подходил к ней не прежде, как после трёх церемониальных поклонов [т. е. реверансов], во время танцев едва касался её пальцев, а когда танец кончался, объявлял ей свою благодарность в выпранных выражениях и целовал ручку» [34, с. 125].

В XIX веке и до 1917 года при дворе во время балов и церемоний или вне двора для приветствия членов императорской семьи дамы по-прежнему исполняли *женский реверанс XIX века*, медленно сгибая колени и наклоняя голову. Император Николай I, например, лично рассказывал своим детям и внукам о придворных церемониях и сам показывал, как правильно следует двигаться, кланяться или делать реверанс [36, с. 18]. Молодых дворянок с детства обучали искусству приветствия; обучение происходило на уроках танцев или дома: «Он [учитель танцев] являлся на уроки всегда во фраке, с очень короткими позади фалдами, которые не повисали, а как-то смешно топорщились и поднимались почти торчком, когда он приседал, показывая сестре, как надо делать «глубокий реверанс», или показывал мне, как, «шаркнув ножкой», должно отвесить «глубокий поклон» старшим» [11, с. 75]. Воспитанниц Смольного института, многие из которых в дальнейшем стали фрейлинами при дворе, также специально обучали искусству придворного реверанса. «А вы, mesdames, стойте в дверях залы и, как принц подойдет к дверям, сделайте общий глубокий реверанс...» [10, с. 86]. Такое же внимание искусству исполнения реверанса уделяли и в другом известном учебном заведении для девочек-дворянок – Екатерининском институте (Училище ордена Святой Екатерины): «Уроки танцев, сразу для двух параллельных классов, происходили в большой зале под музыку тапера, в присутствии инспектрисы, зорко следившей за нашим поведением. Пол-урока мы учились делать реверанс: под звуки полонеза мы плавно приседали до полу, расправив обеими руками свои широкие платья» [5].

В менее торжественных ситуациях дворянки и представители других сословий исполняли книксен: «Калинович слегка поклонился ей; экономка сделала ему жеманный книксен» [32, с. 51]. Также, например, ученицы или воспитанницы учебного заведения часто приветствовали книксеном директрису или не очень важных гостей заведения: «Девочки сделали торопливый книксен и, пробормотав какое-то извинение, побежали наверх, молча разделись и легли спать» [23, с. 86]. Мужчины в этот период, как уже упоминалось, во всех ситуациях исполняли поклоны.

Помимо ситуаций приветствия реверансы и книксены использовались как знак уважения по отношению к адресату, для выражения благодарности или признательности вышестоящему лицу за оказанную милость или обещание помощи: «Девочка, взяв деньги, соскочила со стула, сделала реверанс и поцеловала у дедушки руку» [21, с. 116]. «Девушка, удостоенная награды первой степени, выходит из ряда остальных, делает два реверанса и опускается на подушку на колени перед государыней» [30, с. 245]. «Благодарю вас, Сергей Александрович, – делая книксен, проговорила Хиония Алексеевна в прежнем своем тоне» [24, с. 360].

Теперь скажем несколько слов о стилистической маркированности жеста. Вслед за СЯРЖ, в котором для стилистической маркировки жестов используются традиционные пометы из толковых словарей, можно отметить, что в настоящее время жест вышел из массового употребления, оставшись лишь в сфере искусства и спорте, соответственно, он может быть маркирован пометой *уст.* (*устаревшее*) или *ист.* (*историческое*). В некоторых контекстах, когда исполнение реверанса жестикулирующим является неуместным, возможно появление пометы *ирон.* (*ироническое*) или *шутл.* (*шутливое*). «Ванька-Встанька чисто поймал на лету брошенный пятиалтынный, сделал

комический реверанс и, нахлобучив набекрень форменную фуражку с зелёными кантами, исчез» [19, с. 210]. «Имею честь довести сие до сведения вашей светлости, – и она отвесила мне насмешливо-почтительный реверанс» [43, с. 86].

Заключение и выводы

В результате комплексного анализа, проведённый в данной работе, были проанализированы различные аспекты исполнения реверанса и выделены активные части тела, участвующие в его физической реализации. Были определены виды реверансов, характерных для русской жестовой культуры; схематично обрисован упрощённый способ их исполнения, описаны семантика, стилистика и ситуации употребления этого класса жестов.

Сравнение способов физической реализации схожих по своей форме *реверансов* и *поклонов*, позволило нам выделить реверанс в отдельный, новый класс русских жестов, так как главным элементом его физической реализации является, в отличие от поклона, сгибание ног, а не верхней части туловища. Впервые проведённое сравнение сфер и ситуаций употребления, характеристик исполнителя и адресата жеста, манеры исполнения *поклонов* и *реверансов* выявило наличие схожих и идентичных элементов в их семантике и прагматике, что позволяет объяснить широко распространённое отождествление реверанса с поклоном и использование их как контекстных синонимов, а также традиционное толкование реверанса через поклон в старых и современных словарях русского языка. Несмотря на выделенное семантическое и прагматическое сходство, данные жесты, как показано в работе, не принадлежат к одному семиотическому классу, что требует пересмотра толкования лексемы *реверанс* в современной лексикографии.

© Морозова Е.Б., 2023

Список литературы

1. Агеева О. Г. Императорский двор России эпохи Павла I / О. Г. Агеева. М.: Кучково Поле, 2018. 440 с.
2. Байбурун А.К. У истоков этикета / А. К. Байбурун, А. Л. Топорков. Л.: Наука, 1990. 168 с.
3. БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / под ред. В. И. Чернышёва. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1961. Т. 12. 1676 стб.
4. Биктагиров И. И. Поклоны и реверансы в историко-бытовых танцах: Учебно-методическое пособие для студентов средних и высших учебных заведений музыкально-хореографических и педагогических специальностей / И. И. Биктагиров. Казань: К(П)ФУ, 2015. 59 с.
5. Ваксель О. Воспоминания / О. Ваксель // Семь искусств, № 8 (21), 2011. – URL: <http://7iskusstv.com/2011/Nomer8/Vaksel1.php>. (Дата обращения: 20 сентября 2022 г.).
6. Виже-Лебрен Э. Воспоминания г-жи Виже-Лебрен о пребывании её в Санкт-Петербурге и Москве. 1795–1801 / Э. Виже-Лебрен. СПб.: Искусство-СПБ, 2004. 297 с.
7. Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем / Н. Е. Волков. М.: Кучково Поле, 2013. 320 с.
8. Головина В. Н. Мемуары / В. Н. Головина. Москва: АСТ, Астрель. 2005. 447 с.
9. Ивановский Н. П. Бальный танец XVI-XIX веков / Н. П. Ивановский. СПб.: Планета музыки, 2020. 256 с.
10. Каменская М. Ф. Воспоминания / М. Ф. Каменская. М.: Художественная лит-ра, 1991, 386 с.
11. Карабчевский Н. П. Что глаза мои видели. Том первый. В детстве / Н. П. Карабчевский. Берлин: Издание Ольги Дьяковой и К, 1921, 169 с.
12. Карнович Е. П. Мальтийские рыцари в России. Историческая повесть из времен Павла I / Е. П. Карнович. М.: Русская печатня, 1909, 253 с.
13. Колесникова А. В. Бал в России: XVIII – начало XX века / А. В. Колесникова. СПб.: Азбука-классика, 2005. 304 с.
14. Комаровский Е. Ф. Записки графа Е. Ф. Комаровского / Е. Ф. Комаровский. М.: Товарищество русских художников, Внешторгиздат, 1990. 49 с.
15. Корсаков А. Н. Воспоминания московского кадета // Кадеты, гардемарины, юнкера. Мемуары воспитанников военных училищ XIX века. М.: Ломоносовъ, 2012. С. 19-24.
16. Кох И. Э. Основы сценического движения / И. Э. Кох. М.: Просвещение, 1976. 222 с.
17. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. М.: НЛЮ, 2002. 592 с.
18. Кузнецов С. А. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. М.: Рипол-Норинт; СПб: Рипол-Норинт, 2008. 959 с.

19. Куприн А. И. Яма / А. И. Куприн. Полное собрание сочинений в 10 томах. Т. 6. Повести. Рассказы. М.: Воскресенье, 2007. С. 7-283.
20. Лаврентьева Е. В. Повседневная жизнь дворянства пушкинской поры. Этикет / Е. В. Лаврентьева. М.: Молодая гвардия, 2007. 663 с.
21. Лейкин Н. А. Дедушка-именинник / Н. А. Лейкин // Господа и слуги. Рассказы. СПб.: Товарищество «Печатня С. П. Яковлева», 1903. С. 113-150.
22. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века) / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство - СПб, 1994. 399 с.
23. Лухманова Н. А. Институтки. Тайны жизни воспитанниц / Н. А. Лухманова. М.: Алгоритм, 2017. 320 с.
24. Мамин-Сибиряк Д. Н. Приваловские миллионы / Д. Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений в 8 томах. Т. 2. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 592 с.
25. МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 3. 750 с.
26. Морозова Е.Б. Невербальный этикет в его соотношении с вербальным: дис...кандидата филологических наук / Е. Б. Морозова. Москва, 2006. 180 с.
27. Морозова Е. Б. Русские поклоны: взгляд сквозь века / Е. Б. Морозова // Концепт: философия, религия, культура. 2019. №1 (9). С. 148-155.
28. Моррис Д. Наблюдая за человеком: фундаментальное исследование всех невербальных сигналов / Д. Моррис. М.: КоЛибри, 2017. 668 с.
29. Накадзава А. К проблеме происхождения и эволюции этикетных формул «поклон» и «челобитье» в Древней Руси / А. Накадзава // Труды отдела древнерусской литературы / под ред. О. В. Панченко. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 653-677.
30. Никитенко А. В. Дневник. В трёх томах / А. В. Никитенко. Том 1. 1826-1857. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 542 с.
31. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. 18-е изд., стереотипное. М.: Русский язык, 1986. 797 с.
32. Писемский А. Ф. Тысяча душ / А. Ф. Писемский. Собрание сочинений в трёх томах. Т. 3. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. С. 3-469.
33. Пушкин А. С. Арап Петра Великого / А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том 6. Москва-Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1950. С. 7-57.
34. Пыляев М. И. Начало зрелищ, балов, маскарадов и других общественных увеселений в России / М. И. Пыляев. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1892. 323 с.
35. Роговец, О. В. Поклон в хореографическом искусстве: исторические преобразования и культурная значимость / О. В. Роговец // Молодой ученый. 2018. № 37 (223). С. 180-185.
36. Романова О. Н. Сон юности. Записки дочери Николая I / О. Н. Романова. М.: Алгоритм, 2017. 271 с.
37. Сегюр Л.-Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785-1789) / Л.-Ф. Сегюр. СПб.: Типография В. Н. Майкова, 1865. 389 с.
38. СЯП – Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов. М.: Азбуковник, 2000. Т. 3. 1283 с.
39. СЯРЖ – Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. Москва-Вена: Языки русской культуры; Венских славистических альманах, 2001. 256 с.
40. Тучков С. А. Записки С.А. Тучкова / С. А. Тучков. СПб: Свет, 1908, 297 с.
41. Успенский Н. В. Издалека и вблизи: Избранные повести и рассказы / Н. В. Успенский. М.: Советская Россия, 1980. 400 с.
42. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. М.: Альта-Принт: Дом. XXI век, 2008. 510 с.
43. Чарская Л. А. Княжна Джаваха / Л. А. Чарская. М.: Издательство «Детская литература», 2014. 220 с.
44. Чудинов А. Н. Справочный словарь орфографический, этимологический и толковый русского литературного языка / А. Н. Чудинов. СПб: тип. Исидора Гольдберга, 1901. 2208 стб.
45. Юзефович Л. А. Путь посла: русский посольский обычай, обиход, этикет, церемониал: конец XV-первая половина XVII в. / Л. А. Юзефович. СПб: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 340 с.
46. Юрков С. Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI-начало XX вв.) / С. Е. Юрков. СПб.: Летний сад, 2003, с. 210.
47. Efron D. Gesture and Environment / D. Efron. N.Y.: King's Crown Press, 1941. 185 p.

References

1. Ageeva, O. G. *Imperatorskii dvor Rossii epokhi Pavla I* [The Imperial Court of Pavel I] / O.G. Ageeva. M.: Kuchkovo Pole, 2018. 440 s.
2. Baiburin, A.K., Toporkov, A.L. *U istokov etiketa* [The Dawn of Etiquette] / A.K. Bayburin, A.L. Toporkov. L.: Nauka, 1990. 168 s.
3. BAS – *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka: v 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language: in 17 v.] / ed. by V.I. Chernyshev. M., L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1961. V. 12. 1676 clm.
4. Biktagirov, I. I. *Poklony i reveransy v istoriko-bytovykh tantsakh: Uchebno-metodicheskoe posobie dlia studentov srednikh i vys-shikh uchebnykh zavedenii muzykal'no-khoreograficheskikh i pedagogicheskikh spetsial'nostei* [Bows and Curtsies in historical dances: study guide for students] / I.I. Biktagirov. Kazan: K(P)FU, 2015. 59 s.
5. Vaksel, O. *Vospominaniia* [Memoirs] / O. Vaksel // Sem' Iskusstv. 2011, #8 (21), <http://7iskusstv.com/2011/Nomer8/Vaksel1.php>. (Accessed 20.09.2022).

6. Vigée Le Brun, Elisabeth. *Vospominaniia g-zhi Vizhe-Lebren o prebyvanii ee v Sankt-Peterburge i Moskve. 1775-1801* [Memoirs of Madame Le Brun of Her Visit to St. Petersburg and Moscow. 1775-1801] / E. Vigée Le Brun. SPb.: Iskusstvo-SPb, 2004. 297 s.
7. Volkov, N. E. *Dvor russkikh imperatorov v ego proshlom i nastoiashchem* [Russian Imperial Court in the Past and Present] / N.E. Volkov. M.: Kuchkovo Pole, 2013. 320 s.
8. Golovina, V. N. *Memuary* [Memoires] / V.N. Golovina. M.: AST, Astrel'. 2005. 447 s.
9. Ivanovskii, N. P. *Bal'nyi tanets XVI-XIX vekov* [Ball dances of 16-19-th cc.] / N.P. Ivanovskii. SPb.: Planeta muzyki, 2020. 256 s.
10. Kamenskaia, M. F. *Vospominaniia* [Memoirs] / M.F. Kamenskaia. M.: Khudozhestvennaia literatura, 1991. 386 s.
11. Karabchevskii, N. P. *CHto glaza moi videli. Tom pervyi. V detstve* [What my eyes saw. Volume 1. In the childhood] / N.P. Karabchevskii. Berlin: Izdanie Olgi D'iakovoi, 1921. 169 s.
12. Karnovich, E. P. *Mal'tiiskie rytsari v Rossii. Istoricheskaia povest' iz vremen Pavla I* [Maltese Knights in Russia. A historic Account of Pavel I's times] / E.P. Karnovich. M.: Russkaia Pechatnia, 1909. 253 s.
13. Kolesnikova, A. V. *Bal v Rossii: XVIII- nachalo XX veka* [Balls in Russia: 18-th- beginning of 20-th c.] / A.V. Kolesnikova. SPb.: Azbuka-klassika, 2005. 304 s.
14. Komarovskii, E. F. *Zapiski grafa E. F. Komarovskogo* [Letters of Count E. F. Komarovskij] / E.F. Komarovskii. M.: Tovarishchestvo russkikh khudozhnikov, Vneshtorgizdat, 1990. 49 s.
15. Korsakov, A. N. *Vospominaniia moskovskogo kadeta* [Memoirs of Moscow Cadet] / A.N. Korsakov // Kadety, gardemarinny, iunkera. Memuary vospitannikov voennykh uchilishch. M.: Lomonosov, 2012. S. 19-24.
16. Kokh, I. E. *Osnovy stsenicheskogo dvizheniia* [Basics of Stage Movement] / I.E. Kokh. M.: Prosveshchenie, 1976. 222 s.
17. Kreidlin, G. E. *Neverbal'naiia semiotika: iazyk tela i estestvennyi iazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language] / G.E. Kreidlin. M.: NLO, 2002. 592 s.
18. Kuznetsov, S. A. *Sovremennyi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Modern Definition Dictionary of Russian] / ed. by S.A. Kuznetsov. M.: Ripol-Norint; SPb: Ripol-Norint, 2008. 959 s.
19. Kuprin, A. I. *Iama* [Pit] / A.I. Kuprin // Polnoe sobranie sochinenii v 10 tomakh. V. 6. Povesti. Rasskazy. M.: Voskresenie, 2007. S. 7-283.
20. Lavrent'eva, E. V. *Povsednevnaia zhizn' dvorianstva pushkinskoi pory. Etiket* [Everyday Life of Nobility During Pushkin's Time. Etiquette] / E.V. Lavrent'eva. M.: Molodaia gvardiia, 2007. 663 s.
21. Leikin, N. A. *Dedushka-imennik* [A Birthday Grandpa] / N.A. Leikin // Gospoda i slugi. Rasskazy. SPb.: Tovarishchestvo Pechatnia S. P. Iakovleva, 1903. S. 113-150.
22. Lotman, Iu. M. *Besedy o russkoi kul'ture. Byt i traditsii russkogo dvorianstva (XVIII - nachalo XIX veka)* [Talks About Russian Culture. Routine and Traditions of Russian Nobility (18-th – beginning of 20-th cc.)] / Iu. M. Lotman. SPb.: Iskusstvo - SPB, 1994. 399 s.
23. Lukhmanova, N. A. *Institutki. Tainy zhizni vospitannits* [Boarding School Girls. Secrets of Pupils' Lives]. M.: Algoritm, 2017. 320 s.
24. Mamin-Sibiriak, D. N. *Privalovskie milliony* [Privalov's Millions] / D.N. Mamin-Sibiriak // Sobranie sochinenii v 8 tomakh. V. 2. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955. 592 s.
25. MAS – *Slovar' russkogo iazyka: v 4 t.* [Dictionary of Russian: in 4 v.] / ed. by A.P. Evgen'eva. M.: Russkii Iazyk.; Poligrafresursy, 1999. V. 3. 750 s.
26. Morozova, E. B. *Neverbal'nyi etiket v ego sootnoshenii s verbal'nym: dis...kandidata filologicheskikh nauk* [Nonverbal Etiquette Against Verbal: Dissertation of Candidate of Science] / E.B. Morozova. Moskva, 2006. 180 s.
27. Morozova, E. B. *Russkie poklony: vzgliad skvoz' veka* [Russian Bows Through Centuries] / E.B. Morozova // *Kontsept: filosofii, religii, kultura*, 2019. #1 (9). S. 148-155.
28. Morris, D. *Nabliudaia za chelovekom: fundamental'noe issledovanie vsekh neverbal'nykh signalov* [Watching Human: Fundamental Research of All Nonverbal Signals] / D. Morris. M.: KoLibri, 2017. 668 s.
29. Nakadzava, A. K *probleme proiskhozhdeniia i evoliutsii etiketnykh formul «poklon» i «chelobite» v Drevnei Rusi* [On the Problem of Origin and Evolution of Etiquette Formula of 'Bow' and 'Low Bow'] / A. Nakadzava // *Trudy otdela drevnerusskoi literatury* / ed. by O.V. Panchenko. SPb.: Rostok, 2016. V. 64. S. 653-677.
30. Nikitenko, A. V. *Dnevnik. V trekh tomakh* [Diary. In 3 vol.] /A.V. Nikitenko. V. 1. 1826-1857. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1955. 542 s.
31. Ozhegov, S. I. *Slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of Russian] / S.I. Ozhegov. M.: Russkii Iazyk, 1986. 797 s.
32. Pisemskii, A. F. *Tysiacha dush* [Thousand Souls] / A.F. Pisemskii // Sobranie sochinenii v trekh tomakh. Vol. 3. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1956. S. 3-469.
33. Pushkin, A. S. *Arap Petra Velikogo* [The Negro of Peter the Great] / A.S. Pushkin // Polnoe sobranie sochinenii v 10 tomakh. Vol. 6. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1950. S. 7-57.
34. Pyliaev, M. I. *Nachalo zrelisich, balov, maskaradov i drugikh obshchestvennykh uveselenii v Rossi* [The Beginning of Balls, Masquerades and Other Public Entertainment in Russia] / M.I. Pyliaev. SPb.: Tip. A. S. Suvorina, 1892. 323 s.
35. Rogovets, O. V. *Poklon v khoreograficheskom iskusstve: istoricheskie preobrazovaniia i kulturnaia znachimost'* [Bow in Choreography: Historical Transformations and Cultural Significance] / O.V. Rogovets // *Molodoi Uchenyi*. 2018. #37 (223). S. 180-185.
36. Romanova, O. N. *Son iunosti. Zapiski docheri Nikolaia I* [Dream of My Youth. Notes of Nikolay I's Daughter] / O.N. Romanova. M.: Algoritm, 2017. 271 s.
37. Segur, L.-F. *Zapiski grafa Segiura o prebyvanii v Rossii v tsarstvovanie Ekateriny II (1785-1989)* [Notes of Count de Segur about His Visit to Russia During the Reign of Catherine II (1785-1989)] / L.-F. Segur. SPb.: Tipografia Maikova, 1865. 389 s.
38. SIAP – *Slovar' iazyka Pushkina: v 4 t.* [Dictionary of Pushkin's Language: in 4 v.] / ed. by V.V. Vinogradov. M.: Azbukovnik, 2000. V. 3. 1283 s.

39. SIARZ – Grigor'eva, S. A., Grigor'ev, N. V., Kreidlin, G. E. *Slovar' iazyka russkikh zhestov* [Dictionary of Russian Gestures] / S.A. Grigor'eva, N.V. Grigor'ev, G.E. Kreidlin. Moskva-Vena: Iazyki russkoi kul'tury; Venskii slavisticheskii al'manakh, 2001. 256 s.
40. Tuchkov, S. A. *Zapiski S. A. Tuchkova* [Letters of S. A. Tuchkov] / S. A. Tuchkov. SPb.: Svet, 1908. 297 s.
41. Uspenskii, N. V. *Izdaleka i blizi: Izbrannye povesti i rasskazy* [From Far Away and Nearby: Selected Stories and Short Stories] / N.V. Uspenskii. M.: Sovetskaia Rossiia, 1980. 400 s.
42. Ushakov, D. N. *Tolkovyi slovar' sovremennogo russkogo iazyka* [Definition Dictionary of Modern Russian] / D.N. Ushakov. M.: Alta-Print: Dom. XXI vek, 2008. 510 s.
43. Charskaia, L. A. *Kniazhna Dzhavaha* [Countess Javaha] / L.A. Charskaia. M.: Izdatel'stvo Detskaia literatura, 2014. 220 s.
44. Chudinov, A. N. *Spravochnyi slovar' orfograficheskii, etimologicheskii i tolkovyi russkogo literaturnogo iazyka* [Spelling, Etymological and Definition Dictionary of Literary Russian] / A.N. Chudinov. SPb: typ. Isidora Gol'dberga, 1901. 2208 clm.
45. Iuzefovich, L. A. *Put' posla: russkii posol'skii obychai, obihod, etiket, tseremonial: konets XV-pervaia polovina XVII v.* [Ambassador's Path: Ambassadorial Custom, Routine, Etiquette, Ceremonial: end of 15-th- first half of the 17th c.] / L.A. Iuzefovich. SPb: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2011. 340 s.
46. Iurkov, S. E. *Pod znakom groteska: antipovedenie v russkoi kul'ture (XI-nachalo XX vv.)* [Expressing Protest: Antibeaviour in Russian Culture (19th – beginning of 20th cc.)] / S.E. Iurkov. SPb.: Letnii Sad, 2003, s. 210.
47. Efron, D. *Gesture and Environment* / D. Efron. N.Y.: King's Crown Press, 1941. 185 s.

Сведения об авторе:

Морозова Елена Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: семиотика, невербальная коммуникация, лексикография, этикет. E-mail: morel@mail.ru

About the author:

Elena B. Morozova, PhD, is Assistant Professor at English Department # 1 of MGIMO-University (Russia, Moscow). Fields of research interests: semiotics, nonverbal communication, lexicography, etiquette. E-mail: morel@mail.ru

* * *

PARALINGUISTIC MEANS OF MANIPULATIVE INFLUENCE ON THE VOTER AS EXEMPLIFIED BY DMITRY MEDVEDEV'S TELEGRAM CHANNEL

Olga A. Pogoretskaya

MGIMO-University,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

Abstract. The article gives a general characteristic of polycode messengers, which represent an information space that connects different elements of the political system and creates conditions for continuous political communication. Communication through genre 2.0 formats becomes a means of manipulating mass consciousness through these information channels. The need for the analysis of polycode messengers is conditioned by their growing popularity as an arena of political struggle in the modern Russian-speaking information space.

Special attention is paid to Telegram messenger due to the convenience of receiving and distributing information instantly, compressed form of delivery and possibility to interact with other voters on that platform.

The objective of the study is to present and analyze the impact made on the addressee-actor within the information market of instant messaging service Telegram, to systematize and analyze the polycode media of written communication.

An important factor in this context is the polycode organization of the information presented. The role of paralinguistic means of influencing the electorate is assessed based on Dmitry Medvedev's official Telegram channel.

The research material was based on the posts in the official Telegram channel in the period from March 18, 2022 to December 12, 2022 (193 postings).

The main method of research is qualitative content analysis, which analyzes the paragraphematic means of written communication – the presentation of the text material and its graphic design, the text accompaniment by such non-verbal components as emoji. The article contains the description of the main paralinguistic means of communication which are based on the variability of the published material volume, typographic variations, upper case, quotation marks, list serve and emoji usage. The functions that emoji language performs in combination with a stand-alone verbal component are described.

Keywords: polycode messengers, Telegram, genres 2.0, political communication, paragraphematic means of communication, emoji

For citation: Pogoretskaya, O. A. (2023) Paralinguistic means of manipulative influence on the voter as exemplified by Dmitry Medvedev's Telegram Channel. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 83–93. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-83-93>

ПАРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ИЗБИРАТЕЛЯ НА ПРИМЕРЕ TELEGRAM-КАНАЛА ДМИТРИЯ МЕДВЕДЕВА

О.А. Погорецкая

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. В статье даётся общая характеристика поликодовых мессенджеров, которые представляют собой информационное пространство, связывающее различные элементы политической системы и создающее условия для непрерывной политической коммуникации. Коммуникация через форматы жанра 2.0 становится средством манипуляции массовым сознанием через эти информационные каналы. Необходимость анализа поликодовых мессенджеров обусловлена их растущей популярностью как арены политической борьбы в современном русскоязычном информационном пространстве.

Особое внимание уделяется мессенджеру Telegram в связи с удобством мгновенного получения и распространения информации, сжатой формой подачи и возможностью взаимодействия с другими избирателями на этой платформе.

Целью исследования является представление, изучение и анализ воздействия на адресата-актора в рамках информационного рынка сервиса мгновенных сообщений Telegram, систематизация и анализ поликодовых средств письменной коммуникации.

Важным фактором в данном контексте является поликодовая организация представляемой информации. Роль паралингвистических средств воздействия на электорат оценивается на примере официального Telegram-канала Дмитрия Медведева.

Материалом исследования послужили посты в официальном Telegram-канале в период с 18 марта 2022 года по 12 декабря 2022 года (193 поста).

Основным методом исследования является качественный контент-анализ, в ходе которого анализируются параграфемные средства письменной коммуникации – оформление текстового материала и его графическое оформление, сопровождение текста такими невербальными компонентами, как эмодзи. Статья содержит описание основных паралингвистических средств коммуникации, которые основаны на вариативности объёма публикуемого материала, типографских вариациях, верхнем регистре, кавычках, списочном оформлении и использовании эмодзи. Описаны функции, которые выполняет язык эмодзи в сочетании с отдельным вербальным компонентом.

Ключевые слова: поликодовые мессенджеры, Telegram, жанры 2.0, политическая коммуникация, параграфемные средства коммуникации, эмодзи

Для цитирования: Погорецкая О.А. (2023). Паралингвистические средства манипулятивного воздействия на избирателя на примере Telegram-канала Дмитрия Медведева. *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 83–93. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-83-93>

Introduction

As far back as K. Marx argued that “supply prepares demand” [9, p. 203], which can be seen as the dominant principle of functioning of a peculiar “information economy” that has been taking shape in the media space of political discourse in recent times.

A number of studies are produced, which are devoted to the peculiarities of communication and speech tactics and strategies in Internet communication [4], [12], in social networks [2], [11], [7], SMM techniques in social media [13].

Twitter, an American microblogging service and social network, started in 2006¹. Originally created as a platform for instant messaging in everyday communication, this social network quickly became a platform for discussing political events, largely influencing the formation of the so-called “genre 2.0”, which denotes “genre formats emerging under the influence of social media” [3]. Nowadays, instant polycode messengers, which include Telegram, have formed a space in which information connects different elements of the political system, in which the process of information in transfer is continuous and aimed at achieving consensus between the governing and the governed [10].

The high degree of communicative influence can be considered a traditional feature of political discourse. Any speech unit can have a huge response in the audience, arouse interest, and provoke a spectrum of emotions – from approval to hatred [5].

The emergence and proliferation of messengers has multiplied the speed of this response from the mass recipient: the use of social media has created the possibility of unmediated, safe and instantaneous interaction of all actors in the discursive process.

In our view, the growth in popularity of this form of interaction is primarily due to the change in the very strategy of interaction of the politician/political force with the potential voter. The influence of content distribution via messengers is growing, which is primarily due to the visual dialogue form of interaction with the audience.

In the process of political communication, the impact made on the addressee-actor is particularly important. The study aims to explore and analyze this impact within the information marketplace of the instant messaging service Telegram, which allows this impact to be carried out faster and more effectively than other, more traditional sources such as radio, television or websites.

Communication is one of the means by which political elites control the masses in a state. In recent years, the information market has proposed a change in the strategy of interaction between the politician and the political audience through the delivery of information via messengers, through creolized, polycoded text. Speech impact in order to create conditions for sustainable influence on human consciousness is carried out “through the creation and functioning of political myths transmitted through the media, where the main means of speech influence is creolized text” [14, p. 7].

In this regard, we believe that communication carried out through genre formats 2.0 become a means of manipulating mass consciousness through these information channels. Manipulative influence is carried out directly through the speech sign, and it is the use of messenger as the main channel of influence on the addressee in the information market that allows one to carry out this influence quickly and effectively.

The organization of information presentation in this context is not unimportant. Within the framework of genre 2.0 we would like to establish what paralinguistic means of communication are implemented through the official Telegram channel of representatives of the country’s political elite – using Dmitry Medvedev’s Telegram channel as an example² – and how they can influence the consciousness and political choice of a potential voter.

¹ Pew Research Centre statistics on Twitter, <https://www.pewresearch.org/internet/2009/02/12/twitter-and-status-updating/> (Accessed 10 October 2022).

² Official Dmitry Medvedev’s Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Accessed 07 June 2022)

The growing role of messengers as an arena of political struggle in the modern information market in Russia

It is found that messengers have made significant changes to the strategy of information delivery and have become, for many voters, the main daily source of political news.

According to Russian Public Opinion Research Center (VCIOM)³, Russians most often read news on social media (39%) and in the media (38%), and the growth of citizens' media activity is increasing year by year.

Among the main reasons for the success of the shift in information primacy towards messengers are:

- maximum personalization of content: the voter follows only the news they are interested in;
- instant access to the latest information, often ahead of traditional Internet sites;
- convenience of getting information through a smartphone;
- high availability of information, the ability to obtain information, for various reasons, not available or not yet published in other sources;
- the ability to give feedback and voice one's opinion (messenger function "instant reactions");
- the opportunity to interact with other constituencies (open comments), the possibility of discussion among like-minded people;
- relative privacy;
- instant distributability;
- minimal length, concise presentation, outline form;
- presentation of information through "written colloquialism", facilitating the audience's understanding of political processes.

All of the above characteristics of messengers allow voters to meet the need for constant digital interaction with each other and with government representatives. Importantly, Telegram channels allow for real-time access and discussion, thereby outpacing classic media outlets. The further development and high demand for these media genres suggests the need for further discourse research in this direction.

Subject of the study

Telegram is one of the most popular messengers (in 2022, it became one of the 5 most downloaded applications, with over 700 million users). In Russia, this messenger has quickly become not only a means of everyday communication, but also a popular news source, as evidenced by the high number of subscribers to official channels of news agencies and publishers: "РИА новости" – 2,054,837 subscribers, "СМИ Россия" – 2,165,630 subscribers, "Топор Live" – 2,963,580 subscribers, "Госуслуги" – 789,114 subscribers, "Новая газета" – 374,506 subscribers, "Россия 24/7" – 346,162 subscribers, "РБК" – 317,971 subscribers⁴.

Telegram is a contact social network, that is, it is an information channel in which participants receive and broadcast information, express their opinions, exchange comments, and at the same time have the opportunity to establish "a closer interpersonal contact between two or more members of the group" [8, p. 40].

Today, the positioning of Telegram channels as personal media is gaining popularity. In the Russian information field it is quite a common phenomenon – politicians, journalists, public figures, TV presenters have their Telegram-channels (for example, "Кадуров_95" – 3,031,365 subscribers, "Вячеслав Володин" – 763,958 subscribers, "СОБЧАК" – 212,084 subscribers). However, this phenomenon is not very common among contemporary federal politicians.

³ Official site of Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-rossijan-monitoring> (Accessed 7 August 2022).

⁴ Online catalogue of Telegram channels and chat rooms, <https://tgstat.ru/> (Accessed 10 September 2022).

Against this background, the appearance of Dmitry Medvedev in the Telegram space, firstly, did not go unnoticed and aroused interest among readers, and, secondly, it became a new information phenomenon in the process of communication of the country's top leadership with the electorate.

The channel of Dmitry Medvedev “Дмитрий Медведев”, Deputy Chairman of the Security Council of the Russian Federation, appeared on March 14 and the first post was published on March 18, 2022. The Telegram channel quickly became popular (985,376 subscribers as of 12 December 2022) and marked a new form of communication between actors in political communication. Dmitry Medvedev himself stated: “...I believe that people should receive <...> information <...> without ambiguity, without diplomatic subterfuge, but in clear, simple language, understandable and at the same time direct”⁵. In recent times the concepts of “information warfare”, “fake news”, “propaganda” have not left the information field of both Russian and European media, which is why politicians face the difficult task of manoeuvring and positioning their point of view on a number of problems in this information field.

The object of the study was the verbal signs of political discourse in the Russian-language media sphere of Dmitry Medvedev's Telegram Channel.

The subject of the study was the organization of the Telegram channel's verbal material and its communicative (manipulative) potential. Its expressive structure and volume were taken into account, as well as its conditioning on the semantic parameters of the discourse.

Research methods

Against the backdrop of the events since February 24, 2022, the topic of the special military operation entered widely into the media and everyday discourse, and the appearance of a federal politician in the information field in the format of his own Telegram channel was an important new form of political communication in the country.

The research focused on the posts in the official Telegram channel from the first publication, March 18, 2022, to December 12, 2022, i.e. 193 postings. A statistical method was used to assess the published material in terms of volume.

The main method of research was qualitative content analysis, which was used to analyze the paragraphic means of written communication: the presentation of text material, its graphic design, and its accompaniment with emojis and illustrations.

Using the method of a continuous sampling of speech signs in Telegram-channel an attempt was made to analyze the communicative pragmatics of political discourse on the material of speech signs of Dmitry Medvedev's Telegram-channel.

Analysis and results of the study

Quantitative indicators of the posts

Both short messages (up to 100 printed symbols) and long posts (2500 printed symbols and more) can be found on the Telegram channel. The analysis of the quantitative indicators of published material can be seen in the table:

Post volume (in printed symbols) from 18.03.2022 to 12.12.2022:

Post volume in printed symbols (p.s.)	Number of posts for the period indicated
from 1 to 100 p.s.	41
from 100 to 400 p.s.	47
from 400 to 700 p.s.	28

⁵ From Dmitry Medvedev's interview with Al Jazeera, <https://easaily.com/ru/news/2022/06/03/medvedev-obyasnil-nediplomatichnost-svoih-vyskazyvaniy> (Accessed 15 July 2022).

Post volume in printed symbols (p.s.)	Number of posts for the period indicated
from 700 to 1000 p.s.	29
from 1000 to 2500 p.s.	16
over 2500 p.s.	32

Thus, we can see that the author of the Telegram channel tends to alternate the volume of information presented. The channel contains both short notes and medium-length posts and even longreads. This shows that the author provides both short comments and short evaluative judgments about the events he is interested in, and detailed analytical notes in which he provides a more in-depth analysis of these events.

Paragraphematic means of written communication on Dmitry Medvedev's Telegram Channel

In his Telegram-channel Dmitry Medvedev uses not only traditional – linguistic – means of communication, but also paralinguistic, particularly graphic means for presenting information. The need for “graphic design” (A.A. Atabekova's term) [1] is determined by the need to present the relevant characteristics of natural language in the context of Internet communication. When first encountering the test material, the graphic heterogeneity of the text becomes evident, which contains a variety of means of graphic communication in written communication, in particular:

I. Font variation.

1.1 Bold type:

a) is used in the headings of the post:

- “**Зеленский предложил Раде утвердить решение о конфискации российского имущества**”;

- “**Оружие, которое есть и которого сразу нет**”;

- “**П5: прощальные песни политических пигмеев пиндостана (не-Пелевин)**”;

b) within the text to highlight individual word combinations or whole sentences:

- “**И вопросами конфискации преступно** нажитого имущества киевского режима и его возвратом пострадавшим жителям Донбасса успешно занимаются наши Вооружённые силы”;

- “**Ситуация на Кавказе изменилась**”;

- “В 2022-м нам пришлось ответить гораздо жёстче.

Теперь необратимо изменился весь мир...!”⁶.

1.2 Bold and/or italicised type:

- “Что ж, Штатам требуется новый Афган, в который стремительно превращается нынешняя Украина. **Воровская воронка засасывает всё больше дорогостоящего вооружения**”;

- “Ибо покусилась она на сокровенное – **бабло**, которое, как известно, не пахнет ни порохом, ни трупами”;

- “Но есть и ещё одна задача, которая уже *решена*. С Россией стали *считаться по-настоящему*”;

- “Этот вывод обескураживает, но это, увы, так. *Они нас всех ненавидят!* В основе этих решений *ненависть к России – к русским, ко всем её жителям. Ненависть к нашей культуре. Отсюда отмена Толстого, Чехова, Чайковского и Шостаковича. Ненависть к нашей религии*”⁷.

1.3 Capitalization:

- “**НАШИ ГРЕХИ (в чём виновата Россия)**”;

- “Иными словами, <Германия> объявила России гибридную войну. Следовательно, Германия действует как ВРАГ РОССИИ”⁸.

⁶ Official Dmitry Medvedev's Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Publication date 8 August 2022).

⁷ Official Dmitry Medvedev's Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Publication date 31 May 2022).

⁸ Official Dmitry Medvedev's Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Publication date 4 September 2022).

II. Presenting verbal material in the form of a list:

- “В переводе с японского на русский язык это означает:
 1. Нефти будет на рынке существенно меньше, а цена её будет гораздо выше. Причём выше прогнозной астрономической цены в 300–400 долларов. Сравните с динамикой цен на газ.
 2. А вот у Японии не будет ни нефти, ни газа из России. Как и участия в проекте по СПГ «Сахалин-2».

Аригато!”;

- “Германия: а) недружественная страна, б) ввела санкции против всей экономики России и её граждан, в) поставляет Украине летальное оружие, направленное против наших Вооружённых сил”⁹.

III. Quotation marks:

- «Скотный двор: принципы «правильного» равенства»;
- «Глядя на то, как корёжит американцев – госсекретарь Блинкен в «поздравлении» с 77-летием Победы даже не вспомнил про СССР»;
- «Совершенно очевидно, что «помощь» в таком беспрецедентном масштабе объясняется вовсе не любовью к Украине и даже не поддержкой собственной экономики»;
- «Эти «мечтатели» умышленно игнорируют простую аксиому: *насильственный распад ядерной державы – всегда шахматная игра со Смертью*»¹⁰.

The aforementioned non-verbal means of communication are responsible for conveying the emotional component of communication. Font variation is responsible for highlighting, graphic and intonational variation is a kind of way of approximating the written text to the sound speech. At the graphical level, in some textual elements of Dmitry Medvedev’s Telegram Channel there is an orthographic approximation to transcription, expressed in capital letters since capitalization also helps to convey voice modulation and intonation, and is also used to visually attract the reader. The use of inverted commas is a means of conveying irony, sarcasm, drawing the reader’s attention to the subtext and can also be seen as a paragrammatic way of conveying the author’s attitude to current events.

Combining emoji with a standalone verbal component

Another striking feature of the Telegram channel in question is the relatively widespread use of emoji. The presence of emoji in the text of Telegram channels is a common phenomenon. Going back to the primary function of this messenger – communication, information exchange and discussion – it can be said that emoji have an intonation function and are a digital expression of human emotions. However, their rather abundant use is not the most obvious trait for a politician of this rank and certainly increases the impact on the perception of the address.

Here are some examples of emoji used in Dmitry Medvedev’s Telegram-channel based on the classification of R. V. Kozhina who identified a number of functions of emoji language [6]:

1. Emotive (expressive) – conveying emotions and moods to the interlocutor using emoji:

- “Получается, что наше продовольствие – наше тихое оружие 😊”¹¹ – the author uses the “winking face” emoji to express positive emotions related to the outcome of the analysis of the coming food crisis”;
- “Думаю, недалёк тот день, когда улыбающаяся Грета Тунберг появится в Европе в рекламе автозаправок под американским брендом 😊”, “Исполнять пока рано, но если есть такая просьба – рассмотрим 😊”, “Если, конечно, не уйдёт из американской юрисдикции 😊”¹² – emoji “smiling face”, “face with tears” to express irony, sarcasm.

⁹ Idem.

¹⁰ Official Dmitry Medvedev’s Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Publication date 3 September 2022).

¹¹ Here and below, the meaning of emoji is cited from the website of UNICODE, an organisation dedicated to standardising an informal graphic language and creating new emoji, <https://home.unicode.org/> (Accessed 20 August 2022).

¹² Official Dmitry Medvedev’s Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Publication date 11 April 2022).

2. **Meta-linguistic** – interpreting a particular emoji's meaning:

- “Молодцы! Мудрые решения европейских политиков! 🕯️🕯️🕯️” – the emoji “candle” is used in the context of analysis of European energy policy, in particular plans to abandon Russian gas, the symbol of the candle, the fire is interpreted as a source of energy;

- “Мы ценим последовательность и принципиальность наших европейских партнёров 😄😄” – the symbol “clown” is used to implicitly express the figurative meaning of the word – “joker”, “non-serious person”, “laughing stock” when assessing the actions of Western colleagues;

- “Типа нет условий пока для брака, много опасений в отношении такого марьяжа 👩👰👩” – the emoji “woman symbol”, used twice along with the emoji “bride” denotes same-sex marriage;

- “Но в НАТО Вашингтон главный, а само это НАТО в отношениях с ЕС старший партнёр, более зрелый, 1949 года рождения, в отличие от ещё юного, 30-летнего Евросоюза 🤝🤝”¹³ – emoji “two men holding hands”: male figures in this verbal accompaniment become a symbol of two international organisations – NATO and the EU – between which a close partnership has been established.

3. **Duplication** – using an emoji after written text to confirm, reinforce an emotion:

- “Пора менять национальные привычки немцев!”;

- “Долой мясо и колбасу 🍖🍖🍖!” – The emoji “schnitzel”, “meat on the bone”, “ham”, “hot dog” duplicate the verbal component “national habits of Germans, emphasize the presence of a large number of meat dishes in German cuisine;

- “Получается, завтрак съедим сами 🍳🍳🍳. Обедом, возможно, поделимся с друзьями 🍔/🍔🍔. А ужин врагам не отдадим 🍦🍦. Обойдутся. Лучше тоже сами съедим, а с утра спортом активнее позанимаемся 🏃🏃🏃!” – The use of emoji symbolizing food and exercise echoes what was said about eating and exercising in the morning;

- “Вот Байден 😄 ведь недавно признался, что санкции никого не остановят, но важно, чтобы *сохранялась боль*. No comment.”

- “ВОПРОС: 1. Сколько процентов этой суммы украдут в текущей ситуации Зеленский с окружением, сколько украинские олигархи, а сколько освоят близкие к демократам американские компании, включая компании сына Байдена US 🤝?”

- 2. Какое время им потребуется на качественный распил этой суммы?”¹⁴ – The “money with wings” and “money in their eyes” emoji confirm the verbal component of the post about Mr. Biden’s son’s money.

4. **Substitution** – using an emoji as a substitute for a verbal element:

- “Принцип “своя рука – владыка” работает на все 🏆”;

- “А когда этот импорт становится реальным, так вообще полный 🐱”;

- “Байден обратится к Конгрессу с предложением выделить 33 млрд долларов на поддержку Украины (20 🇺🇸 – на войну, остальное – на экономику и гуманитарную помощь)”;

- “Тут выяснилось, что до особо одарённых персонажей, о которых я писал, начало доходить, что Россия – это наша любимая Родина”¹⁵.

5. **Meaning-making** – the use of emoji to reinforce the author’s subtext, to create new meanings:

“Однако не факт, что это у них получится дважды зайти в одну воду 😄”¹⁶ – the author declares the need to use domestic messengers and social networks and doubts that Western media after blocking some Russian channels (in particular on Youtube) will be able to return to the Russian market, the “smiling face with glasses” emoji becomes a symbol of confidence that this is unlikely to happen.

Thus, when combined with an autonomous (or almost autonomous in a situation where emoji has a substitute function) verbal component, the use of emoji can create subtext, additional shades of meaning, be used as a tool to create irony, sarcasm, jokes and even create entirely new, unstated meanings outside

¹³ Official Dmitry Medvedev’s Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Publication date 2 April 2022).

¹⁴ Official Dmitry Medvedev’s Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Publication date 27 April 2022).

¹⁵ Official Dmitry Medvedev’s Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Publication date 14 June April 2022).

¹⁶ Official Dmitry Medvedev’s Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Publication date 18 March 2022).

the given context. Such functional use of popular graphic symbols is able to influence the political recipient in the political communication process, as it engages additional channels of influence (visual) and is remembered by the reader more than a purely verbal message.

Conclusions

The analysis of the survey results suggests that the linguistic uniqueness of the authors of Telegram Channels is growing, which attracts a larger audience. The growth in the number of subscribers to a federal politician's Telegram channel may indicate a growing interest in it on the part of the electorate.

Linguistic individuality manifests itself first of all through the use of paralinguistic means of influence on the voter, which is not typical of other representatives of power. There is a variation in the volume of the material published: the author alternates between short messages (up to 100 p.s.), accompanied by graphic material (video messages, interviews, iconography, photos) and long analytical notes (over 2,500 p.s.).

The author of the telegraph channel uses paragrammatic means of written communication, such as font variation, upper case, quotation, list serve, emoji, whose use is atypical for public communication of a federal politician with a mass voter, because it reduces the status distance between the author and the reader. In this regard, the presence of various emoji on Dmitry Medvedev's official Telegram channel distinguishes it as a channel of communication with a reduced distance, makes the process of political communication more familiar to the user of the messenger and, thus, influences the perception of the politician in the "OUR – THEIR" paradigm as his own. Medvedev uses emoji in various functions – emotive, meta-linguistic, duplication, substitution and semantic formation. At the same time, the number of emoticons is limited, their use is organic and the material is understandable for both the expert community and the mass audience.

There is an autosemantic relationship between the verbal component and the paralinguistic means of influence: non-verbal means of communication are responsible for the transfer of the emotional component of the communication and, therefore, are a means of influence on the reader.

At the moment, this phenomenon is not as widespread in Russia as in other countries where many of the most important political figures have social media profiles (Italy, for example), but it could set a precedent for the development of this channel of communication between the political elite and the mass voter.

© О.А. Погорецкая, 2023

References

1. Atabekova, A.A. *Lingvisticheskiy dizain WEB-stranits (sopostavitel'ny analiz iazykovogo oformleniya anglo- i ruskoiazychnykh WEB-stranits)* [Linguistic design of WEB-pages (comparative analysis of language design of English- and Russian-language WEB-pages)]. M.: RUDN. 2003. 202 p.
2. Babina, L.V. Ob osobennostiakh demotivatora kak polimodal'nogo teksta [On the Peculiarities of the Demotivator as a Polymodal Text]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences]. Tambov: Gramota. 2013. № 2 (20). pp. 28–33.
3. Goroshko, E. I. *Zhanry 2.0: problema tipologii i kategorizatsii (na primere kommunikativnogo servisa «Twitter»)* [Genres 2.0: the problem of typology and categorization (on the example of the Twitter communication service)]. / E. I. Goroshko, E.A. Zemlyakova, T.L. Polyakova. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, Moskva: Labirint. 2012. Vyp. 8. Zhanr i tvorchestvo [Vol. 8. Genre and Creation]. Pp. 344–357.
4. Kachmazova, A. U. *Kognitivnaya model' etnicheskoi stereotipizatsii «chuzhie ↔ svoi»: na materiale verbal'nykh i kreolizovannykh Internet-tekstov* [Cognitive model of ethnic stereotyping "alien ↔ their own": on the material of verbal and creolized Internet texts]: diss. ... kand. filol. n. Nalchik: 2015. 232 p.
5. Klemperer, W. *LTI. The language of the Third Reich. The philologist's notebook* [Iazyk Tre'tego reikha. Zapisnaia knizhka filologa]. Per. s nem. [Translated from German.] A.B. Grigoriev. M.: Progress-Tradition. 1998. 296 p.

6. Kozhina, R.V. Emodtsi kak chast' sovremennoi kommunikatsii [Emoji as a part of modern communication]. XX Iubileinaia vserossiiskaia nauchno-prakticheskaia konferentsiia molodykh uchenykh, aspirantov i studentov: materialy konferentsii [XX Jubilee All-Russian Scientific-Practical Conference of Young Scientists, Postgraduate Students and Students: conference materials]. 2019. P. 140–143.
7. Krylova, M.N. Iazyk sovremennogo internet-obshcheniia (na materiale intellektual'nogo kontenta sotsial'noi seti «VKontakte») [Language of modern Internet communication (on the material of intellectual content of social network “VKontakte”).] *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics]. 2019. № 1. P. 128–137.
8. Kuraeva, S.A. K metodologii issledovaniia sotsial'nykh setei [To the methodology of social network research]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta* [Scientific Proceedings of Moscow Humanitarian University]. M.: 2017. № 5. P. 38–46.
9. Marks, K. *Kapital* T.3 [Capital]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury [State Publishing House of Political Literature]. 1951. 932 p.
10. Meleshkina, E.Yu. *Politicheskii protsess: osnovnye aspekty i sposoby analiza: Sbornik uchebnykh materialov* [Political Process: Basic Aspects and Ways of Analysis: Collection of Training Materials] / pod red. Meleshkinoi E.Yu. M.: Izdatel'stvo «Ves' Mir». 2001. 304 p.
11. Oleshko, V.F., Taushkanova, A.E. Praktiki predstavleniia effektivnykh tekstov v sotsial'nykh setiakh (na primere soobshchestv «VKontakte») [Practices for presenting effective texts on social media (using the example of Vkontakte communities)]. *Izvestiia ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriia 1: Problemy obrazovaniia, nauki i kul'tury* [Izvestia of Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture]. 2019. № 2. P. 33–39.
12. Shtukareva, E.B. *Iazykovaia spetsifika internet-kommunikatsii* [Linguistic specificity of Internet communication] // S.I. Agagulyova [i dr.]. *Internet-kommunikatsiia kak novaiia rechevaia formatsiia: koll. monografiia* [Internet-communication as a new speech formation: coll. monograph]. M.: Flinta. 2016. P. 191–302.
13. Uhova, L.V. «Prodvigaiushchii tekst»: poniatie, osobennosti, funktsii [«Promotional text»: concept, features, functions]. *Vekhrnevolzhskii filologicheskii vestnik* [Verkhnevolzhsky philological bulletin]. 2018. № 3. P. 71–82.
14. Vashunina, I.V. *Kreolizovannyi tekst: Smyslovoe vospriiatie*. [Creolised text: Meaningful perception] // koll. monografiia / Otv. red. I.V. Vashunina. Red. koll.: E.F. Tarasov, A.A. Nistratov, M.O. Matveev. [Collective Monograph / Ed. by E.F. Tarasov, A.A. Nistratov, M.O. Matveev]. M.: Institut iazykoznaniiia RAN [Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]. 2020. 206 p.

Sources

1. Pew Research Centre statistics on Twitter, <https://www.pewresearch.org/internet/2009/02/12/twitter-and-status-updating/> (Accessed 10 October 2022).
2. Official Dmitry Medvedev's Telegram Channel, https://t.me/medvedev_telegram (Accessed 12 December 2022).
3. Official site of Russian Public Opinion Research Center (VCIOM), <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotrebienie-rossijan-monitoring> (Accessed 7 August 2022).
4. Online catalogue of Telegram channels and chat rooms, <https://tgstat.ru/> (Accessed 10 September 2022).
5. From Dmitry Medvedev's interview with Al Jazeera, <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/03/medvedev-obysnil-nediplo-matichnost-svoih-vyskazyvaniy> (Accessed 15 July 2022).
6. UNICODE official site, <https://home.unicode.org/> (Accessed 20 August 2022).

Список литературы

1. Атабекова А.А. Лингвистический дизайн WEB-страниц (сопоставительный анализ языкового оформления англо- и русскоязычных WEB-страниц). М.: Изд-во РУДН, 2003. 202 с.
2. Бабина Л.В. Об особенностях демотиватора как полимодального текста. // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2013. № 2 (20). С. 28–33.
3. Горощко Е. И. Жанры 2.0: проблема типологии и категоризации (на примере коммуникативного сервиса «Твиттер») // Е. И. Горощко, Е.А. Землякова, Т.Л. Полякова // *Жанры речи*. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. Вып. 8. Жанр и творчество. С. 344–357.
4. Качмазова А. У. Когнитивная модель этнической стереотипизации «чужие ↔ свои»: на материале вербальных и креолизованных Интернет-текстов: дисс. ... канд. филол. наук. Нальчик: 2015. 232 с.
5. Клемперер В. ЛТИ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. Пер. с нем. А.Б. Григорьева. М.: Прогресс-Традиция. 1998. 296 с.
6. Кожина Р.В. Эмодзи как часть современной коммуникации // XX Юбилейная всероссийская научно-практическая конференция молодых учёных, аспирантов и студентов: материалы конференции. 2019. С. 140 – 143.
7. Крылова М.Н. Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети «VKontakte») // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2019. № 1. С. 128–137.
8. Кураева С.А. К методологии исследования социальных сетей // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2017. № 5. С. 38–46.
9. Маркс К. Капитал. Т.3. Государственное издательство политической литературы. 1951. 932 с.

10. Мелешкина Е.Ю. Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: Сборник учебных материалов / под ред. Мелешкиной Е.Ю.- М.: Издательство «Весь Мир». 2001. 304 с.
11. Олешко В.Ф. Практики представления эффективных текстов в социальных сетях (на примере сообществ «ВКонтакте») / В.Ф. Олешко, А.Е. Таушканова // Известия уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. № 2. С. 33 – 39.
12. Штукарева Е.Б. Языковая специфика интернет-коммуникации // С.И. Агаюлова [и др.]. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография. М.: Флинта. 2016. С. 191–302.
13. Ухова Л.В. «Продвигающий текст»: понятие, особенности, функции // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 3. С. 71–82.
14. Вашунина И.В. Креолизованный текст: Смысловое восприятие. Коллективная монография / Отв. ред. И.В. Вашунина. Ред. колл.: Е.Ф. Тарасов, А.А. Нистратов, М.О. Матвеев. М.: Институт языкознания РАН, 2020. 206 с.

Источники

1. Статистические данные исследовательского центра Pew о Twitter, <https://www.pewresearch.org/internet/2009/02/12/twitter-and-status-updating/> (Дата обращения: 10.10.2022).
2. Официальный Telegram-канал Дмитрия Медведева, https://t.me/medvedev_telegram (Дата обращения: 12.12.2022).
3. Официальный сайт ВЦИОМ, <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mediapotreblenie-rossijan-monitoring> (Дата обращения: 07.08.2022).
4. Интернет-каталог Telegram-каналов и чатов, <https://tgstat.ru/> (Дата обращения: 10.09.2022).
5. Интервью Дмитрия Медведева телеканалу Al Jazeera, <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/03/medvedev-obyasnil-nediplomatichnost-svoih-vyskazyvaniy> (Дата обращения – 15.07.2022).
6. Официальный сайт UNICODE, <https://home.unicode.org/> (Дата обращения: 20.08.2022).

About the author:

Olga A. Pogoretskaya, Ph.D in Linguistics, is Senior Lecture of Department of Romance Languages, MGIMO University (Moscow, Russia). Spheres of research and professional interest: political linguistics, verbal manipulation, Italian foreign and domestic policy. E-mail: o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru

Conflicts of interest.

The author declares absence of conflicts of interest.

Сведения об авторе:

Погорецкая Ольга Андреевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры романских языков им. Т.З. Черданцевой МГИМО (Москва, Россия). Профессиональные и научные интересы: политическая лингвистика, речевая манипуляция, внешняя и внутренняя политика Италии. E-mail: o.pogoretskaya@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

ANGLO-SEMANTISM КОЛЛАБОРАЦИЯ AS A CONFLICTOGENIC ELEMENT IN MODERN RUSSIAN

T. Shkapenko, E. Zubritskaya, P. Makarova

Immanuel Kant Baltic Federal University
56 A, Chernyshevskogo ul., Kaliningrad, 236022, Russia

Abstract. The paper analyzes the process of semantic change of the noun «коллорація» in the Russian language under the influence of semantic transformations that occurred in the word “collaboration” in English. The basis of the appearance of a new lexico-semantic variant in the donor language is the change of the actors of interaction from the “enemy” to the “business partner”, which caused the amelioration of the meaning of the word. English-speaking Internet users pay attention to the innovative use of the word and seek to find out the difference between the meanings of the words “collaboration” and “cooperation”. The general result of the discussions is the conclusion that the noun “cooperation” is used in relation to any kind of interaction, while the new meaning of the word “collaboration” contains an indication of pragmatic goals in interactive processes. The commercialization of the sense contained in the word “collaboration” entails morphological changes, consisting in the appearance of the plural form as a result of the transition of an abstract noun into the category of concrete ones. The introduction of Anglo-semanticism «коллорація» into the Russian language occurs mainly in commercial and interdisciplinary scientific discourse. The analysis of articles headings containing the term «коллорація» shows its high frequency and the status of a fashionable term. At the same time, the innovative use of the word is faced with an ambiguous reaction of native speakers of modern Russian. The analysis of the data obtained as a result of the survey revealed evident discrepancies in the interpretation of the semantics and evaluative connotation of the words «коллорація» and «коллораціонизм» among representatives of different age groups. The use of the word «коллорація» in its Americanized meaning causes cultural shock among many representatives of older age groups. Most representatives of younger age groups do not feel cognitive dissonance due to their ignorance of the meaning of the word «коллораціонизм». The different level of acceptance of the words transmitted from the Anglo-American language picture of the world together with insufficient knowledge of history by the younger generation becomes a reason of explicit or hidden conflict situations in the communication process.

Keywords: English semantic loans, Anglo-semanticisms, linguocultural globalization, collaboration, collaborationism

For citation: Shkapenko, T. M., Zubritskaya, E. V., Makarova, P. F. (2023). Anglo-semanticism *Коллорація* as a conflictogenic element in modern Russian. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 94–106. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-94-106>

АНГЛОСЕМАНТИЗМ КОЛЛАБОРАЦИЯ КАК КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ЭЛЕМЕНТ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Т.М. Шкапенко, Е.В. Зубрицкая, П.Ф. Макарова

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта,
236022, Россия, г.Калининград, ул. Чернышевского, 56А

Аннотация. В статье анализируется процесс изменения значения существительного *коллора́ция* в современном русском языке под влиянием семантических преобразований, произошедших в слове *collaboration* в английском языке. В основе появления нового лексико-семантического варианта в языке-доноре лежит смена актантов взаимодействия с «врага» на «делового партнёра», приводящая к мелиорации значения слова. Инновационное употребление слова обращает на себя внимание англоязычных интернет-пользователей, стремящихся выяснить разницу между значениями слов *collaboration* и *cooperation*. Общим итогом дискуссий является вывод о том, что существительное *cooperation* употребляется по отношению к любому виду сотрудничества, в то время как для нового значения слова *collaboration* характерно указание на наличие прагматических целевых установок. Коммерциализация смысла в слове *collaboration* влечёт за собой морфологические изменения, состоящие в появлении формы множественного числа, маркирующего переход абстрактного существительного в разряд конкретных существительных. Внедрение англосемантизма *коллора́ция* в русский язык происходит преимущественно в коммерческом и междисциплинарном научном дискурсе. Анализ заголовков статей, содержащих слово *коллора́ция*, приводит к выводу о его высокочастотном использовании и обретении словом статуса модного термина. В то же время инновационное употребление слова сталкивается с неоднозначной реакцией носителей современного русского языка. Данные, полученные в результате анкетирования, свидетельствуют о кардинальных расхождениях в интерпретации семантики и оценочной коннотации слов *коллора́ция* и *коллора́ционизм* среди представителей различных возрастных групп. Использование слова *коллора́ция* в его американизированном значении вызывает культурный шок у многих представителей старших возрастных групп. У большинства представителей младших возрастных групп когнитивный диссонанс отсутствует по причине незнания ими значения слова *коллора́ционизм*. Различный уровень принятия транслируемых из англо-американской картины мира семантических заимствований при недостаточном знании молодым поколением истории приводит к возникновению явных или скрытых конфликтных ситуаций в процессе коммуникации.

Ключевые слова: семантические заимствования, англосемантизмы, лингвокультурная глобализация, коллора́ция, коллора́ционизм

Для цитирования: Шкапенко Т.М., Зубрицкая Е.В., Макарова П.Ф. (2023). Англосемантизм *Коллора́ция* как конфликтогенный элемент в современном русском языке. *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 94–106. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-94-106>

Введение

В последние десятилетия в русском языке активным образом протекают процессы англосемантизации, когда слово начинает употребляться в новом значении, генерированном в системе лингвокультурных координат американской цивилизации. В отдельных случаях реконцептуализация слова вступает в противоречие с культурно-историческим опытом при-

нимающего языкового сознания. Социально-возрастная и интеллектуальная дифференциация, различная степень вовлечённости людей в глобализационные процессы, а также различный уровень готовности отказаться от своего в пользу чужого, – всё это приводит к лингвокультурной конфронтации между представителями одного и того же этносоциума. Объектом анализа с точки зрения внутренней конфликтогенности в данной работе является англосемантизм *коллора́ция*, употребление которого в последние десятилетия активизировалось в различных дискурсивных областях.

Методы и материал

Теоретико-методологической основой выполненной работы явились труды отечественных и зарубежных учёных в области семантической деривации [6], [4], [8], [11], семантических заимствований [2], неосемантизации и англосемантизации [16]. Под англосемантизмом в работе понимается лексическая единица (слово или словосочетание), генетически чуждая или исконная, изменившая своё значение под влиянием английского языка. Выделение данного типа семантических заимствований в отдельную группу представляется обоснованным в связи с масштабностью данного лингвистического феномена в период глобализации. Материал исследования почерпнут из толковых словарей английского и русского языков, национального корпуса русского языка, российской системы индексирования научных статей e-library, а также материалов нашей картотеки. Анализ осуществлялся на материале английского и русского языков с использованием методов дефиниционного, компонентного, функционально-семантического, контекстуального и социолингвистического анализа.

Существительное *коллора́ция*: историко-генетический аспект

Слово *коллора́ция* пришло в русский язык из латыни в XIX веке, через французский язык, в значении сотрудничества. Согласно историческому словарю галлицизмов русского языка:

«КОЛЛАБОРАЦИЯ и, ж. collaboration f. 1. устар. Сотрудничество. – Так вы какой-же положите процент за коллора́цию <в составлении отчёта>. Бобор. Дельцы. // ОЗ 1873 1 1 128. Острота-то пера – не его, а – Жюли; поправляет он; пишет – она; это – коллора́ция. 1932. А. Белый Москва (маски). Б. 1989 337» [5].

В этом же словаре в качестве второго значения приводится:

2. «Предательское сотрудничество с врагами родины во время Второй мировой войны». Почти каждый француз выдавал себя за участника движения Сопротивления. О маршале Петене и дружески расположенном к нацистам правительстве Виши, о коллора́ции между Виши и немецкими национал-социалистами не было никакого упоминания. ВФ 1995 5 24. Вопрос о поддержке партизан населением по сути дела является оборотной стороной вопроса о готовности к коллора́ции. Родина 2003 7 74. | Коллора́ция Ватикана с нацистами подтверждается многими фактами. НС 1993 6 192» [там же].

Рассматриваемое в историческом масштабе явление сотрудничества с оккупационными режимами получило в русском языке, как и во многих других европейских языках, наименование *коллора́ционизм*, используемое в узком и широком смысле. БАС приводит значение этого слова, привязанное к конкретному историческому периоду:

«Коллора́ционизм, -а, м. collaboration f. Предательское сотрудничество с врагами своей родины во время оккупации её фашистскими войсками в период второй мировой войны» [1].

Современный толковый словарь русского языка интерпретирует значение слова в более широком смысле, как «сотрудничество жителей оккупированной страны с оккупантами» [9].

Определение *коллора́ционизм* по отношению к актам сотрудничества с оккупационными властями получает широкое распространение в различных языках мира, начиная с периода Второй мировой войны. В соответствии с хронологией военных событий первоначально оно использовалось по отношению к практике сотрудничества Франции с немецкими властями в 1940–1944 гг. Французское коллора́ционистское правительство во главе с маршалом А. Ф. Петеном

вошло в историю под названием режима Виши (от названия города, ставшего его местопребыванием). Впоследствии коллаборационизмом именовались также действия других европейских правительств, предпочитающих борьбе с врагом сотрудничество с немецкими оккупантами. Именем нарицательным, символизирующим акт предательства на государственном уровне в западном мире стала фамилия главы правительства Норвегии, В.А. Квислинга, представшего после капитуляции Германии перед судом и казнённого в 1945 году по обвинению в государственной измене. В СССР явление коллаборационизма ассоциировалось, в первую очередь, с Русской освободительной армией А.А. Власова. После поражения фашистской Германии во Второй мировой войне лица, причастные к коллаборационистской деятельности, подвергались во всех странах не только общественному порицанию, но и уголовному преследованию.

Анализ примеров, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка, показывает, что с целью обозначения деятельности сотрудничества с оккупационными властями в русском языке, в основном, употреблялось слово *коллаборационизм* (32 документа, 49 вхождений в газетном корпусе), в то время как примеры использования существительного *коллаборация* в этом значении единичны, и, что знаменательно, по большей части относятся уже к периоду новейшего времени:

«Выделенное слово «десятилетиями» говорит о том, что владыка считал коллаборационизм отнюдь не единственной, но лишь самой низкой и отвратительной формой борьбы зарубежных против их исторической родины» [7].

«И Холокост, и коллаборация – это темы сложные для освещения, обсуждения и понимания» [там же].

С целью наименования лиц, причастных к сотрудничеству с врагом, в русском языке использовалось существительное *коллаборационист* (значительно реже *коллаборант*), истолковываемое словарями как в широком, так и в узком смысле, привязанном к конкретному историческому периоду:

«Предатель, сотрудничающий с врагами своей родины, своего народа» [9]; «Предатель, сотрудничающий с врагами своей родины во время оккупации её фашистскими войсками в период второй мировой войны» [5].

Если в дефиниции коллаборационизма как совокупного социально-исторического феномена негативные оценки смягчаются, то в словарных определениях конкретных лиц, вовлечённых в процесс коллаборационизма, на первое место выходит указание на факт измены или предательства. Такое же отношение отражается и в ряде синонимов, которые заимствованное слово получает в русском языке: *предатель, изменник, дезертир, перебежчик, полицай, Квислинг* [<https://kartaslov.ru>; <https://sinonim.org.ru>].

Казалось бы, закреплённая в историческом опыте и отложившаяся в семантике слов *коллаборационизм* и *коллаборационист* связь с резко порицаемой обществом и преследуемой по закону деятельностью должна представлять собой надёжный лингвокультурный заслон для мелиорации значения, нейтрализации закодированных в нём отнесений к конкретным, исторически маркированным ситуациям. Однако, как показывает анализ современных дискурсивных практик, диктат глобализационного влияния успешно преодолевает лингвокультурную резистентность носителей языка, продвигая новый, возникший в коммерческом англо-американском дискурсе вариант употребления слова *коллаборация*.

Неосемантизация существительного *collaboration* в английском языке

В современных словарях английского языка первое значение глагола *collaborate* и образованного от него существительного *collaboration* описывается как 'процесс или ситуация совместной работы, выполняемой с целью произвести что-либо':

«Collaborate: work together to create or achieve the same thing.

Collaboration [uncountable]: 1. the situation of two or more people working together to create or achieve the same thing» [13].

В качестве второго значения приводится 'помогать тем, кто является врагом вашей страны или правительства' и соответственно 'ситуация сотрудничества с врагом':

«Collaborate: (disapproving) to help people who are an enemy of your country or government.

Collaboration [uncountable]: 2. the situation of people working with an enemy who has taken control of their country» [там же].

В основе появления нового лексико-семантического варианта лежит смена актантов взаимодействия: место врага занимает деловой партнёр, соответственно меняются цели совместно выполняемой работы и снимается закреплённая за словом ранее негативная аксиологическая маркированность. Несмотря на то, что все словари продолжают квалифицировать слово как принадлежащее к категории неисчисляемых, в деловом англоязычном дискурсе оно всё чаще употребляется в форме множественного числа, например: «*Get the latest on Collaborations from Vogue*» ('Получайте последние новости о коллаборациях от Vogue') [<https://www.vogue.com>]: «*The hottest fashion collaborations of 2022*» ('Самые горячие модные коллаборации 2022 года') [<https://www.universityoffashion.com>].

Ещё не зафиксированный словарями факт восполнения числовой парадигмы может быть объяснён влиянием внешних и внутренних языковых факторов. Существительное *cooperation* (сотрудничество) обозначало состояние или качество, отвлечённое от лиц, участвующих в процессе взаимодействия. Его принадлежность к разряду отвлечённых имён существительных исключала возможность употребления формы множественного числа. Коммерциализация актов сотрудничества, растущая популярность совместных креативных проектов вызвали необходимость создания номинаций, поддающихся количественной дифференциации. Этому же способствовала потребность в наименовании различных фирм, принимающих участие в процессе совместного творчества, а также в наименовании разрабатываемых ими продуктов. Факты метонимического употребления слова обусловили постепенный переход существительного *collaboration* в категорию исчисляемых. Как результат метонимического переноса с характера деятельности на различные виды деятельности описывает процесс плюрализации также А.А. Горбов, рассматривая его на примере слова *продажа/продажи*, восполняющего морфологическую парадигму в результате калькирования английских слов *sale/sales* [3].

Новое, переосмысленное значение слова порождает адъективный дериват *collaborative*: «involving two or more people working together for a special purpose: a collaborative effort/ venture/ study. *The presentation was a collaborative effort by everyone in the department*» ('включающий в себя двух или более людей, работающих вместе для достижения определённой цели: коллаборативные усилия / предприятие / исследование. Презентация была результатом коллаборативных усилий всех сотрудников отдела' [13].

Протекающие семантические изменения не остаются незамеченными носителями английского языка, активным образом обсуждающими различия между значениями слов *cooperation* и *collaboration* на многочисленных порталах. Часть интернет-пользователей придерживается мнения, что данные слова употребляются как синонимичные, однако слово *collaboration* в настоящее время является более модным (buzzword), другие отрицают их семантическое тождество и полную взаимозаменяемость. Основная разница между значениями двух слов чаще всего описывается как отличающиеся друг от друга цели и результаты двух видов совместной работы. В случае «коллаборации» коллектив или команда достигает общего результата, в случае «кооперации» результат не суммируется. Кроме языковых метарефлексов пользователей, проблема различия в семантике двух слов активным образом освещается на бизнес-порталах. Чаще всего разница между словами *cooperation* и *collaboration* разъясняется специалистами в области коммерции с экономической точки зрения. По их мнению, *collaboration* всегда имеет некий материально объективируемый результат, её эффектом является совместная интеллектуальная собственность и, как следствие, совместная прибыль и коммерческая выгода.

«*Collaboration and cooperation don't mean the same thing. Collaboration is a process of working with others to create something new. The output could be a service, product, or artwork, but collaborative processes always create*». ('Коллаборация и сотрудничество – это не одно и то же. Коллаборация – процесс

сотрудничества с целью создания чего-то нового. Его результатом может быть услуга, продукт или художественное произведение, то есть процессы коллаборации всегда создают что-либо»). [<https://nira.com/collaboration-vs-cooperation/>].

«*Collaboration implies shared ownership and interest in a specific outcome. If you and I collaborate on a project, we have shared authorship*». («Коллаборация подразумевает совместную собственность и заинтересованность в получении результата. Если мы с вами сотрудничаем (коллаборируем) над проектом, мы являемся соавторами» [<http://blog.jostle.me>]).

Основываясь на разъяснениях специалистов в области коммерческого дискурса, можно прийти к выводу о том, что слово *cooperation* обозначает сам процесс взаимодействия без отнесения к его цели или результату, в то время как слово *collaboration* имеет чёткое, прагматико-ориентированное целеполагание. Актуализация потенциальной коммерческой семы в слове *collaboration* приводит к возникновению нового лексико-семантического варианта, вытесняющего старое, доброе, зачастую бесприбыльное сотрудничество и заменяющее его более современной, рыночной версией. Именно «присутствие «продающих» сем в англо-американизмах чаще всего эксплицирует характер взаимоотношений в рамках оппозиции «свой» / «чужой». Англо-американский номинатор произвольным образом вторгается в естественную онтологию языкового знака, видоизменяя его в нужном ему прагматическом и аксиологическом направлении» [10, с. 331].

Примечательно, что в семантике существительного, именующего акторов коллаборации, симметричный лексико-семантический вариант не появляется, слово *collaborationist* продолжает обозначать только лиц, сотрудничающих с врагом:

«*Collaborationist: person or group works with an enemy who has taken control of their country*» («человек или группа людей, сотрудничающих с врагом, захватившим контроль над их страной») [<https://dictionary.cambridge.org>]. Связь с прошлой историей слова поддерживается также в «сохранности» единственного значения в слове *collaborationism*, истолковываемого исключительно как «практика сотрудничества с врагом»: «*Collaborationism: the advocacy or practice of collaboration with an enemy*» [15].

Несмотря на функционирование данных производных только в пейоративном значении сотрудничества с врагом, дискуссии о проблемах семантико-аксиологического размежевания нового и исходного значений слова *collaboration* на просторах англоязычного Интернета отсутствуют. Данный факт вполне объясним как с экстралингвистической, так и с интралингвистической точки зрения. С одной стороны, явление коллаборационизма известно американцам только как факт чужой истории, с другой стороны, данное слово является принадлежностью научного или книжного стиля, что ограничивает его знание узким кругом специалистов.

Англосемантизация существительного *коллаборация* в современном русском языке

По мнению Н. Фэйрклоу, автора работы «Язык и глобализация», ведущую роль в распространении дискурса о глобализации играют академическая среда, государственные структуры, неправительственные организации, средства массовой информации, а также повседневная жизнь людей [14]. В данном перечне удивление вызывает отсутствие бизнес-среды, которая, вне сомнения, должна занимать первое место в ряду агентов глобализации. По нашим наблюдениям, практически каждый транслируемый в академическую среду англо-американский лексический элемент проходит стадию первоначальной «инициации» в коммерческой среде, после чего уже начинает проникать в научно-институциональный дискурс. Данная тенденция представляется вполне оправданной с точки зрения импортированной идеи о том, что образование должно зарабатывать само на себя, а не дотироваться государством. Огромное количество англоглобализмов в научно-образовательном дискурсе содержит в себе скрытые или явные коммерческие смыслы. Так, интернационализация образования предполагает привлечение иностранных студентов, способных заплатить за своё обучение; методики эдьютейнмента нацелены на расширение потенциальной аудитории потребителей платных образовательных услуг. Непосредственно из области бизнеса переносятся формы организации учебной деятельности – проекты и презентации, кейс-технологии и портфолио и т.п. Не вызывает сомнений, что «в условиях перехода к основанно-

му на принципах конкуренции обществу университет утрачивает чистоту своей академической функции, присовокупляя к ней функцию маркетинговую» [12, с. 23].

Англосемантизм *коллора́ция* представляет собой один из ярких примеров перехода коммерческого термина в область научно-институционального дискурса, где он получает достаточно широкое междисциплинарное использование. Обращение к основному корпусу в НКРЯ даёт всего 8 документов при 10 вхождениях. В газетном корпусе отражается более репрезентативная картина активизации данного слова. Как показывает анализ примеров его использования, оно употребляется в нескольких значениях:

1) в качестве синонима слова *сотрудничество*, однако в целеориентированном смысле, например:

Когда идёт речь о развитии научных центров мирового уровня, надо иметь в виду, что международная коллора́ция подстёгивает одновременно и острую научную конкуренцию [7].

2) в метонимических обозначениях: группы людей, работающих вместе с целью создания нового продукта или наименования самого продукта, являющегося результатом совместной работы:

Коллора́ция ATLAS – международная группа учёных, которая работает с одноимённым детектором Большого андронного коллайдера LHC [7].

У Supreme вышла коллора́ция с японским дизайнером Йоджи Ямамото [там же].

Все зафиксированные в НКРЯ примеры эксплицитным или имплицитным образом указывают на пользу коллора́ций при решении задач различного типа: создания нового продукта, реализации проектов, продвижения или обновления различных брендов. Важным свидетельством включения коллора́ций в состав главных двигателей бизнеса является проведение различных конкурсов на лучшую коллора́цию, например:

Леди Гага также получила награды в категориях «Песня года» и «Лучшая коллора́ция» за песню Rain On Me, записанную совместно с Арианой Гранде [<https://lenta.ru/news/2020/08/31/vma/>].

Значимость коллора́ций для решения задач различного плана активно продвигается в российском научном дискурсе последнего десятилетия. Так, по запросу *коллора́ция* в системе e-library получаем 451 публикацию, включающую данное слово в название статьи или в состав ключевых слов. Основные проблемные области, в которых коллора́ция составляет предмет научно-исследовательского интереса, – это экономика, педагогика, социология и философия. Примечательно, что значительная часть названий статей построена по единой синтаксической модели, в которой *коллора́ция* выступает в роли подлежащего, соединённого сравнительным союзом как с именным сказуемым, выполняющим функцию уточняющего разъяснения:

«Коллора́ция как способ взаимодействия в современной рыночной экономике» (Кузьмин А.А., Родионов М.Г.); «Коллора́ция как феномен в процессе оптимизации логистических процессов» (Хлебников В.Ю.); «Коллора́ция как эффективный способ продвижения бренда» (Самойлова А.Е.); «Коллора́ция как актуальный маркетинговый ход» (Никоненко А.Я.); «Коллора́ции модных брендов как инновационная модель коммуникации» (Ежова Е.Н., Клышников Ю.А.) и др. Данное построение фраз свидетельствует как о новизне анализируемого феномена, так и об идее его универсальной пригодности и эффективности в условиях современного общества.

К основным областям использования англосемантизма относятся мода, или так называемая фэшн-индустрия, массовая культура и различные отрасли экономики, например:

«Цифровизация, интерактивность, коллора́ция и их проявления в пространстве архитектуры, дизайна» (Гиматдинова А.А.); «Умная одежда» как пример актуальной коллора́ции современных информационных технологий и индустрии моды» (Кусмидинова М.Х., Решетникова Н.С.); «Коллора́ции продовольственных брендов: проектирование потребительского опыта» (Спрыжкова А.С.).

Чрезвычайную активность в использовании коллора́ций как предмета изучения и объекта внедрения в практику педагогического процесса демонстрируют отечественные педагоги. В их работах *коллора́ция* рассматривается как некий «волшебный ключ» к повышению эффективности обучения, успеваемости, формированию компетенций и т.п., например:

«Коллаборация как эффективная форма развития профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования» (Расторгуева Е.С., Санникова Л.Н.); «Концепция коллаборации с целью повышения успеваемости обучающихся» (Дьяченко Н.Н., Капленко О.М.) и др.

В названиях отдельных статей педагогической направленности истинный смысл и состав входящих в коллаборацию субъектов трудно эксплицируем, что может служить в качестве косвенного свидетельства принадлежности термина к модным словам, когда он используется в большей степени с целью повышения статуса автора, или как лёгкий способ достижения эффекта научной новизны, например: «Обоснование идеи коллаборации детских направлений фитнес-клуба и речевого центра» (Комлева С.В.); «Использования коллабораций при подготовке вожатых к работе в организациях отдыха детей и их оздоровления» (Карпунин Д.В.); «Коллаборация как условие преодоления негативных факторов развития креативных пространств» (Глазкова М.А.). Заголовки отдельных статей поражают эклектизмом, который способны приобретать процессы коллаборации: «Коллаборация библиотек и профессиональных участников рынка в целях развития внутреннего туризма» (Сахарчук Е.С.) или «Китайские животные в аспекте межкультурной коммуникации на электронной платформе он-лайн коллаборации» (Завьялова Н.А., Ли Синьци, Юань Мэнмэн).

Общий смысл и каузальная основа всех «проколлаборационных» идей находят своё отражение в формулировке конкурса студенческих проектов: «Открытый научно-исследовательский конкурс проектов студентов как пример успешной коллаборации образования, бизнеса и власти» (Степанова С.А., Руглова Л.В.). Взаимовыгодное сотрудничество данных трёх составляющих рассматривается как условие бесконфликтного существования социума в новой рыночной системе. Наконец, встречаются статьи, в которых обосновывается ведущая роль коллаборации в прогрессе человечества как таковом: «Коллаборация – путь развития научно-исследовательского процесса и развития человеческого потенциала» (Ефремова И.И.).

О семантическом заимствовании *коллаборации* из языка-донора свидетельствует и активное использование гибридных техник в наименованиях статей: «Коллаборации в отечественной fashion-индустрии» (Росновская Л.В., Анохина А.С.); «Коллаборация в Instagram как один из трендов продвижения личного бренда» (Побединская Е.А., Ворсина О.Д.); «Коллаборации и cross-promotion как способы влияния на имидж бренда и аудиторию потребителей» (Трофиленкова Е.А., Шитова Ю.Ю).

Новое значение ещё не фиксируется современными словарями русского языка. Согласно Википедии, *коллаборация*: совместная деятельность (процесс), в какой-либо сфере, двух и более человек или организаций для достижения общих целей, при которой происходит обмен знаниями, обучение и достижение согласия (консенсуса) [ru.wikipedia.org]. При этом источник ссылается на англоязычный оригинал и разъясняет, что данное слово не следует путать со словом *коллаборационизм*. В русскоязычной сети Интернет также присутствуют метарефлективы пользователей, размышляющих о том, что значит слово, которое они употребляют, калькируя англоязычные дискурсивные практики:

«Если попытаться различить между собой понятия «взаимодействие», «сотрудничество» и «коллаборация», то: «коллаборация» более узкое понятие, содержащее в себе отсылку на какой-то проект, ради которого «все мы здесь сегодня собрались» [https://strelkamag.com].

«Коллаборация — объединение двух или более компаний для взаимовыгодного сотрудничества, выпуска совместных коллекций для привлечения внимания новой аудитории к своему бренду» [https://bestcube.space/kollaboratsiya-v-mode-i-bloggerov].

Не все носители современного русского языка, однако, воспринимают инновационное употребление слова вне связи с его предыдущей семантикой. Ярким примером конфликтности, возникающей при столкновении нового значения со старым, может служить зафиксированный в НКРЯ диалог двух персон российского шоу-бизнеса:

Борис отвечает: «Это же коллаборация!». Галкин в ответ: «Раньше за такое по щекам отхлестали бы» [7].

Социовозрастная дифференциация использования англосемантизма *коллаборация*

С целью выявления степени расхождения в знании семантики и оценочного модуса слов *коллаборация* и *коллаборационизм* нами было выполнено письменное анкетирование, в котором приняли участие 100 человек. Принимая во внимание то, что употребление англосемантизма *коллаборация* в наибольшей степени присуще коммерческому или междисциплинарному научному дискурсу, в качестве целевой аудитории опроса были выбраны студенты и преподаватели Института гуманитарных наук БФУ им. И. Канта. Общее количество опрашиваемых студентов составило 80 человек (1-3 курс направления отечественной и зарубежной филологии) и 20 человек (преподаватели университета на направлениях филологии, педагогики и психологии, в возрасте от 25 до 75 лет)¹. Анкетироваемым было предложено указать, знают ли они значение слов: *коллаборация* и *коллаборационизм*, написать их дефиницию, а также указать с помощью знаков «минус» или «плюс» предполагаемую оценочную коннотацию слов.

Анализ полученных в результате анкетирования данных выявил, что среди 80 студентов 58 указали, что знают значение слова *коллаборация*, 41 человек привели достаточно общее его определение как «объединение или совмещение различных видов деятельности», «совместная деятельность», «совместная научная или коммерческая деятельность», 13 соотнесли его только с коммерческой деятельностью («совместная деятельность нескольких фирм, брендов, музыкальных исполнителей и т.д.»), четверо написали, что слышали это слово, однако затрудняются определить его значение. Модус оценки был определен как положительный 65 студентами. Примечательно, что даже те, которые указали, что значение слова им неизвестно, воспринимают его как позитивно маркированное.

Аналогичный опрос на предмет знания семантики и прагматики слова *коллаборационизм* выявил следующие результаты: 22 студента указали, что они знают значение слова *коллаборационизм* и привели его истолкование как «сотрудничество с врагом, оккупантом и т.п.». Модус оценки слова был определен соответственно как отрицательный. Двадцать четыре студента указали, что знают слово, однако пытались истолковать его через более знакомое им слово *коллаборация* («совокупность коллабораций, масштабное явление сотрудничества, процесс соединения, феномен, тенденция, направление развития коллаборации»). Модус оценки слова был определен соответственно как положительный. Тридцать четыре студента отметили, что значение слова *коллаборационизм* им неизвестно, вследствие чего попытки предположить характер оценки слова отсутствовали. Данные анкетирования студентов представлены на диаграммах 1 и 2:

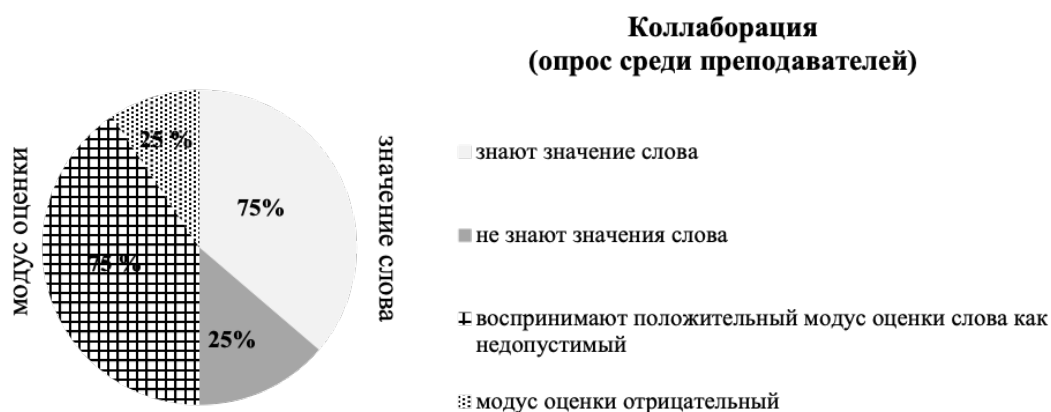

Рис. 1

¹ Заметим, что мы преднамеренно не проводили опроса среди студентов направлений истории и экономики, предполагая, что получим результаты, обусловленные спецификой профиля обучения, которые сложно будет квалифицировать как отражающие общий уровень знаний.

Среди преподавателей все респонденты истолковали значение слова *коллораационизм* как «сотрудничество с оккупационными властями, врагом и т.п.», определив соответственно модус оценки слова как отрицательный. В процессе анкетирования на предмет знания значения слова *коллораация* и его оценочного модуса 5 человек (возраст – 65 лет и выше) не были знакомы с инновационным способом его употребления, предположив, что это «единичные акты коллаборационизма», или «то же самое, что сотрудничество с оккупантами», что предопределило негативный характер оценочной семантики слова. Пятнадцать анкетировавшихся написали, что *коллораация* – это конкретные акты сотрудничества с целью создания некоего проекта, инновационного продукта, товара и т.п.. Все поставили знак «плюс» в графе оценка, при этом двое указали, что слово употребляется в положительном смысле, однако его устойчивая связь со значением слова *коллораационизм* вызывает «чувство неприятия» или «внутреннего протеста». Пятеро из данной группы уточнили, что *коллораация* – это новый синоним к слову «сотрудничество», один из них прокомментировал своё суждение как проистекающее из способа употребления слова представителями университетской администрации или менеджмента («Спасибо за коллаборацию!» – по отношению к иностранным партнёрам). Примечательно, что некоторые преподаватели снабдили собственными комментариями использование слова в новом значении («употребляю слово *коллораация* только в случае общения с иностранными партнёрами, хотя испытываю при этом внутренний дискомфорт», «использование слова в значении сотрудничества считаю недопустимым и возмутительным», «это попрание исторической памяти слова», «каждый раз, как слышу «спасибо за коллаборацию», внутренне содрогаюсь»). Таким образом, среди преподавателей было выявлено 100%-ое знание семантики слова *коллораационизм*, при этом 75% были знакомы со значением англосемантизма *коллораация* и его новой оценочностью, однако указали, что воспринимают происходящий процесс мелиорации слова как негативное и даже недопустимое явление. Данные опроса преподавателей представлены в диаграммах 3 и 4:

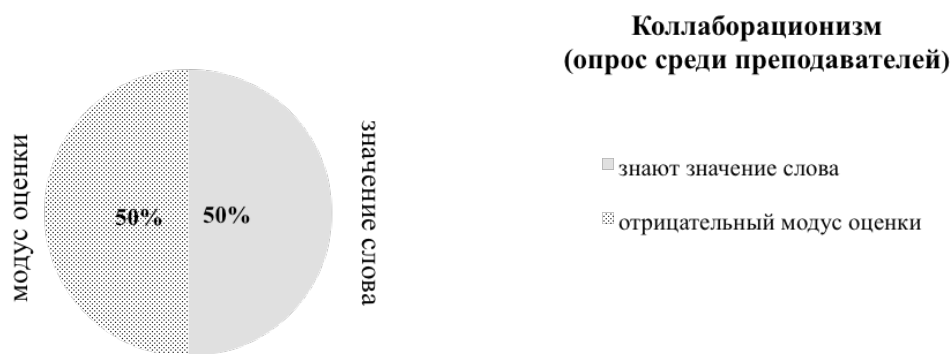

Рис. 4

Выводы

Англосемантизм *коллора́ция* представляет собой пример острого лингвокультурного расхождения с точки зрения его знания, употребления и восприятия отдельными группами носителей принимающего языка. Одни из них употребляют слово *коллора́ция* в транслируемом из американской языковой картины мира значении прагматически ориентированного сотрудничества, не чувствуя отягощённости семантики слова сопутствующим ему непростым историческим прошлым. У других такое «лайт-употребление» вызывает культурный шок, вследствие чего англосемантизм *коллора́ция* становится конфликтогенным фактором. Исторически детерминированная семантика исчезает из языкового сознания молодых носителей современного русского языка, которые, вполне вероятно, не отличаются глубоким знанием истории. Вопрос о том, что же происходит в языковом сознании поколения среднего возраста, представляющего собой авангардный отряд коллора́ции с англо-американским дискурсом, более сложный. Если в международных контактах американизированное употребление слова *коллора́ция* становится всё более распространённой практикой, то его использование отдельными носителями принимающих языков в рамках внутреннего общения представляет собой пример неосознанного или сознательного разрыва с культурным опытом слова как единицей хранения национальной памяти.

© Шкапенко Т.М., Зубрицкая Е.В., Макарова П.Ф., 2023

Список литературы

1. БАС (1950–1965) – Словарь современного русского языка: В 17 т. М. Л.: Изд-во АН СССР.
2. Горбов А. А. К вопросу о семантическом калькировании и «вторичном заимствовании» в русском языке рубежа XX–XXI веков // Вопросы языкознания, 2015, №1. С. 87–101.
3. Горбов А.А. Числовые парадигмы абстрактных существительных в русском языке XX века: тенденции развития и влияние английского языка // Russian Linguistics, 2014, Т. 38. № 1. С. 23–46.
4. Зализняк А.А. Семантическая деривация в синхронии и диахронии: проект «Каталога семантических переходов» // Вопросы языкознания, 2001, № 2. С. 13–25.
5. ИСГР (2010) - Исторический словарь галлицизмов русского языка/под ред. Н.И. Епишкина, Москва.
6. Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания, 2000, № 4. С. 85–109.
7. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (Дата доступа 3.07.2022)
8. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 610 с.
9. ТСЕ – Ефремова Т.Ф. (2000), Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Москва.
10. Шкапенко Т.М. Вместо послесловия // Своё vs чужое в дискурсивных практиках современного русского языка: монография /под ред. Н.Г. Бабенко, Т.М. Шкапенко. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2019. С. 328–335.

11. Шкапенко Т.М. Проблемы терминологизации и теоретического описания уровней языковой деривации / Т.М. Шкапенко, С.С. Ваулина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание, 2020, Т. 19. № 6. С. 204–215.
12. Шкапенко Т.М. Функционирование англоязычных заимствований в научно-образовательном дискурсе современного польского языка / Т.М. Шкапенко, М.А. Дмитриевская // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 2021, №3. С. 22–30.
13. DC – Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/collaboration> (Дата доступа 4.07.2022)
14. Fairclough N. *Language and Globalization*. L., 2006. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/272558986_Language_and_Globalization (Дата доступа 22.06.2022).
15. Merriam Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.merriam-webster.com> (Дата доступа 4.07.2022).
16. Witalisz A. *Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem*. Kraków : Tertium, 2007. 342 s.

References

1. BAS (1950–1965) – *Slovar' sovremennogo russkogo iazyka: V 17 t.* [Dictionary of Modern Russian: In 17 vols.] M. L.: Izd-vo AN SSSR.
2. Gorbov, A.A. K voprosu o semanticheskom kal'kirovanii i «vtorichnom zaimstvovanii» v russkom iazyke rubezha XX-XXI vekov [On semantic calquing and 'secondary borrowing' in Russian at the turn of the 21st century] / *Voprosy iazykoznanii*, no. 1, 2015, pp. 87–101.
3. Gorbov, A.A. Chislovye paradigmy abstraktnykh sushchestvitel'nykh v russkom iazyke XX veka: tendentsii razvitiia i vliianie angliiskogo iazyka [numerical paradigms of abstract nouns in the Russian language of the XX century: trends in the development and influence of the English language] / *Russian Linguistics*, vol.38, no. 1, 2014, pp. 23–46.
4. Zalizniak, A.A. "Semanticheskaia derivatsiia v sinkhronii i diakhronii: proekt «Kataloga semanticheskikh perekhodov»" [Semantic Derivation in Synchrony and Diachrony: the Project of the "Catalog of Semantic Transitions"] / *Voprosy iazykoznanii*, no.2, 2001, pp. 13–25.
5. ISGR (2010) – *Istoricheskii slovar' gallitsizmov russkogo iazyka* [Historical Dictionary of Russian Gallicisms edited by N.I. Epishkin], Moskva.
6. Kustova, G.I. "Kognitivnye modeli v semanticheskoi derivatsii i sistema proizvodnykh znachenii" [Cognitive models in semantic derivation and the system of derived meanings] / *Voprosy iazykoznanii*, no.4, 2000, pp. 85–109.
7. NKRI – *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [National corpus of the Russian language], <https://ruscorpora.ru/new/> (accessed: 3.07.2022).
8. Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary] / *Iazyki slavianskoi kul'tury*, 2004. 610 p.
9. TSE – Efremova T.F. (2000), *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [A new dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation], Moskva.
10. Shkapenko, T.M. "Vmesto poslesloviia" [Instead of an afterword] / *Svoe vs chuzhoe v diskursivnykh praktikakh sovremennogo russkogo iazyka*: edited by N.G. Babenko, T.M. Shkapenko, Kaliningrad: Izd-vo BFU im. I. Kanta, 2019, pp. 328–335.
11. Shkapenko, T.M., Vaulina, S.S. "Problemy terminologizatsii i teoreticheskogo opisaniia urovnei iazykovoii derivatsii" [Problems of Terminologization and Theoretical Description of the Language Levels of Derivation] / *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 2, Iazykoznanie*, vol. 19, no. 6, 2020, pp. 204–215.
12. Shkapenko, T.M., Dmitrovskaia, M.A. "Funktsionirovanie angloiazychnykh zaimstvovanii v nauchno-obrazovatel'nom diskurse sovremennogo pol'skogo iazyka" [Functioning of English-language borrowings in the scientific and educational discourse of the modern Polish language] / *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Serii: Filologiya, pedagogika, psikhologiya*, no. 3, 2021, pp. 22–30.
13. DC – Cambridge Dictionary <https://dictionary.cambridge.org/us/dictionary/english/collaboration> (accessed: 4.07.2022).
14. Fairclough, N. *Language and Globalization*. L., 2006. https://www.researchgate.net/publication/272558986_Language_and_Globalization (accessed: 10.07.2022).
15. Merriam Webster Dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com> (accessed: 4.07.2022).
16. Witalisz, A. *Anglosemantyzmy w języku polskim — ze słownikiem* [English Semantic Loans in Polish – with the dictionary]. Kraków : Tertium, 2007.

Сведения об авторах:

Шкапенко Татьяна Михайловна – доктор филологических наук, профессор Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации БФУ им. И. Канта. Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, лексическая семантика и прагмалингвистика.

E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Зубрицкая Екатерина Валентиновна – старший преподаватель Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации БФУ им. И. Канта. Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, лексическая семантика, ономастика. E-mail: EZubritskaya@kantiana.ru

Макарова Полина Феликсовна – старший преподаватель Высшей школы филологии и кросс-культурной коммуникации БФУ им. И. Канта. Сфера научных и профессиональных интересов: лингвистика глобализации, ономастика. E-mail: PMakarova@kantiana.ru

About the authors:

Tatyana M. Shkapenko, Doctor of Sc., is Professor at the Higher School of Philology and Cross-Cultural Communication at the Immanuel Kant Baltic Federal University. Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, lexical semantics and pragmatics. E-mail: tshkapenko@kantiana.ru

Ekaterina V. Zubritskaya is Senior Lecturer at the Higher School of Philology and Cross-Cultural Communication at the Immanuel Kant Baltic Federal University. Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, lexical semantics, onomastics. E-mail: EZubritskaya@kantiana.ru

Polina F. Makarova is Senior Lecturer at the Higher School of Philology and Cross-Cultural Communication at the Immanuel Kant Baltic Federal University. Spheres of research and professional interest: linguistics of globalization, onomastics. E-mail: PMakarova@kantiana.ru

Conflict of interests:

The authors confirm the absence of conflict of interests.

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2023-1-34-107-112

MEXICO IN THE SPOTLIGHT OF POLYGLOT STUDIES

Grigory Kazakov

MGIMO-University
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. This paper is a review of the Polyglot Conference 2022 in Cholula and the 3rd International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies, both united by the topic of Mexico's linguistic and cultural heritage. Discussed are the social and psychological aspects of polyglottery, language museums, Mexican Spanish, works of Yuri Knorozov, written sources of the Nahuatl culture, reading acquisition in modern and ancient languages, counting systems of Australian Aboriginals, and broader issues of multilingual and minority language studies.

Keywords: Mexico, Aztec script, Nahuatl, indigenous languages, polyglot, polyglottery, multilingualism, language learning, reading

For citation: Kazakov, G. A. (2023). Mexico in the spotlight of polyglot studies. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 107–112. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-107-112>

МЕКСИКА В ЦЕНТРЕ ВНИМАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИГЛОТИИ

Г.А. Казаков

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор Конференции полиглотов 2022 года в Чолуле и III Международного семинара по лингвистике и полиглотии, объединённых темой языкового и культурного наследия Мексики. Обсуждаются социальные и психологические аспекты полиглотии, музеи языков, мексиканский испанский, труды Ю. В. Кнорозова, письменные памятники культуры науа, овладение чтением на современных и древних языках, системы счёта австралийских аборигенов и более широкие вопросы исследований многоязычия и миноритарных языков.

Ключевые слова: Мексика, ацтекское письмо, науатль, языки коренных народов, полиглот, полиглоссия, многоязычие, овладение языком, чтение

Для цитирования: Казаков Г.А. (2023). Мексика в центре внимания исследований полиглотики. *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 107–112. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-107-112>

In late 2022, the focus of polyglot studies shifted to Mexico, where the long-awaited Polyglot Conference finally took place. This, symbolically, coincided with the 100th anniversary of Yuri Knorozov (1922–1999), renowned for his decipherment of the Maya script. Both facts spotlighted Mexico's extensive linguistic heritage and diversity, which rightfully deserves the attention of linguists and polyglots as a source of inspiration and novel research material.

The **Polyglot Conference 2022 in Cholula** was held on October 28–30 (the first one to take place offline since 2019). The event was organized under the auspices of the UN-declared International Decade of Indigenous Languages (2022–2032) and was attended by some 200 polyglots and language enthusiasts from across the world (primarily from the Western Hemisphere).

The Polyglot Conferences have been held annually since 2013, each year in a different country (Budapest 2013, Novi Sad 2014, New York 2015, Thessaloniki 2016, Reykjavik 2017, Ljubljana 2018, Fukuoka 2019) [4], [5], [7]. Due to the pandemic, the conference went online in 2020 and 2021. In 2022, the online and offline versions were organized separately, thus becoming two different events.

The 2022 conference took place in Cholula, the oldest continuously inhabited city in the Americas, the site of the biggest pyramid in the world, and one of the historical centres of the Nahuatl language community. The conference was thus surrounded by the immense cultural heritage of Mexico, which includes pre-Columbian civilizations, the colonial period, independent Mexico, and its indigenous languages and cultures.

The conference featured some 35 presentations grouped into three simultaneous tracks. Track 1 was devoted to general issues of polyglottery and language study. Track 2 embraced papers on the languages and cultures of Mexico. Track 3 included practical workshops. The main topics of the conference revolved around social significance of multilingual knowledge, the perception of multicultural identity, psychological self-help in the process of learning and using languages, the languages and cultures of the indigenous peoples of Mexico (especially Nahua), and language activism.

The presentation by Carlos Yebra “Hyperpolyglot activist: learn languages, make a difference” discussed common stereotypes and misconceptions about polyglots and language learning. Among other things, he expressed the view that “flags do not represent languages” (a reference to the practice of making badges with little flags of different countries symbolizing the languages spoken by Polyglot Conference participants), meaning that the identification of languages with specific countries of the world is an oversimplification dating back to the building of nation-states in the 19th century.

Grigory Kazakov's paper “The invisible on display: creating museums of language” addressed the issue of preserving and promoting linguistic diversity as intangible cultural heritage through modern museological forms. Having reviewed some of the few language-related museums that already exist in the world, the speaker stressed the centrality of the social trends behind them, arriving at the conclusion that language museums are not so much about languages as about the societies they make us part of [6, p. 274–275].

In the talk “Descolonizando el español mexicano” Nayeli Mulato spoke about the expressions in Mexican Spanish that reflect cultural and racial stereotypes dating back to the colonial period, e.g. “Es bonita pero está morenita”, “Cásate con un güero para mejorar la raza”, “Tiene el nopal en la frente”, “Hay que trabajar como negro para vivir como blanco”, etc. The speaker highlighted the importance of being more conscious of the way one speaks and of leaving the linguistic traits of colonialism behind, which, however, does not imply reconstructing the pre-conquest past in the present for ideological reasons.

Fred Chen in his presentation “New generation, new language” recounted his family’s linguistic history in the context of the history of Taiwan, which was accompanied by the change of the main language of communication in different generations. The challenges of this type of multilingualism include building cross-generational relations, creating healthy families and making peace with past political struggles. Meanwhile, the opportunities consist in the linguistic and cultural flexibility, “blessing others by blessing their heart language”, learning from source materials in other languages, and professional networking.

Derek Allen’s talk “Reclaiming someone else” raised the problem of linguistic biases that exist in relation to individuals of certain skin colour and social background (for example, a black person being expected to speak Black English in the USA) and presented his own story of coming to self-identify as African-American-Icelandic. He summarized his message by saying that “we do not owe each other certain types of cultural expression”, i.e. one does not have the obligation to meet the stereotypical expectations that others might have.

Benny Lewis in his presentation “Getting your momentum back to be the best you (and best learner) after a very long break” shared his personal experience of recovering both physically and psychologically after heavy stresses one may face in the field of professional language-related activity, given the public interest in and commercial demand for highly productive multilingual experts. Some of his encouraging self-help recommendations were “change your plan not to be behind it” (when failing to meet one’s own expectations) and “focus on content, not analytics” (when measuring success).

Jonathan Huggins in his paper “Why you should practice speaking even though you will make lots of mistakes” compared learning a foreign language to music performance, where musicians distinguish between the practice mode (fixing mistakes is possible) and the performance mode (demonstrating the skill on stage). He pointed out that learners often delay speaking practice because it is associated with stress and anxiety, which are often based on the earlier traumatic experience in school. To get out of this vicious circle, the speaker suggested separating mistakes from one’s sense of self-worth and switching to the mindset of personal growth.

Avishta Seeras in her talk “Less spoken languages matter more: advocating for indigenous and Creole languages and cultures” noted that the status and distribution of languages reflect power relations in society, and indicated that language learning can be a way of contributing to socially significant purposes. She invited the audience to consider these issues by posing the question: “How can you ensure that future generations have the same privileges you have had as a language learner?”

The other conference presentations and workshops dealt with creating online polyglot communities, learning indigenous languages, fostering multilingualism in early childhood, relations across language families, Latin and Ancient Greek translation problems, European vs. American French accent, the language of North Korea, Swiss German, Ladino, and other topics. One more special event was an interview with the American polyglot Vaughn Smith, who came to the foreground following a publication in *The Washington Post* [1].

Particular prominence was given to the Nahuatl language and the culture of its speakers, which were addressed in several papers (language variation, the writing system, grammatical incorporation, loanwords in Spanish, etc.). Besides, an introductory immersion course of Nahuatl was held the week before the conference. In practical terms, the use of Nahuatl for communication was encouraged among the participants, who all received in their welcome bags cards with basic Nahuatl phrases and their Spanish equivalents (Fig. 1).

On December 16, 2022, the 3rd **International Seminar on Linguistics & Polyglot Studies** was held online. The seminar was dedicated to the 100th anniversary of Yuri Knorozov, the decipherer of the Maya script. The program of the event focused on the Polyglot Conference 2022 in Mexico, the Aztec writing system and the topic of reading in different languages. The meeting was attended by researchers from Russia, Mexico, USA, Nepal, Japan, Turkey and France.

The seminar was inaugurated by the greeting address from Natalia Fortuny, Counsellor for Culture and Education at the Embassy of Mexico in the Russian Federation, who noted that there are more than 6 million speakers of 68 indigenous languages in Mexico and that the Mexican government aims to pre-

serve each one of them. In this context, the diplomat emphasized the importance of Yuri Knorozov's works and his contribution not only to scholarly research, but also to the strengthening of friendly ties between Mexico and Russia.

Figure 1. Cards with basic phrases in Nahuatl and Spanish (courtesy of Zaloa Languages)

Further, in the paper “Insights from the Polyglot Conference 2022 in Cholula, Mexico”, Grigory Kazakov overviewed the history of Polyglot Conferences, highlighted the main topics of the latest one (see above) and commented on some of the speakers' key ideas. He also observed that, compared to the previous ones, the Cholula conference became more multilingual (in terms of the languages of the talks) and more socially conscious (in terms of prioritizing socially significant purposes that polyglot expertise could serve).

The following presentation, “Nahua culture codices”, delivered by the director of a cultural centre in Cholula and a native speaker of Nahuatl, Osvaldo Zúñiga, was devoted to the manuscripts and epigraphic sources of the Aztec language and their historical and ethnographic context. Using colourful illustrations as examples, the researcher demonstrated the problems of interpreting such texts and the use of some characters of the Aztec writing in the heraldry of modern Mexico.

In the talk “Learning to read different scripts, languages and literatures: a polyglot's perspective”, the famous polyglot Alexander Arguelles raised the question of how reading acquisition differs in modern and ancient languages. He noted that the latter tends to be more analytical, and posed the question of how ancient languages could be approached more like modern ones. To reduce the difficulties when reading in different languages, the speaker suggested considering them not in isolation, but as interrelated aspects of a single phenomenon, and also from time to time leaving one or another language, like a field, “fallow” (without intensive practice) in order to later return to it with greater productivity.

In the course of the expert comments that followed, the President of the Nepalese Society of Geolinguistics, Aita Bishovkarma, emphasized the connection between writing and the development of civilization, named the writing systems used in various languages of Nepal, and raised the problem of teaching

reading in minority languages. In her turn, Natalia Lavrova, a professor at MGIMO, spoke about historical examples of the decipherment of ancient scripts and commented on the character traits of Yuri Knorozov as a researcher and a personality.

In the ensuing general discussion, Pavel Petrov invited everyone to consider the difficulties of translating between languages with different counting systems, using the example of a woman from one of the Aboriginal tribes of Australia who did not have numerals above two in her native language but could count above that in the language of her husband from a neighbouring tribe [2, p. 35]. Alexander Arguelles compared this phenomenon with the discrepancy between the measuring systems in different countries (e.g. Celsius vs. Fahrenheit).

In conclusion, the participants of the seminar paid attention to the fact that the year 2023 marks the 10th anniversary of modern polyglot studies (since the first Polyglot Conference in Budapest and the first academic conference on this topic in New York in 2013) [3], which deserves an international event of the appropriate level to discuss the results achieved over these years and to set new goals.

To summarize, both of the events reviewed spotlight the unique opportunities that open up for indigenous and minority language studies from the polyglot perspective. While few linguists venture to learn a smaller and lesser-known language (one of the reasons, perhaps, being the lack of learning materials), polyglots tend to be more ready for such challenges and can thus help bridge the gaps between the native community, academia and the general public. All this prepares a more prominent social role for polyglot studies.

© Kazakov G., 2023

References

1. Contrera, J. The remarkable brain of a carpet cleaner who speaks 24 languages. *The Washington Post*, 5 April 2022, washingtonpost.com/dc-md-va/interactive/2022/multilingual-hyperpolyglot-brain-languages (accessed 14 March 2023).
2. Harris, J. Australian Aboriginal and Islander mathematics. *Australian Aboriginal Studies*, 1987, 2. P. 29–37.
3. Kazakov, G. Konferentsiia po mnogoiazychiiu i poliglottizmu, Niu-Iork, 2013 [Conference on multilingualism and polyglottery, New York, 2013]. *Journal of Psycholinguistics*, 2013, 2 (18). P. 65.
4. Kazakov, G. Konferentsiia poliglотов 2018 g. v Liubliane [Polyglot Conference 2018 in Ljubljana]. *Journal of Psycholinguistics*, 2018, 4 (38). P. 228–231.
5. Kazakov, G. Konferentsiia poliglотов 2019 g. v Fukuoke [Polyglot Conference 2019 in Fukuoka]. *Journal of Psycholinguistics*, 2019, 4 (42). P. 192–195.
6. *Museums of Language and the Display of Intangible Cultural Heritage* (M. Sönmez et al. eds.). London – New York: Routledge, 2021. 334 p.
7. Our history. Polyglot Conference website, polyglotconference.com/about (accessed 14 March 2023).

Список литературы

1. Contrera J. The remarkable brain of a carpet cleaner who speaks 24 languages // *The Washington Post*, 05.04.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/dc-md-va/interactive/2022/multilingual-hyperpolyglot-brain-languages> (дата обращения 14.03.2023).
2. Harris J. Australian Aboriginal and Islander mathematics // *Australian Aboriginal Studies*, 1987, no. 2. P. 29–37.
3. Казаков Г. Конференция по многоязычию и полиглотизму, Нью-Йорк, 2013 г. // *Вопросы психолингвистики*, 2013, №2 (18). С. 65.
4. Казаков Г.А. Конференция полиглотов 2018 г. в Любляне // *Вопросы психолингвистики*, 2018, №4 (38). С. 228–231.
5. Казаков Г.А. Конференция полиглотов 2019 г. в Фукуоке // *Вопросы психолингвистики*, 2019, №4 (42). С. 192–195.
6. *Museums of Language and the Display of Intangible Cultural Heritage* / M. Sönmez et al. eds. London – New York: Routledge, 2021. 334 p.
7. Our history. Polyglot Conference. URL: <https://polyglotconference.com/about> (дата обращения 14.03.2023).

About the author:

Grigory Kazakov, PhD, is Executive Secretary of *Linguistics & Polyglot Studies* and Associate Professor at Department of English No.3, MGIMO-University. Research interests: language education, polyglottery, psycholinguistics, psychology of expertise, language and religion, translation of sacred texts, Scouting pedagogy. E-mail: g.kazakov@my.mgimo.ru

Сведения об авторе:

Григорий Александрович Казаков – кандидат филологических наук, PhD, ответственный секретарь журнала «Linguistics & Polyglot Studies» («Филологические науки в МГИМО»), доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России. Сфера научных интересов: языковое образование, полиглотия, психолингвистика, психология мастерства, язык и религия, перевод священных текстов, внешкольная педагогика. E-mail: g.kazakov@my.mgimo.ru

* * *

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2023-1-34-113-117

REVIEW

on the monograph by
E.A. Grinina and A.A. Evdokimova
«Galician language: history and the current state»
(edited by Doctor of Philology, Professor N.V. Ivanov). Moscow:
MGIMO-University Publishing House, 2022. 234 p.

Valery Iovenko

MGIMO-University
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

For citation: Iovenko, V. A. (2023). Review on the monograph by E.A. Grinina and A.A. Evdokimova “Galician language: history and the current state” (edited by Doctor of Philology, Professor N.V. Ivanov). Moscow: MGIMO-University Publishing House, 2022. 234 p. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(1), pp. 113–117. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-113-117>

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Е.А. Грининой и А.А. Евдокимовой
«Галисийский язык: история и современное состояние»
(под редакцией доктора филологических наук,
профессора Н.В. Иванова).
М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2022. 234 с.

В.А. Иовенко

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Для цитирования: Иовенко В.А. (2023). Рецензия на монографию Е.А. Грининой и А.А. Евдокимовой «Галисийский язык: история и современное состояние» (под редакцией доктора филологических наук, профессора Н.В. Иванова). М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2022. 234 с. *Филологические науки в МГИМО*. 9(1), С. 113–117. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2023-1-34-113-117>

Региональные европейские языки, по умолчанию обычно миноритарные языки, всегда привлекали внимание филологов своей загадочностью, происхождением, историей, ареалом распространения и даже самим фактом существования. Один из таких языков – галисийский, стал предметом научного освоения на кафедре испанского языка МГИМО, для которой рецензируемая монография – уже шестая за последние 10 лет.

Монография «Галисийский язык: история и современность» – результат многолетнего интереса известных романистов Елены Анатольевны Грининой и Анны Александровны Евдокимовой к галисийскому языковому пространству. Монография восполняет лауну, которая отчасти существует в отечественной и зарубежной романистике в сфере изучения галисийского языка. Рецензируемый научный опус представляет собой серьёзное исследование, в котором с позиций социолингвистики и классической филологии изучается один из четырёх ко-официальных языков Королевства Испания¹.

На галисийском языке, который входит в романскую семью языков, говорят 2 миллиона 700 тысяч жителей автономного сообщества Галисия, расположенного на крайнем северо-западе Испании. Галисийцы образно называют свой регион *балконом над Португалией* (*balcón sobre Portugal*), имея в виду неповторимое географическое положение Галисии, которая «нависает» над севером Португалии. География, естественно, не могла не наложить свой отпечаток на особый характер галисийского языка, в котором причудливым образом проявляются черты испанского языка, но прежде всего, португальского языка².

Е.А. Гринина и А.А. Евдокимова досконально изучили непростой процесс возникновения, нормализации и кодификации галисийского языка. Признанию его самостоятельности, о чём пишут в своей монографии её авторы, предшествовал долгий путь. Поэтому обоснованным видится нам мнение Е.А. Грининой и А.А. Евдокимовой о том, что понять современное состояние галисийского языка, нынешнюю языковую ситуацию и особенности процесса языковой нормализации в Галисии невозможно без учёта исторического развития галисийского языка. Авторам удалось показать тернистый путь, по которому долгие годы шёл этот язык, взлёты и падения, с которыми он сталкивался, и то, как сегодня галисийский язык вынужден отвечать на новые вызовы времени.

В преамбуле своего научного сочинения Е.А. Гринина и А.А. Евдокимова предлагают небольшую по объёму, но насыщенную по содержанию и весьма полезную для читателей информацию о местоположении Галисии, её населении, административном устройстве, истории, экономической ситуации, национальном характере и психологии галисийцев. Последнее обстоятельство, сопряжённое со знанием проявлений галисийского национально-культурного мировидения, приобретает особое значение в постижении галисийской языковой идиосинкразии.

В своём исследовании авторы, основываясь на трудах галисийских лингвистов и на осуществлённом ими основательном лингвистическом и историческом анализе, выделили шесть главных этапов истории галисийского языка, а именно: период зарождения в ходе романизации Пиренейского полуострова (конец VIII – начало IX века), период расцвета (конец XII – XV века), период стагнации (XVI – конец XVIII веков), период галисийского возрождения (XIX век), период диктатуры (1939-1975) и, наконец, период демократии (с принятия в 1978 году новой Конституции Испании). Именно в последние 45 лет галисийский язык получил статус ко-официального языка Испании, начал восстанавливать свои утраченные функции в рамках процесса нормализации и формализации его нормы.

История галисийского языка, по мнению авторов монографии, определяется следующими факторами: общим прошлым с португальским языком; трактовкой некоторыми лингвистами галисийского языка как диалекта либо португальского, либо испанского языка; социальными,

¹ Помимо галисийского языка (*gallego*), тремя другими ко-официальными языками (*lenguas cooficiales*), согласно статье 6 испанской Конституции, являются испанский (*castellano*), каталанский (*atalán*), баскский (*euskera*).

² Впрочем, некоторые филологи и историки пытались связать галисийский язык и культуру не с романским языковым и культурным пространством, а с древней кельтской (ирландской) цивилизацией. Е.А. Гринина и А.А. Евдокимова показали несостоятельность этих попыток.

политическими и языковыми обстоятельствами в связи с интеграцией Галисии в испанское государство; ситуацией диглоссии; обособленным развитием Галисии как национальной окраины испанского королевства.

Выявленные факторы, взаимодействуя и дополняя друг друга, формируют непростую картину, во многом типичную для старого континента в отношении языков национальных меньшинств.

Значительное место в рецензируемой монографии занимает описание этапа зарождения галисийского языка как разновидности романской речи с языковым статусом диалекта, сформированного на основе народной латыни. Внеязыковым фоном, который сыграл ключевую роль в дальнейшей судьбе галисийского диалекта, стала Реконкиста. Именно в процессе Реконкисты, длившейся почти восемь веков и завершившейся изгнанием из Испании в 1492 году арабских завоевателей, начинается постепенный процесс размежевания единого галисийского диалекта на галисийский и португальский диалекты, каждый из которых в итоге пойдёт своим самостоятельным путём.

Впечатляет основательная филологическая эрудиция авторов, которые использовали многочисленные источники на разных языках, освещающие генезис галисийского языка и изначальную языковую ситуацию на территории современной Галисии. В этом смысле монография продолжает и развивает традиции отечественной школы социолингвистики, в целом, и изучения проблемы языковых ситуаций и состояний в странах романской речи, формирования национальных и региональных романских языков, в частности, которые были заложены в трудах выдающихся отечественных филологов-романистов Г.В. Степанова, Е.М. Вольф, В.Г. Гака и Б.П. Нарумова.

На страницах монографии тщательно описаны многочисленные фонетические, грамматические и лексические особенности галисийской речи в конце этапа её зарождения. Причём, если галисийская грамматика приобрела отличительные черты, которые являлись общими для всех романских языков, то лексика галисийского языка имела либо, в основном, латинское происхождение, либо пополнялась за счёт заимствований из других языков, таких как иберо-кельтского, вестготского и арабского.

Е.А. Гринина и А.А. Евдокимова делают вывод о том, что на развитие галисийского языка, единого до XI века для Галисии и Португалии, оказал огромное влияние целый ряд внешних факторов, таких как романизация, нашествие германских племён, Реконкиста, отделение Португалии. Наличие языковых особенностей позволяет говорить о формировании в Средние века галисийского языка как самостоятельного романского языка, который, по мнению испанских и португальских лингвистов, более архаичен и в меньшей степени, чем испанский или португальский языки, подвергся поздним влияниям.

Важнейшим обстоятельством в истории романских языков является их становление как письменных языков. В этой связи период с XIII по XV век считается их расцветом. В рецензируемой монографии сделан обоснованный вывод о том, что в это время в Галисии уже существует литературный галисийский язык, который оказался востребованным во всех сферах жизни галисийского общества. Однако подлинным украшением галисийской литературы стали поэтические произведения, получившие название «галисийско-португальской лирики», поскольку именно галисийский становится языком поэзии кастильского и португальского королевских дворов. Расцвет любовной лирики под несомненным влиянием поэзии провансальских трубадуров связан с именем просвещённого кастильского короля Альфонса X Мудрого (годы правления: 1252-1284), который не только руководил изданием сборников кантиг – поэтических произведений на галисийском языке, но и сам был автором нескольких кантиг³.

3 Король Альфонс X Мудрый известен также как создатель знаменитой Школы переводчиков Толедо. Король руководил работой переводчиков, подбирая литературу для переводов с арабского языка и латыни на формирующийся в то время испанский язык, вырабатывал принципы и методы переводческой деятельности, сам много переводил (подробнее об истории Школы переводчиков Толедо см.: Иовенко В.А. Школа переводчиков Толедо, или откуда корни нашей профессии // Журнал переводчиков «Мосты». М.: изд-во «Р. Вапент». 2008. № 4.

Между тем, как отмечают авторы монографии, с середины XIV века динамичное развитие галисийского языка фактически останавливается в силу целого ряда внешних причин. Период развития галисийского языка и литературы сменяется периодом, получившим название стагнации, или «тёмных веков». Языковая ситуация, существовавшая в Галисии до конца XVIII века, характеризуется тем, что галисийский язык не выдерживает конкуренции с кастильским (испанским) языком, который вытесняет галисийский из всех сфер общественной жизни, оставляя для него лишь сферу бытового общения.

В первой трети XIX века целый ряд факторов экономического, политического и культурного характера порождает явление галисийского Возрождения (*Rexurdimento*). Одна из целей движения за галисийское Возрождение, возникшего в студенческой и профессорской среде университета Сантьяго-де-Компостела, заключалась в пробуждении интереса к галисийской культуре и в восстановлении галисийского литературного языка. Благодаря их усилиям к концу XIX века галисийский язык возвращает себе литературный стандарт. В 1906 году создаётся Королевская Академия галисийского языка. Галисийский язык, помимо языка бытового общения, становится языком публичной устной и письменной коммуникации, восстанавливается письменная традиция, начинается процесс становления нормы галисийского языка.

Отдельная глава монографии посвящена языковой политике в Галисии в XX веке: выживанию галисийского языка в период франкизма, превращению аргентинской столицы Буэнос-Айреса в культурный центр галисистики, реформированию образования, принятию в 1975 году закона об изучении языков национальных меньшинств Испании, изданию Королевской Академией орфографических норм галисийского языка.

Е.А. Гринина и А.А. Евдокимова уделили большое внимание закону и генеральному плану нормализации галисийского языка, которые были приняты в начале 80-х годов. Необходимость защиты галисийского языка повлекла за собой появление институтов и организаций, благодаря которым галисийский язык сумел восстановить свои утраченные функции.

На рубеже XX-XXI веков идёт, не без сложностей, процесс дальнейшей нормализации и кодификации галисийского языка. По мнению авторов, процесс создания нормы, на который огромное влияние оказывают экстралингвистические факторы, превратился в сегодняшней Галисии в составную часть политической борьбы с выраженной идеологической окраской. В 2003 году Королевской Академией галисийского языка и Институтом галисийского языка были одобрены нормы галисийского языка, которые регламентируют основные правила орфографии и грамматики. Официально признанные нормы стали важным шагом вперёд для кодификации галисийского языка. При всех исторических трудностях, процесс кодификации галисийского языка, заключают авторы монографии, в целом можно считать завершённым. И это, несмотря на то, что предпринятый авторами монографии анализ процесса нормализации языка в Галисии показывает, что попытки избежать нормативной контаминации наталкиваются на множество трудностей внеязыкового характера.

Интересными видятся нам наблюдения авторов о галисийском языке как объекте социолингвистического исследования. Проанализировав статистические данные, Е.А. Гринина и А.А. Евдокимова выявили сферы использования галисийского языка, в том числе, в системе среднего и высшего образования.

Монография завершается экскурсом в ареалы изучения галисийского языка в Галисии и за пределами Испании. Несколько страниц посвящены изучению галисийского языка в России: Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургском государственном университете, Московском государственном лингвистическом университете, Институте языкознания Российской академии наук, МГИМО.

Авторы резюмируют своё исследование мыслью о том, что галисийский язык – это язык сложной исторической и культурной судьбы. Они задаются вопросами: какова дальнейшая судьба галисийского языка, будут ли раскрыты полностью его функции на всех уровнях коммуникации, будут ли испытывать интерес к нему, как к одному из редких романских языков, только фило-

логи? Ответы на эти вопросы зависят, как полагают авторы, от внешних обстоятельств, которые сложатся в регионе. Если галисийское общество сумеет осознать свою языковую идентичность и захочет её сохранить, то будущее галисийского языка будет обеспечено.

Но какими бы ни были последующие события, сегодня можно утверждать, считают Е.А. Гринина и А.А. Евдокимова, что галисийский язык выжил в те времена, когда его вытесняли из общественной жизни, и он продолжает функционировать, обладая полным набором тех элементов, которые образуют систему любого языка.

Монография «Галисийский язык: история и современность» Е.А. Грининой и А.А. Евдокимовой написана на высоком теоретическом уровне, отличается научной новизной, глубоким анализом темы исследования, убедительностью выводов и представляет несомненный интерес для филологов широкого профиля, романистов, специалистов в области истории языков и социолингвистики.

© Иовенко В.А., 2023

Сведения об авторах:

Иовенко Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных интересов: теория перевода, когнитивная лингвистика, культурология, философия языка и перевода. E-mail: viovenko@rambler.ru

About the author:

Valery Iovenko, Doctor in Philology, is Professor, Head of Spanish Department, MGIMO-University (Moscow, Russia). Research interests: theory of translation/ interpretation, cognitive linguistics, studies of culture, philosophy of the language and the translation/interpretation. E-mail: viovenko@rambler.ru

* * *

К юбилею Т. А. Ивушкиной

Поздравляем с юбилеем научного редактора журнала «Филологические науки в МГИМО» (*Linguistics & Polyglot Studies*), заведующего кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России, доктора филологических наук, профессора Татьяну Александровну Ивушкину!

Т. А. Ивушкина работает в журнале с 2012 г. и все эти годы обогащает его своим профессионализмом, внимательностью и стратегическим мышлением. За время ее работы существенно вырос уровень публикуемых в журнале статей, из сборника трудов он стал полноценным научным изданием (2015), вошел в Перечень ВАК (2017), обрел новое английское название и формат (2021).

Как исследователь и автор Татьяна Александровна выступала на страницах «Филологических наук» с работами по стилистике, лексикологии, социолингвистике, литературоведению, языку и культуре высших классов британского общества, международному сотрудничеству в учебном процессе.

С 2007 по 2015 г. Т. А. Ивушкина также принимала активное участие в работе диссертационного совета МГИМО по филологическим наукам. После перехода Университета к системе самостоятельного присуждения ученых степеней она продолжает руководить подготовкой аспирантов и соискателей и участвовать в защитах диссертаций.

Благодарим глубокоуважаемую Татьяну Александровну за совместную работу и желаем ей неиссякаемой энергии, творческих идей и многочисленных новых достижений!